ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№6
2023

Журнал входит в ***Перечень ВАК*** *ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени*

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru *Сайт:* http://zakonivlast.ru/

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 29.12.2023 *Цена свободная*
Тираж 300 экз.
Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

«Массовый человек», как социальный феномен и объект для исследования: история становления, развития и влияния на современную мировую политику. *Бохан А.С.* **4**

Идентичность и формирование сообщества. *Ван Лань* **12**

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Особенности оспаривания сделок юридических лиц в процедуре наблюдения. *Асташкин А.Ф.* **17**

Законодательный статус-кво и предложения модели ГЧП в Китае. *Вэй Ли* **22**

Защита прав малого и среднего бизнеса. Принцип защиты слабой стороны. *Оганезян Р.А.* **27**

Реформирование трудовых отношений в связи с применением цифровых технологий в условиях четвертой промышленной революции. *Смолина Ю.В.* **33**

Дополнительный патент на лекарственное средство. *Яхаева А.П.* **39**

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Риски и угрозы цифровизации деятельности органов исполнительной власти. *Монько В.С.* **45**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Некоторые аспекты личности преступника и современные возможности профилактического воздействия на лиц, ранее судимых за совершение преступлений, осужденных к лишению свободы, с целью предупреждения «рецидива» преступлений и возможной ресоциализации указанных лиц. *Бажанов Р.И.* **50**

Миграционная преступность: пути противодействия в разрезе современной миграционной политики. *Котяжов А.В., Зылева Г.В., Абрамов Ю.В., Фисунов С.А., Терехова А.А.* **56**

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Криминологический портрет преступника-браконьера. *Игликова С.Д.* **67**

О перспективах анализа места ДТП при помощи беспилотных летательных аппаратов: технические достоинства и проблемы практической реализации. *Кучерков И.А.* **72**

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Признание недееспособным: некоторые процессуальные аспекты и проблемы. *Банный Д.С.* **77**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Основные геополитические модели и концепции. *Литвиненко Д.В., Терешина А.Н., Файзулина А.А.* **84**

List of References

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE

"Mass man" as a social phenomenon and an object for research: the history of formation, development and influence on modern world politics. Bokhan A.S. **4**

Identity and community formation. Wang Lan **12**

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Features of challenging transactions of legal entities in the surveillance procedure. Astashkin A.F. **17**

Legislative status quo and proposals for the PPP model in China. Wei Li **22**

Protection of the rights of small and medium-sized businesses. The principle of protecting the weak side. Oganezyan R.A. **27**

Reforming labor relations in connection with the use of digital technologies in the context of the fourth industrial revolution. Smolina Yu.V. **33**

Additional patent for a medicinal product. Yakhaeva A.P. **39**

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT

Risks and threats of digitalization of the activities of executive authorities. Monko V.S. **45**

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL EXECUTIVE LAW

Some aspects of the criminal's personality and modern possibilities of preventive influence on persons previously convicted of crimes, sentenced to imprisonment, in order to prevent the "recidivism" of crimes and the possible re-socialization of these persons. Bazhanov R.I. **50**

Migration crime: ways of counteraction in the context of modern migration policy. Kotyazhov A.V., Zyleva G.V., Abramov Yu.V., Fisunov S.A., Terekhova A.A. **56**

FORENSICS. FORENSIC EXPERT ACTIVITIES. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Criminological portrait of a criminal poacher. Iglikova S.D. **67**

On the prospects for analyzing the scene of an accident using unmanned aerial vehicles: technical advantages and problems of practical implementation. Kucherkov I.A. **72**

CRIMINAL PROCESS

Declaration of incompetence: some procedural aspects and problems. Banny D.S. **77**

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Basic geopolitical models and concepts. Litvinenko D.V., Tereshina A.N., Fayzulina A.A. **84**

«Массовый человек», как социальный феномен и объект для исследования: история становления, развития и влияния на современную мировую политику

Бохан Александр Сергеевич
младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований) Военного университета Министерства обороны им. Александра Невского, ucozworking@yandex.by

Концепт «человека-массы» берёт свое начало еще во времена античности: греческие и римские интеллектуалы рассматривали «толпу» и её членов как угрозу стабильности для общества. Схожих взглядов придерживались и средневековые философы. Переосмысление понятий «массовый человек» и «массовое общество» в русле социокультурных теоретических концепций в конце XIX–начале XX вв. положило началу новому витку тематических исследований. Хосе Ортега-и-Гассет, Эрих Фромм, Герберт Маркузе и многие другие философы, политологи, социологи, литераторы предлагали свои подходы для осмысления нового типа общества и его главного единичного субъекта, «человека-массы». В данной статье анализируется становление, эволюция феномена «человека-массы», а также его влияние на современную мировую политику. Кроме того, в рамках статьи особое внимание уделяется эволюции восприятия феномена «толпы» и «массового человека» в контексте различных исторических эпох. Рассматривается становление «массового человека» как объекта научных изысканий в различных дисциплинах. При этом во внимание берётся дифференцированный подход к изучаемому феномену в связи с различными исследовательскими школами разной для них методологической основой.

Ключевые слова: человек-масса, массовый человек, массовое общество, демократия, индустриализация, Ортега-и-Гассет, Франкфуртская школа, культурная революция, поколение, ценности

Понятия «массовый человек» и «массовая культура» вошли в научный оборот гуманитарного знания относительно недавно: в первой трети XX в. Первым ученым, давшим систематизированное описание термина «человек массы» или «массовый человек», был испанский философ и богослов Хосе Ортега-и-Гассет. В своей основной работе «Восстание масс» он раскрывает сущность нового человеческого типа, возникшего вследствие развития технологического прогресса и его проникновения во все сферы жизни общества в европейских странах. По его мнению, «массовость» — это радикально новое состояние общества, при котором отрицается сама основа существования цивилизации в лице высокой культуры, Под высокой культурой испанский философ подразумевает всю совокупность накопленного культурного наследия, в первую очередь различного рода тексты разносторонней направленности, которые, по его мнению, создают человека думающего и размышляющего над всеми аспектами собственной жизни и мира вокруг. Именно бесконечный процесс работы над собой, как считал Ортега-и-Гассет, в итоге и создает человека истинной элиты. «Массовый человек» — основа массовости и массового общества. Он не относится к какому-либо конкретному социальному классу или конкретной сфере деятельности, ибо может принадлежать как к новоявленной технократической элите, так и быть частью рабочего класса. Отличительной особенностью «массового человека» является, прежде всего, отсутствие желания работать над собой, думать и размышлять над своими действиями и миром вокруг. Для массового человека наиболее важной задачей в жизни является удовлетворение первичных потребностей, в духовной же сфере он предпочитает потреблять готовый и низкопробный про-

дукт, который не отягощает его излишними размышлениями и заботами. Испанский философ полагал, что именно представители новоявленного интеллектуального класса являются главными проводниками нового мировоззрения, т.к. их мнимая ученость в рамках своей узкой компетенции делает их крайне заносчивыми и толкает в конечном счете на попытки размышлять и действовать в тех сферах общества, о которых они не имеют никакого понятия в силу своей ограниченной образованности [1].

Однако стоит заметить, что Хосе Ортега-и-Гассет был первопроходцем в сфере определения «человека массы» как социокультурного явления. В политическом и общественном смысле понятия «толпа» и «человек из толпы» имеют куда более глубокие корни. Еще древнегреческие философы (Платон, Аристотель) рассуждали о наиболее оптимальных формах правления в греческих городах-государствах. Одним из главных препятствий на пути к общественной гармонии, согласно Платону, является демократия, которая представляет собой власть толпы, заботящейся исключительно о собственном благополучии. Человек из толпы по природе своей расточителен, безответственен и радеет только лишь о своем частном интересе посредством перераспределения общественных и материальных благ в свою пользу [2, с. 133-135]. Ученик Платона Аристотель не разделял идеалистических представлений своего учителя о том, что государство должно управляться кастами мудрецов-философов и воинов в неизменном виде на протяжении веков. Согласно Аристотелю, государство есть живой организм, формирующийся на основе общения между различными группами внутри общества: начиная от семьи и заканчивая государством как высшей стадии общения [3]. Этот бесконечный процесс видоизменения предполагает, согласно Аристотелю, перетекания правильных форм правления в неправильные. Правильными являются такие формы как монархия, аристократия и полития. Неправильными же являются тирания, олигархия и демократия. Под неправильной демократией древнегреческий философ понимал такую форму правления, при которой большинство граждан, будучи неимущими или малоимущими, получают всю полноту власти исключительно по причине своей численности. Фактически речь здесь идёт о толпе, которая берёт на себя полноту политической власти. При этом главным элементом такой политической системы выступает человек из толпы: бедняк, который при любом политическом голосовании всегда будет выступать исключительно за свой собственный материальный интерес.

Понятия государственного устройства продолжили рассматривать интеллектуалы Древнего Рима. Например, Марк Туллий Цицерон в своём знаменитом труде «О государстве. О законах» вновь обращается к аристотелевским идеям о правильных и неправильных формах правления. Упоминает он и демократию как наносящую вред общему телу государства власть толпы. Для поиска оптимального государственного устройства Цицерон предлагает взять лучшие элементы из всех трёх правильных форм правления, «чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы одна часть была уделена и вручена авторитету первенствующих людей, а некоторые дела были предоставлены суждению и воле народа» [4, с. 35].

Средневековая Европа во многом продолжила античную традицию политико-общественной мысли. Виднейший средневековый мыслитель и философ Никола Макиавелли в своих трудах, также как и Аристотель, вновь выделяет три правильных и три неправильных формы правления: монархию, аристократию и демократию как правильные и тиранию, олигархию и анархию в качестве неправильных. При этом флорентийский философ предполагает, что власть народа при республиканском устройстве все же лучше, чем единоличная власть монарха или тирана [5, с. 440].

Однако все эти изыскания времен античности и средних веков в своей основе не выделяли какого-либо отдельного социального или культурного типажа «массового человека». Контекст подразумевал, что человек был лишь частью «толпы» как феномена вне рамок какой-либо строгой научно-определенной сферы. Такой подход к определению массы сохранялся достаточно долго. Философы и публицисты 18-19 вв. еще не определяли «человека-массу» как отдельную социокультурную единицу, являющуюся объектом исследования. Первым, кто заговорил про «человека-массу» как нечто сформировавшееся в контексте культуры и социальных отношений, был немецкий философ Фридрих Ницше. В одном из своих трудов он писал: «Горе! Приближается время, когда человек не родит больше звезды. Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя… Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий всё маленьким. Его род неистребим, как земляная блоха; последний человек живет дольше всех. «Счастье найдено нами», – говорят последние люди, и

моргают. Они покинули страны, где было холодно жить: ибо им необходимо тепло. Также любят они соседа и жмутся к нему: ибо им необходимо тепло. Захворать или быть недоверчивым считается у них грехом: ибо ходят они осмотрительно… От времени до времени немного яду: это вызывает приятные сны. А в конце побольше яду, чтобы приятно умереть. Они еще трудятся, ибо труд – развлечение. Но они заботятся, чтобы развлечение не утомляло их. Не будет более ни бедных, ни богатых: то и другое слишком хлопотно. И кто захотел бы еще управлять? И кто повиноваться? То и другое слишком хлопотно. Нет пастуха, одно лишь стадо! Каждый желает равенства, все равны: кто чувствует иначе, тот добровольно идет в сумасшедший дом. «Прежде весь мир был сумасшедшим», – говорят самые умные из них и моргают. Все умны и знают всё, что было; так что можно смеяться без конца. Они еще ссорятся, но скоро мирятся – иначе это расстраивало бы желудок. У

них есть свое удовольствьице для дня и свое удовольствьице для ночи; но здоровье – выше всего. «Счастье найдено нами», – говорят последние люди и моргают» [6, с. 13-14]. Здесь под видом «маленького человека» как раз и понимается тот типаж личности нового социума массовой культуры мира модерна, который впоследствии охарактеризует Ортега-и-Гассет.

С другого фланга философского спектра так же пытались осмыслить новое состояние социальной реальности, однако не через роль личности в истории, а через классовый анализ общества. С этой точки зрения массовый человек и массовое общество не столько социокультурный феномен, сколько формируемый под воздействием социально-экономической реальности новый тип человеческой личности. Карл Маркс как основоположник этого направления писал, что «действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства» [7, с. 333]. Согласно Марксу, массовизация порождает феномен «частичного работника». У такого человека его собственная трудовая деятельность и её плоды отделены от конечного продукта, производимым таким работником. Маркс полагал, что в новой экономической парадигме накопительного крупного производственного капитализма происходит процесс отчуждения «частичного работника» от плодов своего труда. Наемный труд по сути отчуждает человека не только от своего труда, но и от жизни как таковой. Работник отдает часть своего личного времени не просто во имя труда, но во имя денег, которые превращаются в своеобразный фетиш. Фетишизация доводит отношения между человеком и деньгами до «крайней степени самоотчуждения человека», ибо «отчуждение вещей есть практика самоотчуждения человека» [7, с. 333].

Недостатком марксистского определения массовизации как социального явления была, прежде всего, однобокость применяемых в ходе исследований методов. Исключительный акцент на экономическом базисе фактически полностью исключал из рассмотрения такие немаловажные для формирования нового типа человека области как культура, групповые социальные интересы, влияние новых средств коммуникаций и т.д. Однако при этом марксизм внёс неоценимый вклад в дело понимания человека-массы как социального феномена.

Следующим большим шагом в осмыслении таких понятий как «масса», «человек массы» стали труды французский исследователей Гюстава Ле Бона и Жана Габриэля Тарда. Каждый из них рассматривал отдельные аспекты функционирования масс людей как некой общности со своей логикой становления и развития. Главной темой работ Гюстава Ле Бона было осмысление массы как психологического феномена, способного диктовать отдельно взятому человеку, оказавшемуся в толпе, определенные паттерны поведения. Более того, согласно Ле Бону, члены толпы заражают друг друга своим поведением, поскольку эмоциональная восприимчивость каждого отдельного человека возрастает. Любая искренняя эмоция, выплеснутая членом толпы, практически сразу же перекидывается на других. Сам Тард писал об это так: «При известных условиях – и притом только при этих условиях – собрание людей представляет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временами характер, но представляющая очень определенные черты» [8, с.155].

Идеи Ле Бона не выходили за рамки толпы как сущностного явления, поэтому анализ человека-массы как некоего отдельного социокультурного феномена он не осуществлял. Однако именно Ле Бон впервые предположил, что феномен «толпы» может возникать на расстоянии

многих тысяч километров у групп людей, никак физически друг с другом не связанных. Подобное взаимодействие, как считал французский исследователь, зарождалось как реакция на какое-либо внешнее событие, информация о котором доходила посредством различных каналов коммуникации. Таким образом, зарождалась та общность людей, которую в дальнейшем уже будут рассматривать в рамках научных изысканий как социокультурное явление.

Идею о возможности феномена «массы» или «толпы» как некой социальной и психологической сущности продолжила концепция Жана Габриэля Тарда. Она рассматривала массу людей и массовое сознание иначе, чем это делал Ле Бон. Главной идеей Тарда было то, что психология массы может существовать не только в рамках отдельно взятой физической данности, существующей здесь и сейчас. «И странно, те люди, которые увлекаются таким образом, которые взаимно возбуждают друг друга, или же, скорей, передают один другому внушение, идущее сверху, эти люди не соприкасаются между собой, не видятся и не слышат друг друга; они рассеяны по обширной территории, сидят у себя по домам, читая одну и ту же газету. Какая же существует связь между ними?. Эта связь состоит в одновременности их убеждения или увлечения, в сознании, проникающем каждого, что эта идея или это желание разделяется в данный момент огромным количеством других людей» [9, с. 3]. Тард ввёл понятие «публики» для того, чтобы четко разделять его с похожим на первый взгляд понятием «толпы». «Публика» у Тарда – это сидящие дома индивиды, которые изначально представляют собой пёструю, гетерогенную массу людей, никак не связанных друг с другом через различные каналы формальных и неформальных связей. Единственным объединяющим фактором для них служит общий образ мышления, который формируется на основе схожих условий жизни. Следствием этого становится постепенная унификация других сторон жизни: бытовых привычек, интересов, хобби и т.д.

Как и у Ле Бона, у Тарда общие образ мысли и взглядов на мир складывается под воздействием одинаковых внешних раздражителей. Однако при этом представители «публики» не теряют своих Я-идентичностей. Степень различия между «толпой» на расстоянии Ле Бона и «публики» Тарда кроется в том, какую степень интенсивности приобретает связь между членами соответствующей группы.

Следующей страницей в изучении феномена «массового общества» и «человека-массы» стал по истине эпохальный труд испанского философа Хосе Ортега-и-Гассет «Восстание масс». Именно в этом труде он создаёт первую общую теорию о «человеке-массы» как отдельном социальном и культурном феномене. Как уже отмечалось выше, в своей работе испанский философ впервые в истории даёт конкретные определения тому, что есть «человек-масса» и почему он представляет угрозу для культуры и общества.

На основе положений Ортеги-и-Гассета о «массовом обществе» и «человеке-массы» выстраивалось большинство других теорий в этом направлении, даже если их авторы и не упоминали труды испанского философа. Например, немецкий философ Карл Ясперс отмечал, что в XX в. наступила эра масс, которые слишком быстро сбросили оковы традиционного общества. В результате распропагандированные толпы людей, находясь под влиянием различных радикальных идей, стали тем тараном, который расчистил путь для тоталитарных общественных систем середины XX в. [10, с. 288-316].

Влияние Ортеги-и-Гассета при построении подобных умозаключений огромно, несмотря на то, что Ясперс практически не упоминает имя испанца в своих работах. То же самое можно сказать про новый пласт работ о понятиях «массовое общество» и «человек-масса», вышедших уже после Второй мировой войны.

Послевоенная атмосфера в Европе отличалась широким доминированием различных левых течений в интеллектуальной жизни континента. Многие правые писатели, философы, общественные деятели были уличены в сотрудничестве с режимами Гитлера, Муссолини, Хорти и другими фашистскими диктатурами. Как следствие, популярность консервативного направления мысли находилась на низком уровне, особенно среди молодёжи. На освободившемся интеллектуальном поле различные левые течения стали практически единственной идейной силой.

Эффект влияния левых интеллектуалов усиливался еще и по причине того, что бурное экономическое восстановление послевоенной Европы, а также рост благосостояния в странах Северной Америки привёл к появлению первого в истории поколения, базовые потребности которого в жилье, питании и базовом образовании практически полностью удовлетворялись. Выживание и, как следствие, реформирование общества для перераспределения материальных благ больше не являлись целями, достижение которых было критически необхо-

димым для некоторых групп населения. Вследствие этого начало уменьшаться влияние и авторитет таких традиционных социальных институтов, как церковь, семья. Кроме того, в прицел критики попала иерархическая структура общества, которая больше не отражала социальную действительность такой, какой она стала в результате экономического роста и связанной с ним трансформацией массового сознания.

Пиком подобных протестных настроений стали события 1968 г., когда молодёжь и примкнувшие к ним левые интеллектуалы и активисты выступили объединённым фронтом против «реакционного» и «иерархического» Запада. Один из лидеров протестной молодёжи Даниэль Кон-Бендит вспоминал об этих событиях так: «… мы хотели разработать некий новый стиль жизни, который не означал бы подчинения жизненной морали наших родителей. Из этих чувств возникли женское движение, движение гомосексуалистов, то есть движения, которые означали автономию субъекта по отношению к господствующей морали. И легитимно или нелегитимно, я стал символом мысли о свободе. Соответственно, такими высказываниями, как «запрещено запрещать» или «вся власть силе воображения», мы старались найти новые пути для политики» [11].

Среди левых мыслителей того времени, оказавших влияние на массовые протесты, были те, кто заново переосмыслил понятия «массовое общество» и «массовый человек». Центральное место в этих исследованиях занимали представители Франкфуртской школы критической теории. В своих трудах они рассматривали массовое общество как последствие деятельности гигантской машины общества потребления, которая формирует привычки, вкусы и хобби своих членов. Герберт Маркузе в 1964 г. публикует книгу «Одномерный человек», в рамках которой проводит полное переосмысление теории Маркса о пролетариате, революции и необходимости перемен в социальной структуре общества. Согласно Маркузе, обладающий властью класс политиков заставляет подчиняться людей на более низких ступеньках социальной иерархии не с помощью силы террора или политического принуждения, а с помощью тонких манипуляций и формирований нужных точек зрения. Достигается подобный эффект с помощью новой системы массового потребления, в рамках которой человек уже изначально получает установки касательно того, какие именно вещи он якобы хочет приобрести сам, какие услуги и ценности якобы для него хороши и полезны и какие якобы идеологические установки единственно верные и правильные [12, с. 25]. Другим известным представителем Франкфуртской школы критической теории был Теодор Адорно. В своей главной работе «Исследование авторитарной личности» немецкий философ пишет, что абсолютное большинство людей в глубине своей являются ведомыми личностями, которые в глубине души жаждут сильной авторитарной власти, которая защищала бы их от опасностей. Именно этот тип личности соглашателя и конформиста определяется Адорно как «массовый человек» или «человек-масса», который в любой момент поддержит трансформацию буржуазного строя в фашистский режим, при котором отклонения от принятых норм и правил строго порицается [13, с. 378].

Другой близкий по духу и часто причисляемой к Франкфуртской школе исследователь Эрих Фромм в своих работах изучал глубинные мотивы человека и его действий и их связи с господствующей системой. Согласно немецкому психологу и философу, вся современная система общественных отношений сводится к тому, что происходит бесконечное маленькое расширение потребления продуктов технократического индустриального общества. При этом происходит деградация личности «массового человека», потенциал его развития сужается [14, с. 135]. Основным рупором распространения подобного мировоззрения являются новейшие средства коммуникации, находящиеся под контролем правящего класса. В результате у человека полностью атрофируется способность мыслить самостоятельно, а не на основе штампов из источников получения новостей и правильных нарративов.

Массовое общество как явление понималось представителями критического подхода как порождение культурной логики определенной стадии капитализма. Для борьбы с этим явлением, по мнению исследователей Франкфуртской школы, необходимо освобождение, обретение подлинной свободы человеческой натуры от наносного слоя различных установок капиталистического строя.

Франкфуртская школа критических исследований была одним из самых известных и влиятельных интеллектуальных течений в сфере изучения явления массового общества и человека-массы. Ими вдохновлялись другие исследователи. Например, схожесть с постулатами представителей школы демонстрирует французский исследователь Ги Дебор, написавший одну из самых известных критических работ по

теории массового общества «Общество спектакля». На страницах книги французский мыслитель утверждает, что общественные институты и структуры после определенной эволюции доходят до той стадии развития, «при которой вся социальная основа, любое ее восприятие и переживание из структуры реальности переносятся в виртуальную сферу. Более не существует объективной реальности, вся структура общества представляет собой массу разрозненных элементов, виртуально имитирующих реальную жизнь — «спектаклей» [15]. Человек более не может полноценно принадлежать этой виртуальной жизни, его оттуда «удаляют». Единственной обратной связью между правильным и неправильным в этом смысле остаются идеологические догматы, получаемые человеком посредством средств массовой коммуникации. В итоге всеобщее массовое соглашательство с «миром спектаклей» приводит к тому, что люди превращаются в безликую массу, которая молча готова лицезреть и соучаствовать в еще одном спектакле [16, с. 94].

Еще одним мыслителем, исследовавшим феномен массового общества и массового человека в рамках левой критической интеллектуальной традиции, был Жан Бодрийяр. Французский философ в своих работах утверждает, что любая система власти, опирающаяся на «человека-массу» в качестве своей социальной опоры, рано или поздно доходит до состояния своей собственной симуляции. «Человек-масса» не заинтересован в активной публичной жизни, которая могла бы сравниться с таковой в прошлой эпохе. В итоге за неимением обратной связи с объектом подчинения сама власть становится симулякром. Единственным способом поддержать видимость своей власти становится воспроизводство правильных идеологических установок, которые должны поддерживать у «человека-массы» веру в устойчивость системы потребления. При этом конкретной обратной связи с таким обществом у властьимущих нет, единственным истинным индикатором становится успех или неуспех новых вариантов потребления [17, с. 25].

На современном этапе развития мировой политики и международных отношений массовая культура и массовый человек неожиданно обрели очень важное значение. Например, после начала Специальной Военной Операции Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины, ДНР и ЛНР западные страны провели масштабную информационную кампанию по дискредитации России и её руководства. Одним из главных инструментов информационного воздействия стали узнаваемые символы массовой культуры. Из России один за одним стали уходить известные бренды [18]. Денежную помощь Украине и её вооруженным силам собирали и собирают известные публичные личности [19]. При этом в самих западных странах и на Украине активно раскручивался образ России как вселенского зла на основе известных образов из массовой культуры. Например, на Украине главным образом русских солдат стал образ орка, который вошел в массовое сознание через такие известные произведения и игры, как Властелин колец, Вархаммер и др. [20].

Основным фундаментом применения подобной тактики является высокая цифровизация обществ стран Европы и Северной Америки (именно они являются целевой аудиторией подобных информационных кампаний). Нынешний политический класс Запада использует в своих целях тот факт, что современное поколение стран Запада и его союзников – одно из самых неуверенных в себе поколений в истории. При этом одной из причин подобного положения вещей является выстраивание собственной идентичности представителями современном поколения посредством социальных сетей, в рамках которых частым примером для подражания являются элементы массовой культуры [21]. Представители этого поколения не проявляют бытовой смелости, ответственности, способности к смелым и нестандартным решениям. Культ безопасности и спокойствия стал фундаментом для более конформисткого общества, чем то, которого опасались представители критической теории. В результате падает уровень критического мышления, а восприятие информации основывается прежде всего на эмоциях. В результате получается «идеальное» сочетание в виде трех составляющих: усиления роли социальных сетей при процессах социализации и развитии собственной идентичности, роста неуверенности в себе и уровня инфантилизма и, как следствие первых двух факторов, роста значения одномерных образов из массовой культуры вследствие падения уровня критического мышления и его замещения эмоциональным восприятием мира.

Представители современных западных элит умело эксплуатируют образы массовой культуры на основе повышенной эмоциональной вовлеченности современного поколения в распространяемую через социальные сети информацию. Например, серьезные международные организации заговорили языком массовой культуры с целью максимально широкого охвата аудитории среди «поколения I» [22].

Подобное активное использование элементов массовой культуры в публичном поле со стороны как государств, так и крупных международных игроков говорит о том, что феномен «человека-массы» становится одной из составляющих современной мировой политики. Именно к представителям данного социального и культурного типажа апеллируют чиновники и политики различного ранга. При этом ими упускается тот факт, что абсолютное большинство мыслителей и философов на протяжении истории всегда выступали против феномена «массовизации» человеческого сознания и культуры. Однако политическая конъюнктура является главным фактором при выборе стратегии позиционирования государственного деятеля или политика, поэтому данные опасения не учитываются.

Литература

1. «Человек-масса» Хосе Ортеги-и-Гассета: как отказ от мысли и свободы стал нормой [Электронный ресурс] // Интернет-портал cont.ws // URL: https://cont.ws/@sage/1364469#:~:text=%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%20%D0%B2%D1%81%D0%B5%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%8B%20%D0%BE%20%C2%AB%D0%BC%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9,%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB%D0%B8%20%D0%B8%20%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%20%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%BE%D0%B9 (дата обращения 23.08.23)
2. Платон. Собр. соч.; в 4 т. — М., Мысль, 1994 — Т.3, с. 654
3. Исаев Б. Древнегреческие историки и философы о сущности демократии, ее конфликте с тиранией и олигархией и современный взгляд на этот процесс // Вестник Санкт-петербургского университета – 2015 – № 4 – с. 85-95
4. Цицерон М.Т. О государстве. О законах / Пер. с лат. В.О. Горенштейна; Прим. И.Н. Веселовского, В.О. Горенштейна; Послес. С.Л. Утченко. – М.: Академический проект, 2016. – 249 с.
5. Макиавелли Н. Избранные сочинения – М.: Худож. лит., 1982. – 503 с.
6. Ницше Ф. Веселая наука. Злая мудрость – М. Эксмо, 2007 – 528 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 50-и т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960, – Т.23 – 907 с.
8. Лебон Г. Психология народов и масс – М. АСТ, 2000 – 320 с.
9. Тард. Г. Общественное мнение и толпа – М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1999. – 99 с.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
11. Культурная революция. 1968 год и «Зеленые». Лекция Даниэля Кон-Бендита // Портал polit.ru // URL: https://polit.ru/article/2005/10/11/cohn_bendit/ (дата обращения: 30.06.23)
12. Маркузе Г. Одномерный человек – М.: АСТ, 2009. – 331 с.
13. Адорно Т. Исследование авторитарной личности – М.: Астрель, 2012. – 480 с.
14. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Астрель, 2011 – 284 с.
15. Стоян, А. А. Феномен «массового человека» как закономерный этап формирования «общества потребления» / А. А. Стоян. // Новые идеи в философии : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань : Бук, 2016. – С. 30-36.
16. Дебор Г. Общество спектакля. — М.: Логос, 2000. – 183 с.
17. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. – Екатеринбург: Изд-во УГТИ, 2000. – 96 с.
18. Без Nike, Coca-Cola и McDonald's. Какие иностранные бренды окончательно покинули российский рынок [Электронный ресурс] // Информационный портал АМИТЕЛ // URL: https://www.amic.ru/news/business/bez-nike-coca-cola-i-macdonalds-kakie-inostrannye-brendy-pokinuli-rossiyskiy-rynok#:~:text=%D0%98%D0%B7%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%202022%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83,%D1%81%20%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%B8%D0%BC%D0%B8%20%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%B2%D1%8B%D0%B2%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8 (Дата обращения 09.07.23)/
19. Джедай на пропитание: как актёр из «Звёздных войн» поддержал за деньги Киев [Электронный ресурс] // Абзац медиа // URL: https://absatz.media/mneniya/14688-dzhedaj-na-propitanie-kak-aktyor-iz-zvyozdnyh-vojn-pod-derzhal-za-dengi-kiev (дата обращения 12.08.23)/
20. Почему русские на Украине вдруг стали орками // Портал Проза.ру // URL:

https://proza.ru/2023/03/27/1405 (дата обращения) 27.09.23)

21. Твенге Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным – Рипол-классик, М.: 2019. – 464 с.

22. NATO Criticised For Tweet Comparing Ukraine Conflict to Harry Potter [Электронный ресурс] // Summit news // URL: https://summit.news/2023/02/23/nato-criticised-for-tweet-comparing-ukraine-conflict-to-harry-potter/ (дата обращения 18.09.23)

"Mass man" as a social phenomenon and an object for research: the history of formation, development and influence on modern world politics

Bokhan A.S.

Military University of the Ministry of Defense named after. Alexander Nevsky

The "mass-man" concept came into being in the ancient times. Greek and Roman intellectuals saw a "crowd" and its members as a threat to the stability and security of the society. Medieval philosophers also had such point of view on this issue. In the end of 19th century the phenomena of "mass-man" was rethought on the basis of sociocultural concepts, and thus it led to the new ways of scientific research in this area. Jose Ortega y Gasset, Erich Fromm, Herbert Markuse and many others philosophers, political scientists, sociologists, litterateurs expressed their opinion on the problems of "mass-man" and "mass-society" in order to suggest new approaches for scientific research. In this article the evolution and influence of "mass-man" on the world politics is one of the main subjects as well as the perception of "mass-man" in different historical circumstances. The scientific research of "mass-man" and its history are also important and integral parts of the article. It is also worth mentioning that the differences of the scientific schools are taken into account because of the various approaches to the main subject in this article.

Keywords: mass-man, mass-society, democracy, industrialization, Ortega y Gasset, Frankfurter school, Cultural revolution, generation, values

References

"Mass man" as a social phenomenon and an object for research: the history of formation, development and influence on modern world politics

Bokhan Alexander Sergeevich

junior researcher, research1. "Mass Man" by Jose Ortega y Gasset: how the rejection of thought and freedom became the norm [Electronic resource] // Internet portal cont.ws // URL: https://cont.ws/@sage/1364469#:~:text=%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%20%D0%B2%D1%81%D0%B5%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%8%20%D0%BE%20%C2%AB%D0%BC%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9,%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB%D0%B8%20%D0%B8%20%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%20%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%BE%D0%B9 (date of access 23.08. 23)

2. Plato. Collection op.; in 4 volumes - M., Mysl, 1994 - T.3, p. 654

3. Isaev B. Ancient Greek historians and philosophers about the essence of democracy, its conflict with tyranny and oligarchy and a modern view of this process // Bulletin of St. Petersburg University - 2015 - No. 4 - p. 85-95

4. Cicero M.T. About the state. About laws / Transl. from lat. IN. Gorenshtein; Note I.N. Veselovsky, V.O. Gorenshtein; After. S.L. Utchenko. – M.: Academic project, 2016. – 249 p.

5. Machiavelli N. Selected works - M.: Khudozh. lit., 1982. – 503 p.

6. Nietzsche F. Gay Science. Evil wisdom - M. Eksmo, 2007 - 528 p.

7. Marx K., Engels F. Collected works: in 50 volumes - M.: State Publishing House of Political Literature, 1960, - T.23 - 907 p.

8. Lebon G. Psychology of peoples and masses - M. AST, 2000 - 320 p.

9. Tarde. G. Public opinion and the crowd - M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, KSP+, 1999. - 99 p.

10. Jaspers K. The meaning and purpose of history - M.: Politizdat, 1991. - 527 p.

11. Cultural revolution. 1968 and the Greens. Lecture by Daniel Cohn-Bendit // Portal polit.ru // URL: https://polit.ru/article/2005/10/11/cohn_bendit/ (access date: 06/30/23)

12. Marcuse G. One-dimensional man - M.: AST, 2009. - 331 p.

13. Adorno T. Study of the authoritarian personality - M.: Astrel, 2012. - 480 p.

14. Fromm E. Flight from freedom. – M.: Astrel, 2011 – 284 p.

15. Stoyan, A. A. The phenomenon of "mass man" as a natural stage in the formation of a "consumer society" / A. A. Stoyan. // New ideas in philosophy: materials of the II International. scientific conf. (Kazan, May 2016). – Kazan: Buk, 2016. – P. 30-36.

16. Debord G. Society of the Performance. - M.: Logos, 2000. – 183 p.

17. Baudrillard J. In the shadow of the silent majority or the end of the social. – Ekaterinburg: Publishing house UGTI, 2000. – 96 p.

18. Without Nike, Coca-Cola and McDonald's. Which foreign brands have finally left the Russian market [Electronic resource] // AMITEL Information Portal // URL: https://www.amic.ru/news/business/bez-nike-coca-cola-i-macdonalds-kakie-inostrannye- brendy-pokinuli-rossiyskiy-rynok#:~:text=%D0%98%D0%B7%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%202022%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83,%D1%81%20%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%B8%D0%BC%D0%B8%20%D1%81%D0%BE%D0%B1%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%B2%D1%8B%D0%B2%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0 %B0%D0%BC%D0%B8 (Access date 07/09/23)/

19. Jedi for food: how an actor from "Star Wars" supported Kyiv for money [Electronic resource] // Media paragraph // URL: https://absatz.media/mneniya/14688-dzhedaj-na-propitanie-kak-aktyor -iz-zvyozdnyh-vojn-podderzhal-za-dengi-kiev (date of access 08/12/23)/

20. Why Russians in Ukraine suddenly became orcs // Proza.ru portal // URL: https://proza.ru/2023/03/27/1405 (date of access) 09/27/23)

21. Twenge J. Generation I. Why the Internet generation lost its rebellious spirit and became more tolerant - Ripol-classic, M.: 2019. - 464 p.

22. NATO Criticized For Tweet Comparing Ukraine Conflict to Harry Potter [Electronic resource] // Summit news // URL: https://summit.news/2023/02/23/nato-criticised-for-tweet-comparing-ukraine- conflict-to-harry-potter/ (accessed 09/18/23)

Идентичность и формирование сообщества

Ван Лань
преподаватель университета МГУ-ППИ

Идентичность является важным связующим звеном между личностью и сообществом, а также основой и движущей силой построения сообщества социального управления. Идентичность способствует формированию публичности сообщества и достижению эффекта концентрации, может стимулировать его истоковую динамику и устанавливать порядок сообщества. Посредством интенсификации строительства системы общественных услуг, усиления культурных обменов, инновации физических средств массовой информации и других путей реагирования продвигать строительство сообщества, основанного на «самобытности», можно повысить уровень доверия между членами общества, снизить издержки управления и укрепить стабильность сообщества, тем самым заложив прочную психологическую основу для создания прекрасного сообщества социального управления.
Ключевые слова: идентичность; строительства сообщество; сообщество социального управления; публичность.

Идентичность является основой и движущей силой формирования сообщества социального управления. Достижение целей сообщества в области социального управления, основанного на принципах ответственности, участия и доступности для всех, требует постоянного укрепления идентичности в области социального управления. Идентификация — это своего рода познание и описание самого субъекта, который содержит в себе множество элементов идентичности. Строительство сообщества на основе «идентичности» помогает консолидировать коллективные силы для максимального повышения общественных интересов. Этот процесс усиливает восприятие самоидентификации, формирует чувство принадлежности к китайской нации, нивелирует напряженные отношения между членами общества, способствует социальной гармонии. В «Книге обрядов. Университет» отмечено, что уже в древние времена люди стремились к просвещению и добродетели, а уровень управления напрямую зависел от воспитания моральных качеств. Все это стимулировало «самосовершенствование, укрепление семьи, управление государством и поддержание мира в Поднебесной». Таким образом, социальное управление традиционно начиналось с «я». Модернизация социального управления также должна начинаться с «себя» и основываться на «идентичности».

Анализ институционального учреждения в общественном управлении

Идентичность помогает формировать публичность сообщества, суть которой в стремлении объединить свободных людей. Это ценностная ось общества, основанного на свободном и всестороннем развитии каждой личности. Публичность — это ценностная основа, обеспечивающая максимальное повышение общественных благ. Развитие общества — процесс постоянного поиска и реализации публичности. К. Маркс утверждал, что отсутствие публичности приводит к отделению личности от общества, а социальное управление без публичности отклоняется от направления социального развития. Публичность — это общность, включающая различия, а идентичность достигается

Статья является промежуточным итогом спецпроекта по теме философии и общественных наук в провинции Гуандун (GD22WTF03-03), спецпроекта в рамках 14-й 5-летней программы образования и науки в Шэньчжэне (szjy21001), специального научного исследования по ключевой теме XX съезда КПК (GJE1422130).)

на основе различий. Идентичность формируется в процессе социального взаимодействия и общения, путем самоопределения, поиска и присоединения к группе, обладающей одинаковыми характеристиками. Это идентификация человека с культурой и социальной системой. Различия, в свою очередь, подчеркивают, что в рамках множества социальных отношений индивид воспринимает себя и формирует свои черты и личность с помощью множества ролей. Уэйкс считает, что «идентичность дает ощущение присутствия, которое обеспечивает индивидуальные социальные отношения и содержит сложную связь с другими». Несмотря на различия с другими, человек, являющийся социальным существом, через свою идентичность преодолевает разделение с другими людьми. «Каждый человек обретает свою свободу в своем объединении и через него», достигая органичного единства как с отдельными людьми, так и с обществом и с государством.

Идентичность помогает сообществам формировать эффект агломерации. Он заключается в том, что люди с одной и той же идентичностью собираются на определенной территории, в определенном регионе. Агломерация — это возможность «публичности», которая пропагандируется на разных исторических этапах развития общества. Формирование эффекта социальной агломерации влечет появление сообществ, а его реализация зависит от социализации отдельных людей или групп. В процессе социализации личности, или ее «коллективизации» идентичность объединяет отдельные социальные личности в органическое целое. Джон Тернер (John Turner) и Генри Тайфель (Henri Tajfel) утверждают, что идентичность — это понимание и принадлежность индивида к эмоциональному и ценностному значению группы, которую он воспринимает, а уровень идентичности напрямую определяет уровень сплоченности группы. В силу многообразия социальных ролей отдельные группы благодаря своей идентичности постоянно повышают свою сплоченность и автономию в группах. Социализацией группы, по сути, становится процесс упорядоченного сотрудничества и территориального объединения общественных организаций на основе широкого разделения труда.

Китайская система социального управления складывается из партийного руководства, ответственности правительства, демократических консультаций, социального сотрудничества и участия общества. Она интегрирует субъекты социального управления, формируя их в упорядоченную структуру. Идентичность способствует научному познанию и позиционированию разных групп или сфер, выявляя их роль, укрепляя их сотрудничество друг с другом, обеспечивая упорядоченность всего общества.

Ценностное воплощение индентичности в строительстве сообщества социального управления

Идентичность способствует стимулированию движущей силы, лежащей в основе сообщества. Идентичность помогает формировать смысловое построение личности, его поведенческую парадигму. Начальная мотивация исходит от каждого социального индивида. Процесс перехода от «бытия в себе» к «самовыражению» стимулируется исходной мотивацией. Свобода — это определение «самости» человека, а его самостоятельная деятельность — это позитивная мотивация сознательного практического поведения в соответствии с «собственной волей». Идентичность — это 3-уровневый сущностный вопрос (познание, эмоции, поведение): «кто я», «кем я хочу быть» и «что я должен делать». Во-первых, идентичность помогает реализовать процесс перехода от «ролевого предписания» к «ролевому сознанию» через самоопределение, т. е. ответить на вопрос «кто я». Во-вторых, идентичность формирует в человеке чувство социокультурной принадлежности к многомерному субъекту через вопрос «кем я хочу быть». Наконец, сама идентичность определяется через вопросы «кем я хочу быть» и «что я должен делать». Таким образом, окончательно формируется мотивация человека для реализации себя, своих способностей, таланта в соответствии с ценностями и целями общества.

Идентичность помогает установить порядок в обществе. Стабильность и гармония общества обеспечиваются общественным устройством, которое является логической предпосылкой деятельности социальных субъектов. Что касается построения социального порядка, то правила власти сформулировали когда-то Томас Хоббс (Thomas Hobbes), Джон Локк (John Locke) и другие. Соответственно, Адам Смит (Adam Smith), Дэвид Рикардо (David Ricardo) и другие — правила экономики. Однако сбои в работе правительства и нестабильности рыночной конъюнктуры заставляли задуматься о том, что властные и экономические правила по установлению порядка имеют серьезные недостатки.

По мнению Ротса, современные условия управления обществом претерпели изменения, и для поддержания стабильности, социального

порядка необходимы новые подходы. Они формируются через идентификацию личности с группой, социокультурой, опираясь на групповые нормы и социальный консенсус. Этот процесс позволяет регулировать роль индивида в группе, его поведение, формирует новое правило в сфере социального капитала. Человек – это совокупность общественных отношений, которые являются неотъемлемым атрибутом его бытия в обществе и регулируются определенными правилами. При социальном управлении субъекты используют идентичность для накопления социального капитала, а последний, свою очередь, ограничивает идентичность индивида. Социальные индивиды устанавливают отношения равенства и симбиоза посредством общения, производства и других видов деятельности, органически объединяясь в группы и общество, тем самым обеспечивая планомерное развитие социума.

III. Пути реагирования на повышение роли идентичности в рамках формирования сообщества социального управления

Идентичность — это важное связующее звено между людьми и обществом. Высокая степень идентичности — один из основных факторов роста доверия между членами общества. Она позволяет снизить издержки социального управления и укрепляет стабильность общества. Таким образом, активное формирование идентичности помогает более четко определить роль личности в обществе, содействует развитию такой его модели, которая основана на совместном управлении, совместном строительстве и совместном использовании. Такая структура социального управления позволяет повысить его эффективность, снизить социальные риски, заложить прочную психологическую основу для построения успешного общества.

Активизировать процесс формирования системы общественных услуг, удовлетворять насущные нужды людей, повышать их чувство идентичности. Система государственной службы имеет важное значение в формировании идентичности граждан. Государственные услуги — непосредственный инструмент, позволяющий обеспечить удовлетворение насущных потребностей людей. Чтобы укрепить потенциал системы государственных услуг, необходимо, с одной стороны, развивать инфраструктуру, а с другой, реализовывать механизмы социального доверия и взаимной помощи. Они должны в значительной степени отвечать потребностям населения. Оптимизация системы государственной службы способствует укреплению доверия граждан к власти и обществу. На этой основе необходимо укреплять институциональное строительство, которое позволит обеспечить равные права и статус всем членам общества. Цель — создать справедливую, беспристрастную, прозрачную и нормативно отрегулированную институциональную систему, чтобы каждый человек имел равный доступ к возможностям и ресурсам. Также необходимо оптимизировать систему и механизм социального управления, проводить инклюзивную политику, адаптироваться к нуждам плюралистического общества, уважать и защищать многообразие его членов. Совершенствование системы соцобеспечения позволит оказывать эффективную помощь людям в трудных жизненных ситуациях. Сочетание вышеперечисленных мер позволит заметно улучшить работу системы государственной службы, более эффективно реагировать на потребности граждан, укрепит в людях чувство сопричастности к обществу. Совершенствование системы, политики и услуг обеспечит дальнейшее повышение самосознания граждан, их общественную активность.

Укреплять культурный обмен, политику в сфере культуры, повышать в гражданах чувство идентичности.

Культурная идентичность, основанная на консенсусе, сплачивает и объединяет общество. С повышением уровня культурной идентичности растет готовность людей соблюдать правила, участвовать в общественном управлении, что создает гармоничную и стабильную социальную среду. Чтобы культура стала связующим звеном, необходимо сохранять и поддерживать преемственность, укреплять социальную культуру как духовную опору общества. Также необходимо активизировать строительство культурных платформ, улучшать рыночное проектирование объектов культурной инфраструктуры и общественных объектов культуры, повышать их качество, увеличивать их мощности. В то же время необходимо более активно продвигать культурные инновации. Сфера культуры должна стать более актуальной и привлекательной. Укрепление и расширение культурного обмена тоже имеет решающее значение. Межкультурный обмен помогает преодолевать социальные и культурные барьеры, углублять взаимопонимание, наращивать интеграцию культур, формировать консенсус и находить «компромисс ценностей» — все это также укрепляет идентичность. Расшипение культурного обмена, развитие самобытной культуры, содействие культурным инновациям — повышают идентичность и обеспечивают

культурное лидерство. Это способствует формированию системы «культурного руководства», отвечающей современным реалиям, укрепляет идентичность граждан и содействует обеспечению социальной гармонии и стабильности.

Обновлять средства массовой информации, поощрять участие общества, повышать в гражданах чувство идентичности.

Новаторские формы могут быть важной опорой процессов формирования сообщества социального управления и укрепления идентичности.

Рост вовлеченности граждан, повышение уровня информатизации, инновационные методы управления.

Во-первых, участие граждан — основная движущая сила развития сообщества социального управления. С этой целью государство должно внедрять новаторские модели информационно-просветительской работы, ориентировать общественность на активное участие в управлении обществом, повышать транспарентность управления. Во-первых, люди, участвуя в управлении, должны чувствовать свою востребованность и нужность, свою ценность. Во-вторых, развитие интернет-технологий предоставляет новые возможности для улучшения идентичности. Благодаря сервисным платформам социального управления увеличивается масштаб распространения идентичности и повышается эффективность коммуникаций. Властям и общественным организациям следует в полной мере использовать новые медиаплатформы, повышать информационную грамотность населения, отстаивать гражданскую активность и патриотизм в Интернете, поощрять массовое участие в Сетевом регулировании. Это позволит повысить уровень общественного согласия с социальным управлением. Инновации в методах управления эффективно содействуют формированию сообщества социального управления. Разным странам необходимо изучать многообразные модели управления с упором на участие общества и социализацию управления, а также совершенствовать сообщество городского управления. Общественность должна лучше понимать свои гражданские права и обязанности, свое место в процессе управления. Необходимо стимулировать развитие информатизации и интеллектуальные инновации форм управления, реализовывать высокоэффективную и удобную модель управления. Важно стимулировать активное участие общества в социальном управлении, повышать социальную идентичность. Подводя итог, можно сказать, что инновации физических средств массовой информации, активное участие общества и повышение идентичности позволят построить более сплоченное сообщество социального управления, содействовать его модернизации. Этот процесс требует многосторонних и согласованных усилий, включая активное участие государства, общественных организаций и общества. С учетом стремительного развития интернет-технологий у нас есть основания полагать, что совершенствование сообщества социального управления и повышение социальной идентичности приведет к еще более заметным позитивным результатам.

Литература

1. Интерпретация о тринадцати китайских классиках: интерпретация о Лун Юй [M]. Ли Сюэцинь, главный редактор.Пекин: Издательство пекинского университета, 1999:1592.

2. Weeks J.The value of difference in identity：Commu nity,culture,difference.（ed.）by Jonathan Rutherford,London:Lawrence＆Ishart Press,1998.

3.Чжан Ин Жуй, Цзо Бинь. Теория социальной идентичности и ее развитие[J]. Прогресс в области психологической науки, 2006. (1): 475-480.

4. Си Цзиньпин о государственном управлении: Том 3 [M]. Пекин: Издательство иностранных языков, 2020:38.

Identity and community formation

Wang Lan

MSU-PPI University

Identity is an important link between the individual and the community, as well as the basis and driving force for building a social governance community. Identity contributes to the formation of publicity of the community and the achievement of a concentration effect, can stimulate its initial dynamics and establish the order of the community. Through intensifying the construction of public service system, strengthening cultural exchanges, innovation of physical media and other ways of responding, promoting the construction of a community based on “identity”, the level of trust among society members can be increased, management costs can be reduced, and the stability of the community can be strengthened, thereby establishing a strong the psychological basis for creating a wonderful social management community.

Keywords: identity; community construction; community of social management; publicity.

References

1. Interpretation about the thirteen Chinese classics: interpretation about Long Yu [M]. Li Xueqin, Editor-in-Chief. Beijing: Peking University Press, 1999:1592.

2. Weeks J. The value of difference in identity : Community, culture, difference.（ed.）by Jonathan Rutherford,London:Lawrence＆Ishart Press,1998.
3. Zhang Ying Rui, Zuo Bin. Social identity theory and its development[J]. Progress in Psychological Science, 2006 (1): 475-480.
4. Xi Jinping on public administration: Volume 3 [M]. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2020:38.

Особенности оспаривания сделок юридических лиц в процедуре наблюдения

Асташкин Алексей Федорович
аспирант, юридический факультет, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 8157681@gmail.com

Автор статьи рассматривает оспаривание сделок в рамках процедуры наблюдения при банкротстве юридических лиц в Российской Федерации, исследуя практические сложности, возникающие в ходе процедуры банкротства.
Главная цель исследования заключается в детальном изучении правовых оснований и механизмов оспаривания сделок, с учетом особенностей судебной практики и законодательных изменений.
Статья посвящена повышению эффективности правового регулирования в сфере банкротства, и укреплению защиты прав как кредиторов, так и должников; в работе подробно рассматриваются различные типы оспариваемых сделок и различные проблемы с которыми сталкиваются участники процесса.
Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок, процедура наблюдения, юридические лица, Российская Федерация, правовое регулирование.

Законом о банкротстве наблюдение определяется как процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику в целях обеспечения сохранности его имущества, проведения анализа финансового состояния должника, составления реестра требований кредиторов и проведения первого собрания кредиторов.

Наблюдение как процедура банкротства юридических лиц вводится по результатам рассмотрения арбитражным судом обоснованности заявления о признании должника банкротом. Порядок рассмотрения обоснованности заявления устанавливается статьей 48 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». По результатам рассмотрения обоснованности заявления о признании должника банкротом арбитражный суд выносит одно из следующих определений: о признании требований заявителя обоснованными и введении наблюдения; об отказе во введении наблюдения и оставлении такого заявления без рассмотрения; об отказе во введении наблюдения и о прекращении производства по делу о банкротстве. Указанные определения могут быть обжалованы.

Судом выносится определение о признании требований заявителя обоснованными и введении наблюдения выносится в случае, если это требование соответствует условиям, установленным пунктом 2 статьи 33 настоящего Федерального закона, признано обоснованным и не удовлетворено должником на дату заседания арбитражного суда, установлено наличие оснований, предусмотренных пунктом 2 статьи 3 настоящего Федерального закона, либо заявление должника соответствует требованиям статьи 8 или 9 настоящего Федерального закона.

Согласно пункту 2 статьи 33 Закона о банкротстве заявление о признании должника банкротом принимается арбитражным судом, если требования к должнику - юридическому лицу в совокупности составляют не менее чем триста тысяч рублей, и указанные требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда

они должны были быть исполнены, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом.

Согласно пункту 2 статьи 3 Закона о банкротстве устанавливаются признаки банкротства юридического лица, согласно которым юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены.

Также согласно статье 8 Закона о банкротстве Должник вправе подать в арбитражный суд заявление должника в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он не в состоянии будет исполнить денежные обязательства, требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок.

В определении арбитражного суда о введении наблюдения разрешаются вопросы о признание заявления о признании должника банкротом обоснованным и введение наблюдения и об утверждение временного управляющего. В случае, если при вынесении определения о введении наблюдения невозможно определить кандидатуру временного управляющего, арбитражный суд выносит определение об отложении рассмотрения вопроса об утверждении временного управляющего на срок не более пятнадцати дней с даты вынесения определения о введении наблюдения. Определение о введении наблюдения, а также определение об утверждении временного управляющего подлежит немедленному исполнению. Указанные определения могут быть обжалованы. Обжалование указанных определений не приостанавливает их исполнение.

С даты введения наблюдения требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены к должнику только с соблюдением установленного законом о банкротстве порядка предъявления требований к должнику. Также по ходатайству кредитора приостанавливается производство по делам, связанным с взысканием с должника денежных средств. Кредитор в этом случае вправе предъявить свои требования к должнику в порядке, установленном законом. С даты введения наблюдения приостанавливается исполнение исполнительных документов по имущественным взысканиям, в том числе снимаются аресты на имущество должника и иные ограничения в части распоряжения имуществом должника, наложенные в ходе исполнительного производства, за исключением исполнительных документов, выданных на основании вступивших в законную силу до даты введения наблюдения судебных актов о взыскании задолженности по заработной плате, выплате вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, о выплате компенсации сверх возмещения вреда. Основанием для приостановления исполнения исполнительных документов является определение арбитражного суда о введении наблюдения.

С даты введения наблюдения не допускаются удовлетворение требований учредителя (участника) должника о выделе доли (пая) в имуществе должника в связи с выходом из состава его учредителей (участников), выкуп либо приобретение должником размещенных акций или выплата действительной стоимости доли (пая). Не допускается прекращение денежных обязательств должника путем зачета встречного однородного требования, если при этом нарушается установленная законом очередность удовлетворения требований кредиторов. Также не допускается изъятие собственником имущества должника - унитарного предприятия принадлежащего должнику имущества. С даты введения наблюдения не допускается выплата дивидендов, доходов по долям (паям), а также распределение прибыли между учредителями (участниками) должника, не начисляются неустойки (штрафы, пени) и иные финансовые санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежных обязательств и обязательных платежей, за исключением текущих платежей.

В связи с указанными ограничениями одной из основных задач введения наблюдения является обеспечение сохранности имущества должника. Для реализации этой задачи у временного управляющего есть правомочия по оспариванию сделок. Статьей 67 Закона о банкротстве устанавливаются обязанности временного управляющего. Так, временный управляющий обязан принимать меры по обеспечению сохранности имущества должника, проводить анализ финансового состояния

должника, выявлять кредиторов должника, вести реестр требований кредиторов, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом, уведомлять кредиторов о введении наблюдения, созывать и проводить первое собрание кредиторов, составление реестра требования кредиторов, проведение первого собрания кредиторов.

Сохранение баланса интересов всех участников обусловлено тем, что его нарушение влечет злоупотребления, что, в свою очередь, усложняет процедуру восстановления нарушенных прав тех субъектов, которые не используют подобные методы для удовлетворения своих требований[5].

Сфера оспаривания сделок охватывает многообразные типы, в том числе те, что противоречат законодательству, фиктивные сделки, сделки, подписанные недееспособными лицами, те, что не соответствуют целям деятельности компании, оформленные ненадлежащим образом, а также сделки, заключенные под давлением или с участием связанных с компанией лиц, причем важностью обладает оспаривание сделок, при которых должник отдает предпочтение одному кредитору перед другим, в том числе изменение очередности удовлетворения требований кредиторов.

Сделка, с точки зрения гражданского права, представляет собой действия, направленные на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей, в рамках банкротства, особое внимание уделяется оспариванию сделок на основе неравноценности встречного исполнения и других специфических пороков, в связи с этим появляются различные проблемы, связанные с оспариванием сделок.

Например, для оспаривания необходимо установить, что сделка была совершена в определенный законом период, правовые пороки делятся на общие, предусмотренные Гражданским кодексом РФ, и специальные, указанные в Федеральном законе о банкротстве.

Другой проблемой становится причинение имущественного вреда кредитору, чаще всего данный фактор становится решающим, особенно если в результате сделки должник стал неплатежеспособным или сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица [3].

Также сложности возникают при установлении субъективного критерия оспаривания, в частности, умысла на причинение вреда кредиторам, для этого требуется доказать, что действия должника соответствуют определенным критериям, часто усложняя положение кредиторов.

Определение момента неплатежеспособности должника представляет проблему из-за разнообразия подходов в судебной практике, которая создает неопределенность в оценке сделок, так как закон предусматривает значительный период оспоримости с точки зрения существования юридического лица на рынке, обычно для определения данного факта используется финансовый анализ должника.

Существует разногласие относительно того, является ли финансовый анализ достаточным доказательством платежеспособности, некоторые суды считают, что финансовая отчетность, составленная самими должниками, не может служить надежным основанием для такого определения, тем не менее, финансовая отчетность остается главным элементом в определении платежеспособности.

В ходе судебного разбирательства необходимо доказать, что вторая сторона по сделке была осведомлена о неплатежеспособности должника и о реальных мотивах сделки, но данное основание не применяется, если сумма сделки составляет менее 1% от балансовой стоимости активов организации, в судебной практике, как правило, применение только этого элемента для оспаривания сделки часто приводит к отказу в удовлетворении таких требований, поскольку одной заинтересованности лица в совершении сделки недостаточно для характеристики действий должника как противоправных [4].

Согласно абзацу второму пункта 1 статьи 66 Закона временный управляющий вправе предъявлять в арбитражный суд от своего имени требования о признании недействительными сделок, а также требования о применении последствий недействительности ничтожных сделок, заключенных или исполненных должником с нарушением требований, установленных статьями 63 и 64 Закона.

Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации в своем письме от 14 апреля 2009 г. N 129 разъяснил, какие сделки являются оспоримыми, а какие ничтожными.

Оспоримыми являются, в частности, следующие сделки:

а) сделки, направленные на исполнение или прекращение иным образом (в том числе путем предоставления отступного и т.п.) денежных обязательств и требований об уплате обязательных платежей, исполнение которых с введением наблюдения не допускается;

б) сделки по исполнению исполнительных документов по имущественным взысканиям,

исполнение которых приостанавливается в соответствии с требованиями абзаца четвертого пункта 1 статьи 63 Закона;

в) нарушающие запрет, установленный абзацем седьмым пункта 1 статьи 63 Закона, заявления должника или кредитора о прекращении денежного обязательства должника путем зачета встречного однородного требования, если при этом нарушается установленная пунктом 4 статьи 134 Закона очередность удовлетворения требований кредиторов;

г) нарушающие запрет, установленный абзацем девятым пункта 1 статьи 63 Закона, сделки, направленные на исполнение обязательств должника, возникших на основании решений о выплате дивидендов, доходов по долям (паям), решений о распределении прибыли между учредителями (участниками) должника (за исключением сделок, упомянутых в подпункте "в" пункта 2 настоящего информационного письма);

д) сделки, которые были совершены органами управления должника без согласия временного управляющего;

е) сделки по передаче имущества должника созданным им юридическим лицам и по приобретению должником участия в иных юридических лицах;

ж) сделки по размещению должником облигаций и иных эмиссионных ценных бумаг (за исключением акций).

Ничтожными являются, в частности, следующие сделки:

а) сделки по удовлетворению требований учредителя (участника) должника о выделе доли (пая) в имуществе должника в связи с выходом из состава учредителей (участников), по выкупу либо приобретению должником размещенных акций или выплате действительной стоимости доли (пая);

б) сделки, направленные на изъятие собственником имущества должника - унитарного предприятия принадлежащего должнику имущества;

в) сделки, направленные на удовлетворение требований, основанных на решениях о выплате дивидендов, доходов по долям (паям), решениях о распределении прибыли между учредителями (участниками) должника, принятых после даты введения наблюдения;

в) договоры простого товарищества, заключенные после даты введения наблюдения (абзац девятый пункта 3 статьи 64 Закона).

Особенности оспаривания сделок юридических лиц в процедуре наблюдения показывают то, каким сложным является данный процесс в правовой системе России, так как при банкротстве организации возникает соблазн утаить имущество от кредиторов или передать его заинтересованным лицам, приводя к необходимости оспаривания таких сделок. Законодательство РФ предусматривает две группы оснований для оспаривания сделок: по признакам оспоримости или ничтожности и по признакам подозрительности. Сделки с неравноценным встречным исполнением, наносящие имущественный вред кредитору, или ставящие кредиторов в неравные условия, подлежат оспариванию.

Подозрительные сделки оспариваются только в рамках процедуры банкротства, а текущие сделки, характерные для хозяйственной деятельности и не превышающие 1% балансовой стоимости активов организации-должника, обычно не подвергаются сомнению, так как законодательство исходит из принципа пропорционального распределения имущества должника между кредиторами.

Согласно закону, могут быть оспорены не только сделки, но и иные действия должника, влекущие необоснованное уменьшение его имущества, то есть действия в рамках различных отраслей права, например, увеличение заработной платы в период банкротства; статья 166 ГК РФ указывает на возможность признания сделок недействительными по различным основаниям, в том числе противоречащим законодательным нормам, мнимым или притворным сделкам, сделкам, превышающим полномочия руководства, и т.д.

При этом, в ходе процедуры наблюдения не могут быть оспорены по основаниям, предусмотренным ст. 61.2 или ст. 61.3 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)". При поступлении заявления временного или административного управляющего об оспаривании сделки по таким основаниям в ходе этих процедур суд выносит определение об оставлении его без рассмотрения в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 148 АПК РФ.

Заявления об оспаривании подозрительных сделок должника и сделок с предпочтением, поступившие в ходе процедур наблюдения или финансового оздоровления, суд оставляет без рассмотрения. На это указывается в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 N 63

Таким образом, временный управляющий вправе оспорить сделки должника в период проведения процедуры наблюдения только по специальным основаниям, предусмотренные законодательством о несостоятельности (банкротстве). При этом оспорены могут быть сделки

должника, совершенные только в процедуре наблюдения.

Процедура наблюдения устанавливает ограничения и обязанности для временного управляющего, руководителя должника и участников юридического лица, неисполнение которых может привести к признанию сделки недействительной или применении последствий недействительности ничтожной сделки. Правовой механизм оспаривания сделок служит соблюдению интересов заинтересованных лиц, участвующих в рассматриваемой процедуре банкротства и призван не допускать злоупотребления правами и реализации корыстного имущественного интереса.

Литература

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31. — Ст. 5024.
3. Крайнова, А. С. Проблемные аспекты оспаривания сделок при банкротстве юридических лиц в Российской Федерации // Молодой ученый. — 2023. — № 25 (472). — С. 189-192. — Режим доступа: https://moluch.ru/archive/472/104415/. — Дата обращения: 01.12.2023.
4. Оспаривание сделок при банкротстве юридических лиц [Электронный ресурс] // Право. — Режим доступа: https://time-lex.ru/osparivanie-sdelok-pri-bankrotstve-yuridicheskih-lic/, свободный. — Загл. с экрана. — Дата обращения: 30.11.2023.
5. Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве). М. 2020.
6. Презумпции и основания: новая судебная практика об оспаривании сделок 2020 [Электронный ресурс] // Лигал Академия. — Режим доступа: https://legalacademy.ru/sphere/post/prezumpcii-i-osnovaniya-novaya-sudebnaya-praktika-ob-osparivanii-sdelok, свободный. — Загл. с экрана. — Дата обращения: 30.11.2023.
7. Процедура наблюдения при банкротстве юридического лица [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.zakonrf.info/content/articles/bankrotstvo-procedura-nabludeniya/, свободный. — Загл. с экрана. — Дата обращения: 29.11.2023.
8. Энциклопедия решений. Оспаривание сделок должника в процедуре наблюдения (ноябрь 2023) [Электронный ресурс] // НПП “ГАРАНТ-СЕРВИС”. — Режим доступа: https://base.garant.ru/58078631/, свободный. — Загл. с экрана. — Дата обращения: 29.11.2023.

Features of challenging transactions of legal entities in the monitoring procedure

Astashkin A.F.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

Abstract: The author of the article studies the contesting of transactions within the framework of the supervision procedure in the bankruptcy of legal entities in the Russian Federation, focusing on the nuances and difficulties arising in connection with the current economic and legislative transformations.

The main purpose of the study is to study in detail the legal grounds and procedural mechanisms for challenging transactions, with a focus on the analysis of judicial practice and legislative changes.

The article is aimed at improving the effectiveness of legal regulation in the field of bankruptcy, and at strengthening the protection of the rights of both creditors and debtors; the work examines in detail the various types of disputed transactions, legal documents and various problems faced by participants in the process.

Keywords: bankruptcy, contesting transactions, supervision procedure, legal entities, Russian Federation, legal regulation.

References

1. Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 "On Insolvency (bankruptcy)" (latest edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 43. — Article 4190.
2. Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" (with amendments and additions) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31. — Article 5024.
3. Krainova, A. S. Problematic aspects of challenging transactions in the bankruptcy of legal entities in the Russian Federation // Young Scientist. — 2023. — № 25 (472). — Pp. 189-192. — Access mode: https://moluch.ru/archive/472/104415 /. — Date of application: 12/01/2023.
4. Challenging transactions in the bankruptcy of legal entities [Electronic resource] // Law. — Access mode: https://time-lex.ru/osparivanie-sdelok-pri-bankrotstve-yuridicheskih-lic /, free. — Cover from the screen. — Date of application: 11/30/2023.
5. Presumptions and grounds: new judicial practice on challenging transactions 2020 [Electronic resource] // Legal Academy. — Access mode: https://legalacademy.ru/sphere/post/prezumpcii-i-osnovaniya-novaya-sudebnaya-praktika-ob-osparivanii-sdelok , free. — Blank from the screen. — Date of application: 11/30/2023.
6. The procedure for monitoring the bankruptcy of a legal entity [Electronic resource]. — Access mode: https://www.zakonrf.info/content/articles/bankrotstvo-procedura-nabludeniya /, free. — Blank from the screen. — Date of application: 11/29/2023.
7. Encyclopedia of solutions. Challenging the debtor's transactions in the monitoring procedure (November 2023) [Electronic resource] // NPP GARANT-SERVICE. — Access mode: https://base .garant.ru/58078631 /, free. — Cover from the screen. — Date of application: 11/29/2023.

Законодательный статус-кво и предложения модели ГЧП в Китае

Вэй Ли
профессионально-технический колледж Хами

По мере ускорения процесса маркетизации национальной экономики фундаментальная роль рынка в распределении ресурсов становится все более очевидной. Многие строительные и эксплуатационные проекты, финансируемые государством, вводят социальный капитал, который не только облегчает финансовое давление правительства, но и позволяет в полной мере использовать свободные средства частного сектора. Первоначально за рубежом популяризировался метод сотрудничества, известный как ГЧП, что означает государственно-частное партнерство. В рамках сотрудничества ГЧП правительства, коммерческие и некоммерческие предприятия сформировали хорошее взаимное партнерство на основе определенного проекта. Сильные стороны всех сторон дополняют друг друга и могут достичь лучших результатов, чем ожидалось, если каждая сторона действовала в одиночку.
Ключевые слова: маркетизация; социальный капитал; государственно-частное партнерство

Introduction

After a period of economic development, the PPP model has been proven to be suitable for public services and infrastructure projects undertaken by the government. These include but are not limited to the market-oriented operation of municipal facilities (gas, power supply, water supply, heating, sewage and garbage disposal, etc.), various transportation facilities (highways, railways, airports, urban rail transit, etc.), various public service projects (health care, tourism, education and training, health care for the elderly, etc.), as well as water conservancy, resource environment and ecological protection projects. At the same time, the PPP model can also be applied to new municipal projects and new urbanization pilot projects.

Although the PPP model has achieved remarkable results in infrastructure construction, it still faces many challenges. Firstly, there is the issue of risk allocation in the project. In PPP projects, how to allocate risks reasonably between the government and social capital is an urgent problem to be solved. Secondly, the legal and regulatory system is not perfect. Currently, the legal and regulatory system of the PPP model is not sound, which brings certain uncertainty to the smooth implementation of the project. Finally, the participation of social capital is insufficient. Although the government actively promotes the PPP model, the participation of social capital is still limited, and some projects face financing difficulties. In short, the PPP model plays an important role in infrastructure construction in China. However, there are still challenges to overcome, such as risk allocation in the project, imperfect legal and regulatory system, and insufficient participation of social capital. Only by conquering these challenges can the PPP model better serve the sustainable development of infrastructure construction in China.

The elementary ideas about PPP mode

PPP model, or Public-Private Partnership, is a mode of cooperation between the government and social capital to jointly promote infrastructure construction and public service provision. As an innovative financing and cooperation model, it has

received widespread attention and application worldwide. The basic concept of the PPP model includes two aspects: one is the partnership between the public sector and the private sector, and the other is the cooperation mode of jointly bearing risks, responsibilities, and sharing benefits. In this mode, the government and social capital sign long-term contracts to clarify their respective rights and obligations, jointly invest, construct, and operate infrastructure projects to maximize public interests.

Establishment of PPP mode

PPP model is both a new and not-so-new thing in China. The reason for this is that China has been exploring PPP since 1984, but the real boom began in 2013. As a new type of government-social cooperation, the PPP project model cannot be separated from the joint influence of internal and external factors. Internal factors include effective organizational management systems and institutions, comprehensive professional talents, and reasonable risk sharing mechanisms. External factors include a sound and rigorous legal and regulatory system, a mature and fair market competition environment, and an open and mobile capital market.

The significance of PPP model

Under the new era conditions, the party leads us towards a new journey and formulates the "two-step" strategy, in which modernizing the country's governance capacity and system is placed in an extremely vital position, and building a socialist country under the rule of law is considered the top priority. As China's basic strategy, ruling the country according to law guides all actions of citizens, state organs, social organizations, and enterprises and institutions. Marxism believes that the economic base determines the superstructure, and law, as part of the superstructure, is determined by social productive forces and production relations. The PPP model, as a scientific and effective economic means, can enhance social and economic vitality and better leverage the decisive role of the market in economic development while adhering to the four fundamental principles. The government cooperates with society to provide public services, with a focus on PPP project planning, PPP project organization and implementation, relevant policy formulation, and project supervision. Since the existing public service system is compatible with the government-led model of providing public services, vigorously promoting government-society cooperation requires accelerating the formation of a cooperation mechanism that is compatible with the socialist market economy system. Therefore, based on the fundamental aspects of legislation, law enforcement, judicature, and law abidance operating within the legal system, upholding scientific, democratic, efficient, and fair legal principles, closely aligning with the core essence of putting people first, and rationally utilizing the PPP model are beneficial for economic development and reform as well as improving the business environment.

Current Situation of PPP Mode Legislation

Due to differentiated understandings of PPP and franchising in foreign countries, legislation reflects that some countries have enacted PPP laws, some have enacted franchising laws, and some have both. Based on practical and economic considerations, there are still countries that don't specifically legislat for PPP, but regulate it through existing laws and regulations. Countries such as the United States, Australia, and the United Kingdom have formulated dedicated PPP laws or policy guidelines to standardize and promote the PPP model. Among them, as one of the most mature countries in the global PPP model, the UK has successively issued a series of PPP guidance documents to provide a clear framework and guidance. Among EU countries, France has a relatively low degree of privatization in the field of infrastructure and public utility investment and construction. Instead, the franchising system has become the most commonly used mode of construction and provision of public services in France for a long time.

Current Situation of PPP Mode Legislation Overseas

Whether it is PPP legislation or franchising legislation, what lies behind them represents the legislative ideas of the Anglo-American law system and the continental law system, which is closely related to the understanding of government, society, and market. From the perspective of the

relationship between government, market, and society, Anglo-American law countries have a greater recognition of the market than of the government, advocating free competition and valuing the high mobility of capital and other elements. The government mostly plays the role of a night watchman. On the other hand, continental law countries rely more on the government and believe that there are flaws in the market economy and it is tough to completely provide and maintain public services through the market. Therefore, it requires the administration to firmly grasp the lifeline of the national economy and optimize the allocation of public resources.

Current Situation of PPP Mode Legislation in China

PPP projects span many areas of national life, and the legal norms involved not only cover multiple important laws such as the "Government Procurement Law", "Bidding and Tendering Law", "State-Owned Assets Law", but also include a series of administrative regulations such as the "Implementation Regulations of Government Procurement" and "Implementation Regulations of Bidding and Tendering Law". In addition, various ministries and commissions of the State Council h issue a large number of policy documents on PPP, providing a solid policy basis for its standardized implementation. So far, China has published a plethora of laws, regulations, and policy documents on PPP. Nevertheless, legal problems and conflicts still occurt.

Compared with countries and regions with more mature PPP effects overseas, China lacks dedicated PPP laws. The adjustment of PPP is mainly scattered among several laws and departmental regulations, which are uncoordinated and mismatched, presenting a fragmented and disconnected situation. A concrete analysis reveals the following shortcomings in China's PPP legislation:

First, the legal rank is low. Currently, the operation of the PPP model mostly relies on various documents, such as the "Decisions", "Notifications", "Opinions" of the State Council; regulations, measures, notifications from various ministries and commissions; and relevant regulations from local governments at all levels.

Second, there is a lack of specificity. Currently, there are two laws involving PPP projects in China, namely the "Government Procurement Law of the People's Republic of China" and the "Bidding and Tendering Law of the People's Republic of China". However, they have poor pertinence for government-social capital cooperation, with broad and imprecise provisions that are hard to adapt to the diversity of PPP projects. Administrative regulations and departmental rules are subordinate laws that lack overall connection with the law and also lack legal authority and effectiveness.

Third, the PPP-related legal system is not complete and coordinated. The scope of government-society cooperation is wide and the cycle is long, which is connected with many legal departments such as constitution, civil law, commercial law, administrative law, economic law, criminal law, etc. In addition, there are many stakeholders involved throughout the PPP project process, including government departments, social capital, third parties, and the public, which require overall coordination and cooperation between the various entities.

Legislative Suggestions for PPP Mode in China

Government franchising is a decentralization approach to the "positive list" of the planned economy, which is completely different from the "negative list" thinking of comprehensively deepening reform. To break market monopoly, we should proceed from the overall situation of China's reform and opening up, establish the "negative list" thinking, and upgrade PPP legislation. PPP focuses on decentralization to the market and society, which belongs to the "negative list" opinion of the market economy. If government franchising is widely applied in the field of public infrastructure and public utilities, it is obviously not feasible to solve the market access problem under the conditions of market economy by means of the "positive list", which deviates from the reform trend of China's market economy. Establishing the "negative list" viewpoint and accelerating PPP legislation with a more macroscopic vision can break the monopoly in the public sector, facilitate the modernization of public governance, and perfect the effective supply of public services.

Reposition and endow PPP projects with new significance and mission

The most obvious characteristic of PPP projects is their public nature, so PPP legislation is expected to integrate social capital, government, and public interests. It is not allowed to blindly ignore the interests of social capital for the sake of public interests, nor is it allowed to place too much emphasis on the interests of social capital to the detriment of public interests. If the interests of social capital are harmed in the pursuit of public interests, the enthusiasm of social capital to participate in PPP projects will be lost; conversely, it will violate the original intention of the

government to introduce social capital and release a negative impact on the realization of public profits.

Appropriately decentralize power:shifting from delegation to decentralization

The core concept of PPP cooperation lies in decentralization reform. Without decentralization reform, it is difficult to achieve the co-governance of government, market and society, and without co-governance, the road to socialist modernization and a powerful country will be impossible. Therefore, we have to dilute the administrative undertone of PPP legislation, focusing on civil legislation and procedural justice. Corresponding to decentralization reform, the approval and verification undertone in the entire law should be diluted. Matters that belong to the scope of consistency supervision and administrative licensing should not be considered in the PPP legislation according to present laws and regulations. PPP legislation should emphasize procedural justice, and restrict the division of labor and cooperation among government, market and society through standardized and standardized strict procedural arrangements. Through the procedure, the profits of all parties can be balanced, and the potential accumulation of public risks and financial risks can be avoided to the maximum extent, ensuring the expected realization of common interests.

Establishing a "Negative List" Legislative Mindset

From the perspective of top-level design of national governance, combined with the thinking mode of "negative list", we are supposed to re-examine the legislative necessity of the "Regulations on Government Franchise". On the foundation of maintaining the systematicness and coordination of the law, we should revise and improve the "Administrative License Law" to further clarify the fields and industries that require government franchise. For the specific operational level norms, we can formulate and issue corresponding implementation rules. Considering that the scope of government administrative franchise is dynamically adjusted, it is not necessary to separately establish a "franchise law" or "franchise regulations". In fact, the content of franchise should belong to the scope of the "Administrative License Law", while the content of operation belongs to the scope of PPP legislation. Through such sorting and classification, it will be more convenient for us to better clarify the adjustment object of regulations and ensure the coordination and unification of the legal system.

From formalism to behaviorism, from a one-size-fits-all approach to diversified behavioral governance.

Traditional theory holds that public goods can only be provided by the government unilaterally, but reality has already broken through this theory. The market is able to fully participate in the supply of public goods and the provision of public services. On the issue of PPP legislation, we must shift from formalism to behaviorism, evolve from unilateral thinking to the concept of co-governance, and ensure that legislative implementation is the dominant factor, rather than relying solely on legal texts. The main goal of PPP legislation is to reduce uncertainty. Through clear legal constraints, the rights, responsibilities, and benefits of each party should be telled. Whether it is the government, social capital, or the public, their behaviors and results should be predictable, and various expected risks and benefits should be clearly visible. Based on this, the implementation-oriented behaviorism of the law is particularly critical in the process of PPP legislation. We must avoid the problems of confusion, disharmony, and inconsistency in the past, and ensure a clear demarcation between PPP and government concession operations at the legislative level. The entire law should contain the characteristics of authority, science, coordination, and continuity to achieve the greatest consensus and ensure that the "PPP Law" is not only a law that can be implemented, but also a law with strong enforcement and significant effects. Although the PPP model emphasizes the joint participation of multiple subjects in governance, the legal relationships and behaviors involved in PPP projects are also quite complex. However, in the legislative process, we cannot arbitrarily expand its scope, and must ensure the specificity and pertinence of the "PPP Law", and cannot make it an all-encompassing comprehensive management law.

Conclusion

In summary, looking forward to the future,there are broad development prospects and huge opportunities in the PPP model. The PPP model will create more investment opportunities for social capital and drive the growth of private investment. This will help stimulate market vitality and promote sustainable economic advance. The PPP model focuses on the operation and management of projects and will help improve the level of infrastructure construction and public services. This will directly benefit the general public and enhance the level of social welfare. The government and social capital should further

strengthen cooperation, improve the institutional design and implementation mechanism of the PPP model, and invent a favorable environment for the sustainable development of the PPP model. Through joint efforts, the PPP model will make larger contributions to the prosperity and development of China's infrastructure construction.

The Legislative Status Quo and Suggestions of PPP Model in China

Wei Li

Hami Vocational and Technical College

As the marketization process of the national economy accelerates, the fundamental role of the market in resource allocation becomes increasingly evident. Many government-invested construction and operation projects introduce social capital, which not only alleviates the financial pressure of the government, but also makes full use of idle funds of the private sector. This cooperation method known as PPP is initially popularized abroad, which stands for Public-Private-Partnerships. Under the PPP cooperation framework, governments, for-profit enterprises and non-profit enterprises have formed a good mutual partnership based on a certain project. The strengths of all parties complement each other, and can achieve better results than expected by each party acting alone.

Keywords: marketization; social capital; public-private partnership

References

1. Liu Shangxi. Promoting PPP Legislation with the Concept of Co-governance [J]. Economic Research Reference, 2016, (15): 3-9
2. Yu Haisheng, Ma Jinhong. Research on the Rule of Law Construction of the Public-Private Partnership (PPP) Model [J]. Social Sciences Review, 2017, (10): 94-97
3. Wu Chunhong. Research on PPP Project Risk Evaluation of Beautiful Rural Construction under Tourism Development Orientation [D]. Wuhan University of Technology, 2018
4. Xiang Lili. Division of authority in local legislation on municipal public utility concessions [J]. Journal of Shanghai University of Political Science and Law (Law Review), 2013, (1): 43-48
5. Jing Wanbo. The Evolution and Theoretical Basis of Foreign Franchising [J]. Economic Research Reference, 2016, (15): 49-54
6. Pan Ping. On the Governance Value and Realization of PPP [J]. Theoretical Monthly, 2016, (10): 125-130
7. Wang Zhengwu. Insist on People-centered Construction of Socialism with Chinese Characteristics Political Economy - Summary of the 10th China Human Development Economics Symposium [J]. Reform and Strategy, 2017, (10): 34-40
8. Du Yueying. PPP Legislation in Progress [J]. China Development Observer, 2016, (5): 22-23

Защита прав малого и среднего бизнеса. Принцип защиты слабой стороны

Оганезян Роман Арамович
аспирант Московского финансово-юридического университета (МФЮА), 9264611689@mail.ru

Защита прав малого и среднего бизнеса опирается на ряд принципов, которые отражают правовые ценности, цели и задачи государственной политики в данной сфере. Среди прочих принципов защиты прав малого и среднего бизнеса особое место занимает т. н. «принцип защиты слабой стороны», сформулированный практикой Конституционного Суда РФ. В рамках настоящей статьи мы исследуем цели, задачи и особенности правовой регламентации конкретных механизмов защиты интересов индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, а также роль и значение принципа защиты слабой стороны в общей системе принципов защиты прав малого и среднего бизнеса.
Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, малый и средний бизнес, предпринимательское право, принципы защиты предпринимательства, принцип защиты слабой стороны, баланс интересов.

Защита прав малого и среднего бизнеса как деятельность государственных институтов представляет собой систему административных механизмов и правовых гарантий по обеспечению законных прав субъектов предпринимательской деятельности, охраны институтов собственности и недопущения противоправных посягательств со стороны государства или третьих лиц. Сразу необходимо отметить, что в большинстве источников термин «защита бизнеса» приравнивается к более традиционному для правовой доктрины варианту – «защита предпринимательства», где, в соответствии со ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) под «предпринимательством» понимается регулярная самостоятельная рисковая деятельность хозяйствующих субъектов, направленная на извлечение прибыли [2].

В целом, деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ регламентирована Федеральным законом №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О развитии МСП»), в котором указаны критерии отнесения организации к малому предпринимательству [5]. При этом признаваемые законом виды и категории субъектов малого и среднего предпринимательства указаны в ст. 4 ФЗ «О развитии МСП» [5]. В частности, закон признает следующие виды субъектов малого и среднего предпринимательства:

- внесенные в ЕГРЮЛ хозяйственные общества;
- крестьянские (фермерские) хозяйства;
- потребительские кооперативы;
- хозяйственные партнерства;
- производственные кооперативы;
- хозяйственные товарищества;
- индивидуальные предприниматели (физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность).

Как отмечает С. Л. Сибиряков, текущий режим защиты предпринимательства в РФ сложился в качестве компромиссной системы правового и административного регулирования бизнес-отношений. Автор указывает, что де-

факто система защиты предпринимательства включает в себя как обязанность со стороны государственных органов и институтов оказать содействие и помощь субъектам предпринимательства при наступлении соответствующих юридический оснований, так и обязательства воздерживаться от необоснованного и незаконного вмешательства в экономическую деятельность хозяйствующих субъектов при отсутствии соответствующих оснований [13, С. 106 – 108]. При этом механизмы защиты прав малого и среднего бизнеса включают в себя:

- материально-правовые (охранительные) меры, препятствующие нарушению прав хозяйствующих субъектов путем признания и восстановления права (ст. 13 – 15, 396 ГК РФ) [2], пресечения реальных и потенциальных противоправных действий, применения санкций и иных мер воздействия по отношению к нарушителю (ст. 243, 330 – 333, 394 – 395 ГК РФ) [2];
- процессуальные меры, обеспечивающие соблюдение прав и законных интересов хозяйствующих субъектов как стороны разбирательства по экономическим спорам в суде;
- меры самозащиты по восстановлению нарушенного права или пресечению соответствующего нарушения в превентивном порядке (ст. 14 ГК РФ) [2].

Так как защита прав субъектов предпринимательства представляет собой форму государственного вмешательства – на законодательном, организационном и административном уровнях, нам необходимо проследить цели и задачи такого вмешательства [11, С. 245 – 250]. По мнению С. В. Мудрицкого, государство вмешивается в экономическую деятельность субъектов с несколькими целями, такими как:

- перераспределение доходов и богатства: например, правительство запускает различные программы социального обеспечения, такие как страхование по безработице, здравоохранение и бесплатное образование, что поддерживает качество жизни тех, кто находится в экономически неблагоприятном положении;
- налогообложение также является еще одним способом перераспределения доходов;
- предоставление общественных благ: так, примерами общественных благ являются общественные парки, инфраструктура и национальная оборона, частный сектор не заинтересован в их обеспечении, потому что это невыгодно, а, следовательно, правительство берет эти издержки на себя;
- поддержание честной конкуренции: посредством антимонопольного регулирования государство предотвращает практику недобросовестной конкуренции, такую как сговор и искусственное ценообразование [13, С. 106 – 108];
- обеспечение безопасности и стимулирование внутренней экономики: например, государство устанавливает торговые барьеры и ведет политику протекционизма, чтобы защитить отечественную промышленность от конкурирующей импортной продукции, создавая больше рабочих мест на национальных предприятиях;
- охрана общественного правопорядка и защита граждан: например, реализация государством политики защиты прав потребителей, требований к качеству, ГОСТов, нормативов безопасности труда и вреда по отношению к окружающей среде;
- социально-ориентированное изменение поведения потребителей – это один из способов уменьшить воздействие негативных внешних факторов прямыми мерами государственного вмешательства, так, например, правительство может увеличить налоги на такие товары, как алкогольные напитки и табак, сократив их потребление;
- сохранение окружающей среды: без регулирования торговой деятельности хозяйствующие субъекты с большей вероятностью будут игнорировать внешние издержки для окружающей среды, чрезмерно эксплуатируя природные ресурсы или позволяя отходам попадать в окружающую среду без дальнейшей обработки, такая практика, безусловно, ставила бы под угрозу долгосрочную устойчивость экономики [11, С. 245 – 250].

В контексте защиты предпринимательской деятельности государство выполняет большинство вышеперечисленных социально-значимых функций, в том числе обеспечивая безопасность хозяйствующих субъектов, стимулируя экономику и охраняя свободную конкуренцию. Тем не менее, у защиты предпринимательской деятельности, как института государственной политики есть и спектр специально-определенных целей и задач. Большинство целей и задач в сфере поддержки и защиты малого и среднего предпринимательства отражены в тексте ст. 3. Федерального закона №294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – ФЗ «О защите ЮЛ и ИП при организации надзора», а также в содержании ч. 2 ст. 6 ФЗ

«О развитии МСП», однако они часто дополняются и уточняются авторами в доктринальных источниках [5, 6]. Например, Д. Е. Игнатьев в качестве специальных задач защиты предпринимательской деятельности выделяет достижение следующих социально-значимых экономико-правовых показателей [10, С. 41 – 44]:

- создание благоприятных инвестиционных условий (п. 3 ч. 2 ст. 6 ФЗ «О развитии МСП») [5];
- укрепление доверия между субъектами частного сектора, судебными и надзорными органами (п. 1 и 2 ст. 3 ФЗ «О защите ЮЛ и ИП при организации надзора») [5];
- обеспечение баланса социальной и правовой ответственности между хозяйствующими субъектами;
- содействие субъектов малого и среднего предпринимательства в достижении положительного сальдо торгового баланса регионов и государства (т. н. «устойчивая экспортная политика»);
- поддержание здоровой конкуренции в различных отраслях малого и среднего бизнеса (п. 3 ч. 2 ст. 6 ФЗ «О развитии МСП») [5];
- стимуляция экономической активности населения;
- формирование продуктивной организационно-правовой платформы для проектов государственно-частного партнерства (далее – ГЧП);
- формирование демографической прослойки «устойчивого среднего класса»;
- обеспечение занятости и содействие самозанятости населения (п. 6 ч. 2 ст. 6 «ФЗ о развитии МСП») [5].

Основные принципы государственной политики в сфере оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства перечислены в содержании ч. 3 все той же ст. 6 «ФЗ о развитии МСП» [5]. Указанная норма в числе главных и основных правовых и организационных ценностей государственной политики в сфере поддержки малого и среднего бизнеса называет следующие принципы:

- принцип разграничения полномочий между органами федеральной власти, власти субъектов и МСУ (п. 1 ч. 3 ст. 6 «ФЗ о развитии МСП») [5];
- принцип ответственности органов государственной власти и МСУ за обеспечение благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего бизнеса (п. 2 ч. 3 ст. 6 «ФЗ о развитии МСП») [5];
- принцип привлечения представителей бизнес-сообщества к правовой экспертизе и формированию стратегических документов в сфере развития малого и среднего предпринимательства (п. 3 ч. 3 ст. 6 «ФЗ о развитии МСП») [5];
- принцип равного обеспечения доступа к мерам поддержки для субъектов малого и среднего бизнеса в рамках федеральных и муниципальных программ (п. 4 ч. 3 ст. 6 «ФЗ о развитии МСП») [5].

В литературе среди специальных принципов государственной политики в сфере оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства также называют:

- принцип реальности и гарантированности защиты субъективных прав субъектов предпринимательской деятельности;
- принцип соразмерности мер административного вмешательства в экономических спорах хозяйствующих субъектов;
- принцип соблюдения баланса частных и публичных интересов;
- принцип процессуального обеспечения презумпции добросовестности субъектов предпринимательской деятельности при организации надзора и в рамках рассмотрения экономических споров;
- принцип защиты слабой стороны в экономических спорах хозяйствующих субъектов [10, С. 41 – 44].

Большинство указанных принципов, хоть и называются в литературе специальными, очевидно, являются следствием интерполяции общеправовых, гражданских, гражданско-процессуальных и арбитражно-процессуальных императивов на сферу защиты предпринимательства. Исключением, т. е. строго «предпринимательским» принципом выступает принцип защиты слабой стороны, о котором мы поговорим ниже. Тем не менее, с точки зрения логики правового регулирования и правоприменительной практики, такая интерполяция является оправданной и крайне уместной, т. к. позволяет изучить особенности защиты субъектов малого и среднего предпринимательства во всей полноте различных теоретических и практических аспектов данного направления государственной политики.

Наибольший интерес среди представленных в литературе принципов защиты предпринимательской деятельности для нас представляет принцип защиты слабой стороны – как наиболее комплексный, применимый только к правоотношениям вокруг коммерческой деятельности и вместе с тем малоизученный в контексте защиты интересов субъектов предпринимательства. По версии профессора А. Я. Рыженкова, принцип защиты слабой стороны

в контексте защиты субъектов предпринимательства не имеет легального нормативного закрепления, но «выступает действующим принципом права по своей правовой форме, юридической силе и содержанию» [12, С. 13 – 16]. Как отмечает автор, даже в рамках прогрессивной и крайне восприимчивой к новым веяниям и тенденциям российской цивилистической доктрины данный принцип остается малоизученным.

В представлении А. Я. Рыженкова принцип защиты слабой стороны в экономических спорах предполагает, что общий режим правового регулирования экономической деятельности субъектов и отдельные конструкции гражданско-правовых договоров в тех или иных случаях ограничивают права одной из сторон правоотношений до такой степени, что суды, надзорные инстанции и другие государственные институты должны предпринимать специальные действия по восстановлению равенства сторон или дифференциации прав участников договорного отношения [12, С. 13 – 16]. Как указывает автор, принцип защиты слабой стороны относится к принципам, полностью сформулированным практикой Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ). При этом принцип защиты слабой стороны структурно образован двумя теоретико-правовыми элементами:

1. наличием общих правил регулирования отдельных сфер экономической деятельности субъектов, ставящих одну из сторон в соответствующих правоотношениях в заведомо экономически слабое положение путем ограничения принципа свободы договора или лишения возможности для стороны влиять на распоряжение вкладом, взносом и инвестициями или судьбу принадлежащего стороне имущества;

2. признанием КС РФ соответствующего умаления в правах экономически слабой стороны при отсутствии общих нарушений конституционности соответствующих положений закона по содержанию норм, форме, порядку вступления в законную силу и иным основаниям, предусмотренным ст. 86 Федеральный конституционным законом №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [1].

Источниками правового регулирования и актами толкования в части особенностей правового применения принципа защиты слабой стороны, по мнению автора выступают соответствующие Постановления КС РФ:

1. Постановление КС РФ №16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1 и пункта 4 статьи 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О дорожных фондах в Российской Федерации» от 15 июля 1996 г. впервые вводит в оборот категорию «экономической слабости» стороны, ссылаясь на допустимость дифференциации распределения нагрузки по дорожным налогам [8];

2. В Постановлении КС РФ №-4П «По делу о проверке конституционности положения части второй ст. 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 г. «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» от 23 февраля 1999 г. КС представляет развернутое толкование концепции защиты слабой стороны в отношении случаев ограничения общего принципа свободы договора, обоснованность и основания для применения мер судебной защиты экономически слабой стороны раскрываются в п. 4 мотивировочной части данного Постановления [9];

3. Уже в Постановлении КС РФ №10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» в связи с жалобами ряда граждан» от 3 июля 2001 г. принцип защиты слабой стороны в отношении случаев ограничения общего принципа свободы договора был окончательно закреплен как базовый механизм амортизации фактического неравенства сторон, а также уточнен в части регулирования корпоративных отношений [7].

По мнению А. Я. Рыженкова принцип защиты слабой стороны в качестве главного основания для применения соответствующих мер предполагает выявление явного различия между формальным и реальным равенством субъектов, что подтверждается содержанием положений Постановления КС РФ №4-П от 23 февраля 1999 г [12, С. 13 – 16]. Однако вместе с тем мы можем выделить несколько важных ограничений, определяющих правовые рамки применения данного принципа на практике:

- принцип защиты слабой стороны применяется только к обязательственным правоотношениям;
- принцип защиты слабой стороны применяется к субъектам, отвечающим критериям слабой стороны – уязвимого имущественного положения, заинтересованности в договорных отношениях, административной подчиненности или экономической зависимости (при недобросовестной конкуренции или в случаях, предусмотренных ст. 10 Федерального закона №135-ФЗ «О защите конкуренции») [4];

- принцип защиты слабой стороны распространяется исключительно на правоотношения, возникающие в связи с осуществлением предпринимательской деятельности.

На наш взгляд, принцип защиты слабой стороны вписывается в общую систему защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в качестве правовосстановительных материально-правовых и процессуальных мер, т. е. реализуются как посредством вмешательства компетентных органов, так и в порядке признания, защиты и восстановления тех или иных прав слабой стороны спора в суде. Мы также считаем, что указанный принцип, в целом, согласуется с описанной ранее системой административных механизмов и правовых гарантий по обеспечению законных прав субъектов предпринимательской деятельности.

Литература

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (Дата обращения: 05.11.2023).

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года №51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Дата обращения: 05.11.2023).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] https://www.consulta№t.ru/document/co№s_doc_LAW_39570/ (Дата обращения: 05.11.2023).

3. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 №135-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (Дата обращения: 05.11.2023).

4. Федеральный закон №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 №209-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (Дата обращения: 05.11.2023).

5. Федеральный закон от 26.12.2008 №294-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] https://www.co№sulta№t.ru/docume№t/co№s_doc_LAW_83079/ (Дата обращения: 05.11.2023).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2001 №10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» в связи с жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32377/ (Дата обращения: 05.11.2023).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1996 №16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1 и пункта 4 статьи 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О дорожных фондах в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11018/ (Дата обращения: 05.11.2023).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 №4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22135/ (Дата обращения: 05.11.2023).

9. Игнатьев Д. Е. Защита прав и законных интересов малого и среднего бизнеса прокуратурой Российской Федерации // Скиф. – 2020. – №2 (42). – С. 41 – 44.

10. Мудрицкий С. В. Понятие, сущность, виды и формы защиты предпринимательства // Инновационные аспекты развития науки и техники. – 2021. – №7. – С. 245 – 250.

11. Рыженков А. Я. Принцип защиты экономически слабой стороны в предпринимательских правоотношениях // Гражданское право. – 2016. – № 2. – С. 13-16.

12. Сибиряков С. Л. Защита малого и среднего бизнеса основа социально-экономического развития России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2011. – №20. – С. 106 – 108.

Protection of the rights of small and medium-sized businesses. The principle of protecting the weak side

Oganezyan Roman Aramovich
Moscow University of Finance and Law (MFYuA)

Protection of the rights of small and medium-sized businesses is based on a number of principles that reflect legal values, goals and objectives of state policy in this area. Among other principles of protecting the rights of small and medium-sized businesses, a special place is occupied by the so-called. “the principle of protecting the weaker party”, formulated by the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. In the framework of this article, we explore the goals, objectives and features of the legal regulation of specific mechanisms for protecting the interests of individual entrepreneurs and legal entities engaged in business activities, as well as the role and significance of the principle of protecting the weaker party in the general system of principles for protecting the rights of small and medium-sized businesses.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, small and medium-sized businesses, business law, principles of protecting entrepreneurship, principle of protecting the weaker party, balance of interests.

References

1. Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ (as amended on July 31, 2023) “On the Constitutional Court of the Russian Federation” / ATP “ConsultantPlus”. [Electronic resource] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (Access date: 11/05/2023).
1. Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // SPS “ConsultantPlus”. [Electronic resource] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Access date: 11/05/2023).
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on June 24, 2023, as amended on July 20, 2023) // SPS “ConsultantPlus”. [Electronic resource] https://www.consulta№t.ru/document/co№s_doc_LAW_39570/ (Access date: 11/05/2023).
3. Federal Law “On the Protection of Competition” dated July 26, 2006 No. 135-FZ (latest edition) // SPS “ConsultantPlus”. [Electronic resource] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (Access date: 11/05/2023).
4. Federal Law No. 209-FZ “On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation” dated July 24, 2007 No. 209-FZ (latest edition) // SPS “ConsultantPlus”. [Electronic resource] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (Access date: 11/05/2023).
5. Federal Law of December 26, 2008 No. 294-FZ (as amended on July 24, 2023) “On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the exercise of state control (supervision) and municipal control” // SPS “ConsultantPlus”. [Electronic resource] https://www.co№sulta№t.ru/docume№t/co№s_doc_LAW_83079/ (Access date: 11/05/2023).
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 3, 2001 No. 10-P “In the case of verifying the constitutionality of certain provisions of subparagraph 3 of paragraph 2 of Article 13 of the Federal Law “On the Restructuring of Credit Institutions” and paragraphs 1 and 2 of Article 26 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)) credit institutions" in connection with complaints from a number of citizens" // SPS "ConsultantPlus". [Electronic resource] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32377/ (Access date: 11/05/2023).
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 15, 1996 No. 16-P “In the case of verifying the constitutionality of paragraph 1 of Article 1 and paragraph 4 of Article 3 of the Law of the Russian Federation of October 18, 1991 “On Road Funds in the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus” " [Electronic resource] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11018/ (Access date: 11/05/2023).
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 23, 1999 No. 4-P “In the case of verifying the constitutionality of the provisions of part two of Article 29 of the Federal Law of February 3, 1996 “On Banks and Banking Activities” in connection with complaints from citizens O.Yu. Veselyashkina, A.Yu. Veselyashkina and N.P. Lazarenko" // SPS "ConsultantPlus". [Electronic resource] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22135/ (Access date: 11/05/2023).
9. Ignatiev D. E. Protection of the rights and legitimate interests of small and medium-sized businesses by the prosecutor’s office of the Russian Federation // Skif. – 2020. – No. 2 (42). – P. 41 – 44.
10. Mudritsky S.V. Concept, essence, types and forms of protection of entrepreneurship // Innovative aspects of the development of science and technology. – 2021. – No. 7. – P. 245 – 250.
11. Ryzhenkov A. Ya. The principle of protecting the economically weaker party in business legal relations // Civil law. – 2016. – No. 2. – P. 13-16.
12. Sibiryakov S. L. Protection of small and medium-sized businesses is the basis of socio-economic development of Russia // Criminology: yesterday, today, tomorrow. – 2011. – No. 20. – P. 106 – 108.

Реформирование трудовых отношений в связи с применением цифровых технологий в условиях четвертой промышленной революции

Смолина Юлия Васильевна
Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, julias.uzts@mail.ru

Четвертая промышленная революция ассоциируется с широким распространением и внедрением цифровых технологий, робототехники, искусственного интеллекта, нейросетей, облачных и квантовых технологий, а также внедрением автоматизации производственных процессов на предприятии. В результате подобных внедрений неизбежно возникает необходимость внесения изменений в трудовое законодательство относительно расширения прав и обязанностей работника и работодателей. В данной статье исследуется причинно-следственная связь между внедрением цифровых технологий в процесс труда на увеличение объема прав и обязанностей работника в части способов возложения на работника трудовых обязанностей. Также в статье рассматривается взаимосвязь внедрения цифровых технологий и неизбежное увеличение социальных гарантий работника, в следствии чего автором сделан вывод о неизбежности реформирования механизмов работы на удаленных платформах и с использованием цифровых технологий.

Ключевые слова: четвертая промышленная революция, способы возложения на работника трудовых обязанностей, искусственный интеллект, автоматизация производства, медицинские работники, робот-ассистированная хирургия

На сегодняшний день развитие цифровых технологий, удовлетворяющих потребности современного общества, неминуемо привели к внедрению цифровых технологий в производственные и медицинские сферы. Однако в связи с этим стало понятно, что в действующем законодательстве существует немало пробелов относительно регулирования прав и обязанностей работников на производствах, на которых внедрены цифровые технологии. Современное общество оказалось не подготовлено к столь быстрому внедрению цифровых технологий на производство по нескольким причинам: первая, возраст работников на производственных предприятиях и в медицинских учреждениях в среднем составляет 45-60 лет (в период с 1995 по 2010 годы в России наблюдался спад интереса к получению производственных и медицинских специальностей, в связи с чем появилась возрастная яма в данных профессиях – либо слишком молодые работники без опыта работы, либо работники предпенсионного возраста, во- вторых, это страх внедрения цифровых технологий в связи с нестабильной экономической ситуацией в стране, в третьих, проблема в том, что до настоящего времени не разработаны механизмы ответственности за сбой работы цифровых технологий. Также не определен перечень процессов, которые не может заменить искусственный интеллект и сферы деятельности, где не могут быть применены цифровые технологии.

События последних лет, в частности пандемия Covid-19, а также СВО показали назревшую потребность замены человека с его уязвимостью к болезням и оттоку «человеческого» ресурса автоматическими процессами, внедряемыми в производство и в сферу медицинских технологий. Именно период пандемии стал катализатором процессов по внедрению цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Главным вопросом в данном направлении, который было необходимо решить в первую очередь- это вопрос снижения

финансовых затрат на работников (а следовательно, и снижение себестоимости продукции).

Многие работодатели вынуждены были начать процесс внедрения цифровых технологий на производство, тем самым минимизировать риски, связанные с «человеческим» фактором. В связи с внедрением цифровых технологий, в том числе и искусственного интеллекта, в сферу трудовых отношений, в будущем предполагается решить проблему нехватки «человеческого» ресурса, которая особенно остро встала на производственных предприятиях, а также в сфере медицины после начала СВО.

Проведение мобилизации, отток людей за границу только усугубили и без того печальное финансовое положение производственных предприятий с трудом переживших пандемию. Поэтому многие производственные предприятия приняли решение о внедрении искусственного интеллекта на своих производствах. Однако и на данном этапе работодатели столкнулись с множеством проблем, связанными с трудовыми правами и обязанностями работников, взаимодействующих в связи с исполнением своей трудовой функции с искусственным интеллектом. К примеру, возникли вопросы о привлечении работника к дисциплинарной ответственности в случае сбоя программы искусственного интеллекта. Встал вопрос о разграничении зоны ответственности при сбое программ искусственного интеллекта. На данный вопрос действующее законодательство РФ не может дать однозначный ответ, так как на сегодняшний день существует множество правовых пробелов в регулировании трудовых отношений работников, задействованных в сфере применения искусственного интеллекта.

В данном случае можно обратиться к зарубежному опыту, который обладает не только законодательным регулированием по данному вопросу, но и сложившейся судебной практикой.

Одним из наиболее важных вопросов, необходимых к изучению в зарубежной судебной практике будет ответ на вопрос о соотношении ответственности работника, работодателя и разработчика программы искусственного интеллекта в случае ошибки в результатах работы. Также до настоящего времени остается неизученным вопрос о статусе искусственного интеллекта. В связи с чем, возникает вопрос о безопасности и конфиденциальности данных при работе с искусственным интеллектом. Какие действия должны предшествовать допуску работника до данных, содержащихся в программах искусственного интеллекта, а самое главное- кто будет нести ответственность за несанкционированный доступ к подобным данным равно как и разглашение данных сведений третьим лицам.

В последние годы искусственный интеллект внедряется не только в сферу производства, но и в медицинскую отрасль. Он используется для диагностики заболеваний, прогнозирования результатов лечения, анализа данных пациентов и многого другого. Искусственный интеллект может помочь врачам быстро и точно диагностировать заболевание, оптимизировать лечение пациентов. Кроме того, искусственный интеллект может быть использован для создания персонализированных программ лечения, которые учитывают индивидуальные особенности пациента.

Однако не стоит забывать о том, что медицинский сотрудник – это в первую очередь работник в системе отношений «работник-работодатель», и в данном случае внедрение в медицинские учреждения цифровых технологий касается не только улучшения работы медицинского учреждения для работы с пациентами, но и относительно трудовых отношений внутри медицинских учреждений.

В данном случае стоит отметить, что актуально не только увеличение внедрения объема использования цифровых технологий, но и параллельное введение ограничений на их использование. К примеру, в институт трудоустройства возможно включить нормы, ограничивающие возможности работодателя использовать системы искусственного интеллекта при процедурах, связанных с приемом на работу. Примером может служить принятый 09.08.2019г. Закон штата Иллинойс, ограничивающий права работодателей на видеоинтервью с использованием искусственного интеллекта[1]. По данному Закону работодатель обязан предварительно объяснить, как работает система, какие характеристики она использует для оценки лица на соответствие требованиям работодателя, и получить согласие на подобную оценку.

Анализ подхода Европейского суда по правам человека к защите трудовых прав демонстрирует, что Европейская конвенция по правам человека является важным инструментом защиты права на уважение частной жизни сотрудника на работе и защиты персональных данных. В европейской судебной практике разработана система оценки действий работодателя по контролю за выполнением работником своей трудовой функции. Допустимым считается выбор работодателем эффективного и

при этом наименее навязчивого варианта контроля. Российские суды, рассматривая подобные дела, исходят из права работодателя контролировать исполнение работниками трудовых обязанностей и не анализируют ситуацию в свете возможности принятия работодателем других мер для достижения этой цели[2]. Процесс включения норм о занятости на основе интернетплатформ в трудовое законодательство уже идет, хотя государства решают эту проблему по-разному. Например, если одни включают в законы о труде нормы, распространяющие действие и на наемных работников, и на зависимых самозанятых (Германия, Швеция), то другие формируют систему судебных прецедентов, позволяющую квалифицировать отношения как трудовые (США). Тем не менее, «во всех случаях фактически расширяется действие трудового права, хотя и с помощью различных средств[3].

В настоящее время во многих медицинских учреждениях уже внедрены медицинские информационные системы, главная задача которых состоит в надлежащем ведении электронных медицинских документов. Требования к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (часть 4 статьи 91 Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). В настоящее время данные требования установлены Приказом Минздрава России о 24.12.2018г. № 911н «Об утверждении Требований к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций»[4].

Согласно пункту 3 Требований медицинские информационные системы медицинских организаций предназначены для сбора, хранения, обработки и предоставления информации, необходимой для автоматизации процессов оказания и учета медицинской помощи и информационной поддержки медицинских работников, включая информацию о пациентах, об оказываемой медицинской помощи и о медицинской деятельности медицинских организаций. Данные Требования регламентированы Постановлением Правительства РФ от 12.04.2018г.№ 447 «Об утверждении Правил взаимодействия иных информационных систем, предназначенных для сбора, хранения, обработки и предоставления информации, касающейся деятельности медицинских организаций и предоставляемых ими услуг, с информационными системами в сфере здравоохранения и медицинскими организациями»[5].

Одним из существующих направлений в развитии действующего законодательства Российской Федерации является вопрос наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, следовательно, быть субъектом деликтной ответственности. Кроме того, заслуживают внимания позиции ученых, которые полагают, что в настоящее время правовая конструкция искусственного интеллекта не имеет достаточно определенных признаков и границ, чтобы выделить те случаи, когда робот может быть самостоятельным субъектом правоотношений, а когда это является программой и соответственно объектом правоотношений.

Тем не менее, для правовых систем, где уже разработана конструкция юридического лица, которое является полноправным субъектом правоотношений, введение новой правовой конструкции, которая будет иметь схожую правовую природу, не представляется чем-то невозможным в ближайшем будущем. В некоторых юридических исследованиях по данной теме содержатся предложения по внедрению законодательства о наделении ответственностью искусственного интеллекта в случае совершения ими преступления, где в качестве наказания для таких систем предусматривается «перепрограммирование» или уничтожение программы.

Одним из наиболее ярких примеров актов в сфере внедрения цифровых технологий является Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года, 2015/2013(INL), в соответствии с которой роботы не могут нести ответственность за действия или бездействия[6]. В развитие этих положений была принята в 2020 году резолюция Европарламента от «Об ответственности искусственного интеллекта», в которой также высказаны сомнения относительно необходимости наделять такие системы правосубъектностью. Настоящая резолюция предлагает возлагать ответственность на лиц, которые участвуют в цепочке жизненного цикла искусственного интеллекта. В частности, говорится об ответственности оператора как лица, которое контролирует риск, связанный с ошибкой искусственного интеллекта, и извлекает определенную пользу, связанную с его эксплуатацией[7].

Если проанализировать опыт подходов к ответственности в связи с применением искусственного интеллекта в разных странах, то можно увидеть, что в странах общего права уже рассматривались вопросы причинения вреда здоровью пациента при использовании роботов, которые совершали ошибку. Тем не менее, и общая система права, и ее правоприменительная практика не способны дать однозначный ответ на вопрос об ответственности разработчика в случае совершения программой ошибки. Например, в деле Mracek v. Bryn Mawr Hospital[8] при операции рака простаты использовался робот да Винчи, чтобы минимизировать постоперационный риск эректильной дисфункции. В процессе операции робот несколько раз сообщал об ошибках, которые потребовали времени и сил на их устранение, и как результат — эректильная дисфункция у пациента после операции. Иск был подан в отношении медицинского учреждения и разработчика робота, но по решению суда только разработчик остался ответчиком, как лицо, которое несет повышенную ответственность за качество продукции (strict liability), однако суд отклонил требования истца, указав, что пациент не представил доказательств наличия причинно-следственной связи между ошибкой робота и последующим развитием эректильной дисфункции.

В то же время в деле Singh v. Edwards Lifesciences[9] суд удовлетворил требование истца, здоровью которого в результате операции на сердце был причинен вред. Как было установлено, имела место ошибка в работе программного обеспечения, и компания-разработчик была привлечена к ответственности.

Одно из перспективных направлений в современной медицине – это «робот-ассистированная хирургия». Робот-ассистированная хирургия – это метод хирургического вмешательства, при котором операция проводится врачом с помощью робота-хирурга, который манипулирует хирургическими инструментами. Данное изобретение особенно актуально и востребовано в микрохирургии. Это позволяет повысить точность и эффективность операций, а также снизить риск послеоперационных осложнений. Примером робот-ассистированной хирургии может считаться «Робот-хирург MiroSurge» компании Medtronic, который способен проводить операции на бьющемся сердце без подключения аппарата искусственного кровообращения. Также данный робот может быть задействован и при проведении операций на закрытом сердце, он помогает врачам сформировать представление о текущей проблеме за счет обработки и анализа рентгеновских изображений. Однако стоит отметить, что робот-ассистированные операции требуют специального оборудования и обученных хирургов, что может привести к дорогостоящему лечению, недоступному для большинства пациентов. Также стоит отметить и тот факт, что ответственность за проведение робот-ассистированных операций лежит на хирургах, которые обязаны иметь высокую квалификацию и опыт работы с роботами, и как следствие, должны быть готовыми к любым непредвиденным ситуациям[10]. Кроме того, необходимо соблюдать все меры предосторожности и безопасности для того, чтобы избежать возможных осложнений после хирургического вмешательства для пациента[11].

В некоторых странах существуют специальные законы и правила, регулирующие использование роботов в хирургии. Например, в США действуют законы об ответственности за качество предоставляемых медицинских услуг (MedicalMalpracticeAct – документ, подтверждающий халатность врача), который предусматривает ответственность врача (в зависимости от штата) при проведении робот-ассистированных операций. В данном случае возможным решением для рассмотрения судебных споров, связанных с искусственным интеллектом, является использование доктрины «res ipsa loquitur», допускающей вывод о небрежности конкретного ответчика, при том, что данный факт небрежности типичен для субъектов, к которым может быть отнесен ответчик. В основе данного принципа лежит вывод о том, что ответчик имеет исключительный контроль над орудием, причиняющим вред, который мог быть потенциально допущен в результате халатности[12].

Современный уровень развития технологий искусственного интеллекта и робототехники не предполагает кардинальных изменений в регулировании института юридической ответственности, однако требует постепенной доработки его отдельных элементов, в том числе доработки механизмов гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта и робототехники, имеющими высокую степень автономности, при принятии ими решений, в том числе с точки зрения определения лиц, которые будут нести ответственность за их действия, а также доработки механизмов безвиновной гражданско-правовой ответственности.

На мой взгляд, целесообразным является внедрение искусственного интеллекта на производственных предприятиях с целью организации отчета о прохождении периодических медицинских осмотров работников, анализа и отслеживания сроков прохождения сотрудниками обучения и повышения квалификации, отслеживание времени прихода работников на работу и уход с работы, составление графика отпусков в соответствии с заданными задачами и имеющимися условиями относительно заданных категорий работников, имеющих право на отпуск в удобное для них время. Но самым основным применением искусственного интеллекта на сегодняшний день мог стать анализ ситуации на предприятии в сфере охраны труда - искусственный интеллект мог бы провести анализ закупаемых средств, исходя из анализа оставшихся средств индивидуальной защиты в соответствии с данными из бухгалтерии и карточек выдачи средств индивидуальной защиты. Использование средств индивидуальной защиты является важным аспектом обеспечения безопасности и здоровья работников. Также искусственный интеллект в соответствии с данными СОУТ мог бы проанализировать соотношение количества сотрудников, работающих на должностях с определенными классами опасности условий труда и закупаемыми продуктами, положенными к выдаче, с их фактическим получением работниками. Также искусственный интеллект может способствовать уменьшению затрат работодателя в связи с наложенными на него штрафы за неиспользование средств индивидуальной защиты работниками. Искусственный интеллект может проконтролировать работника перед началом исполнения им своей трудовой функции и немедленно отправить отчет работодателю о неприменении средств индивидуальной защиты для последующего отстранения от работы подобного работника.

Литература

1. Illinois General Assembly. Public Act 101-0260. Available at: http://www.ilga.gov/legislation/publicacts/fulltext.asp?Name=101-0260 (дата обращения: 25.08.2023)
2. Сыченко Е.В. Вклад Европейского суда по правам человека в понимание прав человека в сфере труда // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 5. С. 54– 79.
3. Зайцева Л.В. Экономически зависимые самозанятые: различия национальных подходов к определению правового статуса // Вестник Томского государственного университета. 2019. N 446. С. 212–222.
4. Об утверждении Требований к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций: Приказ Минздрава России от 24.12.2018г. № 911н (Зарегистрирован в Минюсте России 19.06.2019г. № 54963) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, дата обращения 20.08.2023г.
5. Об утверждении Правил взаимодействия иных информационных систем, предназначенных для сбора, хранения, обработки и предоставления информации, касающейся деятельности медицинских организаций и предоставляемых ими услуг, с информационными системами в сфере здравоохранения и медицинскими организациями: Постановление Правительства РФ от 12.04.201г. № 447// Собрание законодательства РФ. 23.04.2018. №17. Ст. 2491.
6. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on civil law rules on robotics (2015/2103(INL)). *O.J. C. 252.*
7. European Parliament resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a civil liability regime for artificial intelligence (2020/2014(INL)). *O.J. C. 404.*
8. Mracek v. Bryn Mawr Hospital, 610 F. Supp. 2d 401 (E.D. Pa. 2009)
9. Singh v. Edwards Lifesciences, 151 Wn. App. 137, 151 Wash. App. 137, 210 P.3d 337 (Wash. Ct. App. 2009).
10. Определение Пятого Кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2022г. № 88-1139/2022 по делу 2-7/2021//СПС «КонсультантПлюс»
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»//Российская Газета. 2010. 5 февраля.
12. Restatement (Third) of Torts: Liability for Physical and Emotional Harm § 17 (Am. Law. Inst. 2010): [сайт]. — URL: https://www.ali.org/publications/show/torts-liability-physical-and-emotional-harm/ (дата обращения 23.08.2023)

Reforming labor relations in connection with the use of digital technologies in the context of the fourth industrial revolution

Smolina Yu.V.
V.F. Yakovlev Ural State Law University

The fourth industrial revolution is associated with the widespread spread and introduction of digital technologies, robotics, artificial intelligence, neural networks, cloud and quantum technologies, as well as the introduction of automation of production processes at the enterprise. As a result of such implementations, it inevitably becomes necessary to amend labor legislation regarding the expansion of the rights and obligations of the employee and employers. This article examines the causal relationship between the introduction of digital technologies into the labor process to increase the scope of employee rights and obligations in terms of ways to impose labor duties on an employee. The article also examines the relationship between the introduction of digital technologies and the inevitable increase in employee social guarantees, as a result of which the author concludes that it is inevitable to reform the mechanisms of work on remote platforms and using digital technologies.

Keywords: the fourth industrial revolution, ways of assigning work responsibilities to an employee, artificial intelligence, production automation, medical workers, robot-assisted surgery.

References

1. Illinois General Assembly. Public Act 101-0260. Available at: http://www.ilga.gov/legislation/publicacts/fulltext.asp?Name=101-0260 (access date: 08/25/2023)
2. Sychenko E.V. Contribution of the European Court of Human Rights to the understanding of human rights in the world of work // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 5. P. 54–79.
3. Zaitseva L.V. Economically dependent self-employed: differences in national approaches to determining legal status // Bulletin of Tomsk State University. 2019. N 446. pp. 212–222.
4. On approval of the Requirements for state information systems in the field of healthcare of the constituent entities of the Russian Federation, medical information systems of medical organizations and information systems of pharmaceutical organizations: Order of the Ministry of Health of Russia dated December 24, 2018. No. 911n (Registered with the Ministry of Justice of Russia on June 19, 2019 No. 54963) // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, access date 08/20/2023.
5. On approval of the Rules for the interaction of other information systems intended for collecting, storing, processing and providing information relating to the activities of medical organizations and the services they provide with information systems in the field of healthcare and medical organizations: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 12, 201. No. 447 // Collection of legislation of the Russian Federation. 04/23/2018. No. 17. Art. 2491.
6. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on civil law rules on robotics (2015/2103(INL)). O.J. C. 252.
7. European Parliament resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a civil liability regime for artificial intelligence (2020/2014(INL)). O.J. C. 404.
8. Marcek v. Bryn Mawr Hospital, 610 F. Supp. 2d 401 (E.D. Pa. 2009)
9. Singh v. Edwards Lifesciences, 151 Wn. App. 137, 151 Wash. App. 137, 210 P.3d 337 (Wash. Ct. App. 2009).
10. Ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated January 20, 2022. No. 88-1139/2022 on case 2-7/2021//SPS “ConsultantPlus”
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 26, 2010. No. 1 “On the application by courts of civil legislation regulating relations under obligations resulting from harm to the life or health of a citizen” // Rossiyskaya Gazeta. 2010. February 5.
12. Restatement (Third) of Torts: Liability for Physical and Emotional Harm § 17 (Am. Law. Inst. 2010): [website]. — URL: https://www.ali.org/publications/show/torts-liability-physical-and-emotional-harm/ (accessed 08/23/2023)

Дополнительный патент на лекарственное средство

Яхаева Анна Петровна
аспирант, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, vetlawyer@mail.ru

В статье рассматриваются правовые вопросы патентования лекарственных средств, которые являются наиболее актуальным на сегодняшний день. Автор приходит к выводу, что фармацевтические компании в условиях инвестиционной зависимости и транснациональной конкуренции буквально вынуждены получать патент на разработку задолго до проведения доклинических и клинических испытаний. На основании исследовании правовых основ и правоприменительной практики по вопросу получения дополнительного патента на лекарственное средство можно прийти к заключению, что данный вид объекта охраны исключительных прав является достаточно специфичным вследствие имеющихся особенностей разработок, исследование и внедрения такого изобретения на рынок. Из-за этого фактический срок действия патента на лекарственные средства значительно ниже в сравнении с иными изобретениями, охватываемыми ст. 1363 ГК РФ, а потому, в целях обеспечения как частных интересов правообладателя, так и таких публичных интересов, решение в виде дополнительного патентования выглядит эффективным. Несмотря на то, что гражданское законодательство Российской Федерации по вопросам предоставления дополнительного патента на лекарственные средства в некоторое мере пробельно, всё же, такие правовые пробелы восполняются за счёт однообразно формирующейся практики Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации, который по вопросам о продлении патентов при условии получения правообладателем нескольких разрешений на применение одного лекарственного препарата в отношении различных показаний, сформировал правильный подход к рассмотрению дел, отвечающий как природе института патента в целом, так и интересам фармацевтических компаний в частности.

Ключевые слова: фармацевтическая компания, лекарственное средство, формула, патент, дополнительный патент, патентообладатель, исключительные права, показание к применению.

Вопрос патентования лекарственных средств является наиболее актуальным на сегодняшний день. В особенности тема патентования таких изобретений актуализировалась в эпоху пандемии COVID-19, что закономерно связано с фармацевтическими разработками в данный период. Таким образом, научно-исследовательская деятельность в сфере фармацевтики обусловила стимуляцию защиту прав патентообладателей, ведь именно в 2020–2022 гг. регистрируется значительный рост досудебных претензий о нарушении исключительных прав патентообладателей в хозяйственной области фармацевтики [10].

К завершению 2023 года появляются новые штаммы SARS-CoV-2, а именно «Эрис» и «Пирол», которые по своему биологическому проявлению более опасны и устойчивы к тем препаратам, которые применялись при борьбе с коронавирусной инфекцией в 2022 году [9], а это значит, что фармацевтические компании уже ведут разработки и исследования лекарственных средств, антител и иные препаратов для борьбы с новыми формами заболеваний.

Как следствие, возобновилась необходимость и целесообразность предоставления дополнительных патентов, в том числе и на вновь изобретаемые, но давно исследуемые лекарственные средства. Для начала представляется необходимым разобраться с правовым статусом лекарственных средств согласно гражданскому законодательству Российской Федерации, в частности, определить условия их патентоспособности.

Согласно п.1 ст.4 Федерального закона №61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» под лекарственными средствами понимаются такие вещества или комбинации этих веществ, фармацевтические субстанции и лекарственные препараты, которые применяются для диагностики, профилактики, лечения заболевания, а равно для реабилитации после перенесённых болезней. Лекарственные средства по законодательству Российской Федерации также применяются для прерывания беременности. По своему внешнему проявлению лекарственные средства проникают в органы и

(или) ткани живого организма, а сами лекарственные вещества или их комбинации синтезируются из крови, плазмы крови, частей органов или тканей живых организмов, веществ растений и минералов [2].

С позиции гражданского законодательства лекарственные средства относятся к изобретениям, то есть рассматриваются в качестве технических решений в фармацевтической области, относящиеся к продукту или способу применения продукта. Более того, в соответствии с ч.4 ст.1350 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) лекарственные средства признаются промышленными изобретениями, поскольку могут быть применимы в сфере здравоохранения, социальной сфере и иных смежных отраслях [1].

Несмотря на то, что законодательством Российской Федерации не предполагается классификация фармацевтических изобретений, всё же, такое выделение отдельных видов изобретений предлагается в доктрине гражданского и медицинского права:

1. изобретения на лекарственное вещество:

– изобретение на фармацевтическую композицию веществ;

– изобретение на химическое соединение.

2. изобретение на способ синтезирования средства:

– изобретение способа получения активной субстанции;

– изобретение способа приготовления готовой лекарственной формы.

3. изобретение способа применения лекарственного средства:

– изобретение вариации применения известного вещества в качестве терапевтического средства;

– изобретение способа применения лекарственного вещества терапевтического назначения, вновь предложенного для лечения или предупреждения иных заболеваний, которые ранее им не лечились и не предупреждались [8, с. 103].

Исходя из следующего можно сделать вывод, что к лекарственным средствам применяются нормативные положения о сроках действия исключительных прав на изобретение. В соответствии с ч.1 ст. 1363 ГК РФ, срок действия патента на защиту исключительных прав на лекарственные средства составляет 20 лет. При этом необходимо понимать, что по большому счёту двадцатилетний срок действия патента не является непрерывным.

Здесь необходимо учитывать норму ч.2 ст. 1363 ГК РФ, где указано, что если с дня подачи заявки на патент по отношению к лекарственному средству и до дня получения первичного разрешения на его промышленное использование прошло свыше 5 лет, что такой общий срок действия патента может быть дополнительно продлён Роспатентом по заявлению патентообладателя. В данном случае формируется дополнительный патент на лекарственное средство, в котором указывается формула, состоящая из системы характеризующих индивидуальных признаков запатентованного средства, которые позволяют отразить новизну и промышленную применимость промышленного изобретения, находящегося под охраной.

Для того чтобы осознать почему законодатель предусмотрел такую систему дополнительного патентования лекарственных средств, следует разобраться с самой сущность института патента в гражданском праве, а также проанализировать специфичность лекарственных средств, как объекта патентного права и соответствующей патентно-правовой защиты.

Правовая природа исключительных прав обуславливает защиту не только частных интересов патентообладателей, но и также исходит их необходимости обеспечения реализации общественных и иных публичных интересов в случае, когда изобретения при истечении срока патента в последующем становятся общественным достоянием. С другой стороны, срочность действия патента, в частности в фармацевтической сфере, побуждает патентообладателей к инновационному развитию, то есть к созидательной деятельности по отношению к разработке новых лекарственных средств в течение действия патента по уже созданным препаратам [6, с. 77].

Временные границы исключительных прав, определяемые сроком существования таких прав, имеют особое значение в патентной сфере и устанавливая такие границы, законодатель преследует две взаимосвязанные цели:

1. нормативно-правовое определение срока исключительной коммерциализации;

2. правовая регуляция трансформации исключительных прав на изобретение в правовой статус общественного достояния объекта охраны.

И если в первом случае законодатель обеспечивает законные интересы патентообладателя в части восполнения ресурсов, затраченных на исследование и внедрение запатентованных лекарственных средств в промышленный оборот, включая реализацию права на получение прибыли от такой хозяйственной деятельности, то во втором случае переход прав

вследствие истечения срока патентной охраны объекта осуществляется для обеспечения общественных интересов, что в конечном итоге выражается в повышении доступности высокотехнологичной фармацевтической продукции.

Получение дополнительного патента на лекарственные средства – это своего рода легальный правовой механизм обеспечения коммерческих интересов правообладателей в системе исследуемых правоотношений. Встаёт закономерный вопрос о том, почему возможность получения дополнительного патента, и, как следствие, продление срока правовой охраны фармацевтического объекта выходит за пределы общего срока, предусмотренного гражданским законодательством?

Ответ на вопрос кроется в специфике самих научно-исследовательских, испытательских и технологических отношениях, а также процессах разработки и внедрения лекарственных средств в промышленный оборот. Необходимо осознавать, что лекарственные средства могут обладать побочными эффектами краткосрочного и долгосрочного характера, в связи с чем требуется проведение клинических испытаний. В том числе и доклинические исследования также требуют значительных организационных, временных и материально-финансовых затрат.

Как следствие, процесс создания и внедрения лекарства в оборот не только дорогой, но и также трудоёмкий. Сфера фармацевтики помимо того достаточно конкурента и имеет транснациональный характера. Фармацевтическая деятельность развивается за счёт внешних инвестиций и очевидно, что при отсутствии правовых гарантий эксклюзивного использования лекарственных средств ещё на этапе разработки или испытаний, инвесторы навряд ли решатся вкладывать свои инвестиции в такие объекты.

А потому, фармацевтические компании в условиях инвестиционной зависимости и транснациональной конкуренции буквально вынуждены получать патент на разработку задолго до проведения доклинических и клинических испытаний, что уж говорить об этапе непосредственного внедрения лекарственного средства в промышленный оборот. Таким образом, компании, занимающиеся разработкой лекарственных средств, изначально получают патент на них, а затем проводят в их отношении научные исследования и испытания, тем самым заблаговременно обеспечивая безопасность правовой охраны лекарственных средств, которые после всех испытаний не факт что попадут в коммерческий оборот.

В конечном счёте складывается ситуация, в которой с момента подачи заявки на правовую охрану лекарственного средства до его регистрации и промышленного оборота (коммерциализации) в среднем проходит от 5 до 15 лет. И, как следствие, большую часть срока действия патента занимает:

– поиск новых активных веществ;
– изучение лекарственных свойств;
– доклинические исследования;
– разработка технологий производства лекарственных препаратов;
– внедрение технологий производства лекарственных средств;
– и др.

То есть такие этапы, лишённые получения всякой прибыли от хозяйственной деятельности фармацевтической компании, в содержании которых субъект рынка будет изобретать и исследовать лекарственное средство, а также подготавливаться к выходу в коммерческие отношений. И если бы механизм дополнительного патентования лекарственных средств отсутствовал в правовой системе Российской Федерации, то у субъектов фармацевтической деятельности, за вычетом времени на производство и подготовку к продаже лекарственных средств, оставалось бы крайне мало времени для получения прибыли от продажи зарегистрированных лекарственных средств, что закономерно сказалось бы на снижении мотивации субъектов данной отрасли экономики.

Аналогичной позиции придерживается и Роспатент, который в одном из своих разъяснений отмечает, что интеграция в систему российского законодательства возможности дополнительного патентования обусловлена желанием законодателя учесть объективную практику разработки лекарственных средств, из которой следует, что обычно компании проводят основательные и длительные исследования, а также испытания в течение действия патента. Это в свою очередь влияет на реальный срок действия исключительных прав в отношении изобретений, который сокращается значительным образом. Роспатент также добавляет, что аналогичная ситуация проявляется не только в отношении лекарственных средств, но и также по отношению к разрабатываемым пестицидам, а также агрохимикатам [7].

Схожая позиция относительно механизма дополнительного патентования отмечена и в судебной практике Верховного Суда Российской Федерации. В одном из решений Верховного Суда Российской Федерации судьи приходят к следующему выводу: «Из содержания

приведенных норм следует, что использование изобретения, относящегося к лекарственному средству, обусловлено наличием специального разрешения, получение которого происходит в течение длительного периода, существенно сокращающего срок реализации прав, основанных на патенте. Учитывая, что до момента получения первого разрешения патентообладатель по объективным причинам не может в полной мере осуществлять исключительное право на изобретение в части правомочия по использованию изобретения в составе лекарственного средства, пестицида или агрохимиката, федеральный законодатель, соблюдая баланс индивидуальных интересов патентообладателя и публичных интересов общества, закрепил право патентообладателя на продление срока действия патента» [3].

Более сложной представляется ситуация, в которой патентообладатель инициирует получение дополнительных патентов при получении одновременно нескольких разрешений на одно лекарственное средство, но по отношению к различным фармацевтическим показаниям. Законодательная позиция по данному вопросу прямо не определена, однако, из судебной практики Суда по интеллектуальным правам следует, что если в одном патенте охватывается сразу несколько показаний о назначении лекарственного средства, что следует из формулы, то в таком случае патент может быть продлён несколько раз в отношении каждого такого показания.

Такое положение применимо в ситуациях, когда Министерство здравоохранения Российской Федерации, выступающее как регистрационный орган, выдало на одно лекарственное средство сразу несколько разрешений (к примеру, для применения средства при различных заболеваниях или медицинских показаниях), а предыдущее продление патента уже ранее было ограничено показанием, не включающим новое, на основании которого и осуществляется выдача дополнительного патента.

Представим обратную ситуацию в которой законодательство Российской Федерации не допускало бы выдачу дополнительного патента по новому показанию. В данном случае фармацевтические компании отказывались бы от дополнительных клинических исследований уже на этапе коммерциализации лекарственного продукта, поскольку в смоделированных правовых обстоятельствах субъект хозяйственной деятельности всё равно не мог бы рассчитывать на получение дополнительного патента и продление срока охраны исключительных прав. С позиции экономического аспекта это нашло бы своё отражение в стагнации инновационных процессов по отношению к продуктам фармацевтической отрасли, что в конечном итоге сказалось бы негативно как на самих патентообладателях, так и на конечных потребителях.

Как следствие, продлении срока действия исключительного права патента на применение одного лекарственного средства, но в отношении различных показаний, отвечает как личным, так и публичным интересам.

Показательным судебным делом является иск фармацевтической компании Merck Patent GmbH и Pfizer Inc. к Роспатенту, который отказал истцу в удовлетворении заявления о предоставлении дополнительного патента на лекарственное средство. Из материалов дела следует, что компания Merck Patent GmbH и Pfizer Inc. в 2019 году получила патент и зарегистрировала лекарственное средство для лечения уротелиальной карциномы. Запатентованное и зарегистрированное в установленном законе порядке лекарственное средство, которое использовалось в препарате «Бавенсио» в последующем, подвергалось дополнительным исследованиям.

По итогам таких исследований, в 2021 году было выявлено новое показание к применению - монотерапия для поддерживающей терапии первой линии взрослых пациентов с местнораспространенной или метастатической уротелиальной карциномой. Министерство здравоохранения Российской Федерации по заявлению компании зарегистрировала новые показания к применению и внесла соответствующие изменения в новую версию инструкции к лекарственному препарату.

В 2022 году компания Merck Patent GmbH и Pfizer Inc. обратилась в Роспатент с заявлением о получении дополнительного патента на данное лекарственное средство в связи с открытием нового показания к применению. Регистрирующий орган, однако, отказал в удовлетворении продления патента. Суд по интеллектуальным правам Российской Федерации, удовлетворяя исковые требования компании Merck Patent GmbH и Pfizer Inc., мотивирует решение следующим: «каждое из разрешений Роспатента может рассматриваться как первое применительно к конкретному назначению фармацевтической композиции, приведенной в формуле изобретения, что обусловлено, в частности, необходимостью проведения клинических испытаний на применение лекарственного препарата по указанному назначению» [4].

Таким образом, можно прийти к выводу, что патент, формулой которого охватывается одновременно несколько показаний к применению лекарственного средства, может продлеваться по заявлению патентообладателя по отношению к каждому такому показанию при наличии разрешающего акта Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Необходимо при этом понимать, что действие положения о дополнительном патенте в части возможности продления срока действия патента при возникновении новых показаний, законодательно ограничивает возможность бесконечного продления исключительного права, поскольку в каждом конкретном случае заявителю потребуется разрешение административного органа, которое не может быть выдано без дополнительных клинических исследований. Аналогичная позиция, к примеру, отражена в решении Суда по интеллектуальным права Российской Федерации по иску Novartis AG [5].

На основании исследовании правовых основ и правоприменительной практики по вопросу получения дополнительного патента на лекарственное средство можно прийти к заключению, что данный вид объекта охраны исключительных прав является достаточно специфичным вследствие имеющихся особенностей разработок, исследование и внедрения такого изобретения на рынок. Из-за этого фактический срок действия патента на лекарственные средства значительно ниже в сравнении с иными изобретениями, охватываемыми ст. 1363 ГК РФ, а потому, в целях обеспечения как частных интересов правообладателя, так и таких публичных интересов, решение в виде дополнительного патентования выглядит эффективным.

Несмотря на то, что гражданское законодательство Российской Федерации по вопросам предоставления дополнительного патента на лекарственные средства в некоторое мере пробельно, всё же, такие правовые пробелы восполняются за счёт однообразно формирующейся практики Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации, который по вопросам о продлении патентов при условии получения правообладателем нескольких разрешений на применение одного лекарственного препарата в отношении различных показаний, сформировал правильный подход к рассмотрению дел, отвечающий как природе института патента в целом, так и интересам фармацевтических компаний в частности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 №230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Парламентская газета. – 21.12.2006. – №214–215.

2. Федеральный закон от 12.04.2010 №61-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об обращении лекарственных средств» // Российская газета. – 14.04.2010. – №78.

3. Решение Верховного Суда РФ от 16.05.2012 №АКПИ12-406 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 10.7 Административного регламента исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам государственной функции по осуществлению в установленном порядке продления срока действия патента на изобретение, относящееся к средствам, для применения которых требуется получение разрешения уполномоченного на это органа в соответствии с законодательством Российской Федерации, срока действия патента на промышленный образец, свидетельства (патента) на полезную модель, свидетельства о регистрации товарного знака, знака обслуживания, свидетельства на право пользования наименованием места происхождения товара, а также восстановления действия патента на изобретение, полезную модель, промышленный образец, прекращенного в связи с неуплатой в установленный срок пошлины за поддержание его в силе, утв. Приказом Минобрнауки России от 29.10.2008 №322» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130485/ (дата обращения: 18.10.2023).

4. Решение Суда по интеллектуальным права Российской Федерации от 08.09.2022 по делу №СИП-420/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/6af33b36-bad3-48a8-b3f4-f9cab782356d?roistat_visit=1837191 (дата обращения: 19.10.2023).

5. Решение Суда по интеллектуальным права Российской Федерации от 03.06.2022 по делу № СИП-1131/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/98765aeb-9aff-4a58-a022-b799e36831d4?roistat_visit=1837191 (дата обращения: 19.10.2023).

6. Ворожевич А.С. Принудительное лицензирование в пользу правообладателей зависимых фармацевтических изобретений / А.С. Ворожевич // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Право. – 2021. – №1. – С. 73–98.

7. Дополнительный патент: аналитический материал Гардиум // ebooks. gardium. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ebooks.gardium.ru/digest-17-highlights (дата обращения: 18.10.2023).

8. Заварзина, Н.В. Патентование фармацевтических изобретений: проблемные аспекты / Н.В. Заварзина // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – №1 (35). – С.103-109.

9. Коронавирус-2023: чем опасны новые штаммы, как защититься от вируса // РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20230914/koronavirus-2023-1896370980.html (дата обращения: 16.10. 2023).

10. Сазонова, М.А. Вопросы патентного права в фармацевтической индустрии в период пандемии / М.А. Сазонова // ГарантРу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/article/1414256/ (дата обращения: 16.10. 2023).

Additional patent for a medicinal product

Yakhaeva A.P.
Kutafin Moscow state law university

The article discusses the legal issues of patenting medicines, which are the most relevant today. The author comes to the conclusion that pharmaceutical companies in conditions of investment dependence and transnational competition are literally forced to obtain a patent for development long before conducting preclinical and clinical trials. Based on the study of the legal foundations and law enforcement practice on the issue of obtaining an additional patent for a medicinal product, it can be concluded that this type of object of exclusive rights protection is quite specific due to the existing features of the development, research and introduction of such an invention to the market. Because of this, the actual validity period of a patent for medicinal products is significantly lower in comparison with other inventions covered by art. 1363 of the Civil Code of the Russian Federation, and therefore, in order to ensure both the private interests of the copyright holder and such public interests, the solution in the form of additional patenting looks effective. Despite the fact that the civil legislation of the Russian Federation on the granting of an additional patent for medicinal products is somewhat incomplete, nevertheless, such legal gaps are filled due to the monotonously emerging practice of the Intellectual Property Rights Court of the Russian Federation, which, on issues of extending patents, provided that the rightholder receives several permits for the use of one medicinal product in relation to of various indications, formed the right approach to the consideration of cases that meets both the nature of the patent institution as a whole, and the interests of pharmaceutical companies in particular.

Keywords: pharmaceutical company, medicinal product, formula, patent, additional patent, patent holder, exclusive rights, indication for use.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (ed. of 13.06.2023) // Parliamentary Gazette. – 21.12.2006. – No.214-215.
2. Federal Law No. 61-FZ of 12.04.2010 (ed. of 04.08.2023) "On the circulation of medicines" // Rossiyskaya Gazeta. – 14.04.2010. – №78.
3. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.05.2012 No. AKPI12-406 "On the refusal to satisfy the application for recognition as partially invalid paragraph 10.7 of the Administrative Regulations of the Federal Service for Intellectual Property, Patents and Trademarks of the state function for the implementation in accordance with the established procedure of extending the validity period of a patent for an invention related to the means for the application of which it is required to obtain the permission of the authorized Representative to this effect, in accordance with the legislation of the Russian Federation, the validity period of the patent for an industrial design, a certificate (patent) for a utility model, a certificate of registration of a trademark, a service mark, a certificate for the right to use the name of the place of origin of the goods, as well as the restoration of the validity of a patent for an invention, utility model, industrial design, terminated due to non-payment of a fee for maintaining it in force, approved by the By Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 322 dated 29.10.2008" // ConsultantPlus. [electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130485 / (accessed: 10/18/2023).
4. The decision of the Court on Intellectual Property Rights of the Russian Federation dated 08.09.2022 in case no. SIP 420/2022. [electronic resource]. – Access mode: https://kad.arbitr.ru/Card/6af33b36 bad3 48a8 b3f4 f9cab782356d?roistat_visit=1837191 (date of appeal: 19.10.2023).
5. The decision of the Court on Intellectual Property Rights of the Russian Federation of 03.06.2022 in case no. SIP 1131/2021. [electronic resource]. – Access mode: https://kad.arbitr.ru/Card/98765aeb 9aff 4a58 a022 b799e36831d4?roistat_visit=1837191 (accessed 19.10.2023).
6. Vorozhevich, A.S. Compulsory licensing in favor of the copyright holders of dependent pharmaceutical inventions / A.S. Vorozhevich // Bulletin of St. Petersburg University. Pravo series. – 2021. – No. 1. – pp. 73-98.
7. Additional patent: analytical material of the Guardian // ebooks. gardium. [electronic resource]. – Access mode: https://ebooks.gardium.ru/digest-17-highlights (date of appeal: 10/18/2023).
8. Zavarzina, N.V. Patenting pharmaceutical inventions: problematic aspects / N.V. Zavarzina // Journal of the Court of Intellectual Rights. – 2022. – №1 (35). – Pp.103-109.
9. Coronavirus-2023: what are the dangers of new strains, how to protect yourself from the virus // RIA Novosti [Electronic resource]. – Access mode: https://ria.ru/20230914/koronavirus-2023-1896370980.html (accessed: 16.10. 2023).
10. Sazonova, M.A. Issues of patent law in the pharmaceutical industry during the pandemic / M.A. Sazonova // GarantRu [Electronic resource]. – Access mode: https://www.garant.ru/article/1414256 / (accessed: 16.10. 2023).

Риски и угрозы цифровизации деятельности органов исполнительной власти

Монько Василиса Сергеевна
аспирант отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения, vasilisa.monko@mail.ru

Статья посвящена анализу некоторых рисков цифровизации государственного управления – в том числе, за счет масштабного перехода к алгоритмизированному принятию решений на основе систем искусственного интеллекта (ИИ). Указывается на основные пробелы в правовом регулировании ряда сложных аспектов использования ИИ при предоставлении государственных услуг, принятии управленческих решений в государственном секторе, приводятся примеры негативных проявлений цифровизации на основе зарубежного опыта, предлагаются некоторые меры по нивелированию выявленных рисков.
Ключевые слова: цифровые технологии, искусственный интеллект, блокчейн, государственное управление, электронное правительство, цифровое правительство, цифровизация, права человека, дискриминация, правовые риски, персональные данные

Внедрение новых цифровых технологий в процессы информационного обмена, производства и управления стало одним из основных факторов трансформации моделей государственного управления по всему миру. Широкое использование смартфонов, планшетов, датчиков, чат-ботов, систем облачных вычислений, сбора и анализа больших данных, технологии блокчейн, Интернета вещей (IoT), машинного обучения, искусственного интеллекта (ИИ), виртуальной/дополненной реальности (VR/AR) и других цифровых технологий непосредственно влияет на все сегменты общественной жизни, но одно из особенно заметных направлений здесь – это сфера публичного администрирования, являющаяся прерогативой деятельности государственных органов [8, с. 22].

Так, эксперты отмечают, что цифровизация радикально меняет способы организации и предоставления государственных услуг, а также трансформирует само существо отношений государства с гражданами [9, с. 39]. Также цифровизация меняет сложившийся баланс в отношениях между государственными и частными субъектами в вопросах решения социально-экономических задач, что обусловлено постепенно заменой человеческого труда цифровыми процессами и устройствами, роботами, новыми формами контроля производительности и поведения на работе, а также масштабным сбором и использованием персональных данных.

Несмотря на то, что практически каждая из вышеозначенных цифровых технологий может быть использована в государственном управлении, большая часть общественно-политической и научной дискуссии сегодня сосредоточена на использовании алгоритмических или автоматизированных систем принятия решений, т.е. на технологии искусственного интеллекта. Сегодня использование соответствующей технологии в деятельности публичной администрации пока находится в зачаточном состоянии – как в России, так и в других странах мира. Однако в перспективе именно ИИ может обеспечить большую эффективность и результативность, а также долгосрочную устойчивость и большую оперативность реагирования

на потребности граждан в соответствии с демократическими процедурами и принципом «хорошего управления» [13, p. 29]. Однако важно с самого начала учитывать потенциальные риски использования ИИ в исследуемом контексте и планировать меры по их смягчению.

Эффект черного ящика. Одна из основных проблем, связанных с использованием автоматизированных систем принятия решений – это так называемый «эффект черного ящика». Академик К. Анохин объясняет эту управленческую модель следующим образом: «мы знаем, что на входе есть задача, а на выходе - решение. А что происходит внутри, в десятках и сотнях скрытых слоев искусственной нейронной сети - пока мало понятно» [1]. Действительно, в основе ИИ изначально лежат определенные алгоритмы, которые обрабатывают данные и выдают тот или иной результат (решение). Однако зачастую ни программисты – создатели ИИ, ни тем более чиновники не могут объяснить, как и почему алгоритм пришел к конкретному результату. Получается, что когнитивные функции ИИ осуществляются в «черном ящике», что явно противоречит общепринятым стандартам принятия управленческих решений в публичном секторе – прозрачности, объяснимости, подотчетности [7, с. 12]. Ситуация осложняется тем фактом, что системы ИИ в большинстве случаев разрабатываются частными компаниями и потому на принципы их действия распространяется режим коммерческой тайны. Это затрудняет общественный контроль или экспертную оценку. Также эффект «черного ящика» влечет сложности в корректировке алгоритмов искусственного интеллекта в случае необходимости и затрудняет процедуры установления юридической ответственности за негативные последствия принятых решений.

Как следствие, органы публичной власти, использующие в своей деятельности алгоритмизированные системы принятия решений, должны быть способны объяснять как процедуры, которым следует алгоритм, так и конкретные принятые решения. В принципе не следует использовать алгоритмы, которые слишком сложны для объяснения [11, с. 53]. Кроме того, граждане должны иметь право на разъяснение решения, принятого на основе алгоритмов ИИ, а также право на обжалование такого решения.

Так, в тематических публикациях по проблеме искусственного интеллекта Комиссар Совета Европы по правам человека предлагает несколько мер, которые государства могут использовать для того, чтобы нивелировать негативные следствия эффекта «черного ящика». В частности, необходимо обеспечить, чтобы каждый, кто считает себя жертвой нарушения прав человека, вызванного системой ИИ, имел доступ к следующей информации:

- данные об обучении и тестировании нейросети;
- данные о том, как именно и для чего использовалась система ИИ;
- понятные простому гражданину данные о том, как именно система ИИ пришла к тому или иному решению или рекомендации;
- информация, объясняющая, как интерпретировались результаты системы ИИ и какие меры были предприняты на основе выданного алгоритмом решения [12].

Вторая проблема связана с *рисками предвзятости и дискриминации*. Ряд зарубежных исследований последних лет показал, что базы данных, используемые для обучения передовых систем ИИ, часто являются предвзятыми. Примеры дискриминации были зафиксированы, в частности, при исследовании программного обеспечения для распознавания лиц, систем найма на государственную службу, систем выдачи льгот и преференций отдельным категориям граждан и т.п. [6, с. 84] Когда государственные органы используют алгоритмы для поддержки своих процессов принятия решений, это может иметь последствия в виде дискриминации и усиления и без того актуальной проблемы социального неравенства.

Приведем показательный пример. В Великобритании в 2020 г. под влиянием пандемии COVID-19 правительство пошло на довольно решительные меры: были полностью отменены экзамены на степень бакалавра, а успеваемость студентов оценивалась на основе их предыдущих оценок в течение обучения (анализ проводили алгоритмы ИИ). В результате почти 40% студентов получили более низкие оценки, чем им выставляли их преподаватели. Подобная несправедливость привела к масштабным протестам, лидеры которых отмечали, что ИИ пока не может в должной мере оценивать психоэмоциональные и социальные факторы. Под влиянием протестов проведенный эксперимент был подробным образом проанализирован техническими специалистами, в результате чего было обнаружено, что ИИ сделал неправильные предположения о качествах и признаках тестируемых студентов (как индивидуальных, так и коллективных), что не позволило ему адекватно выставить оценки на основе реальных знаний и навыков [4].

Решение проблемы предвзятости и дискриминации может состоять в организации специализированных контролирующих структур, в

чьи функции будет входить исследование и анализ случаев дискриминации и нарушения прав человека со стороны систем ИИ, разработка мер по предотвращению подобных нарушений, а также возмещение ущерба. В России данные функции мог бы, на наш взгляд, осуществлять аппарат Уполномоченного по правам человека. Помимо этого, в каждом министерстве, ответственном за предоставление того или иного набора государственных услуг, должны существовать ответственные субъекты, контролирующие вопросы соблюдения прав человека и принципа равенства при предоставлении таких услуг с использованием ИИ. Должностные лица, ответственные за данное направление, должны проходить специальную подготовку, которая должна включать в себя, в том числе, технические знания и навыки в области цифровых технологий.

Данный подход уже поддержан европейскими правопорядками. Так, Агентство ЕС по основным правам в своем отчете за 2020 г. «Подготовка к будущему: искусственный интеллект и фундаментальные права» указывает, что сегодня отсутствует четкое понимание влияния ИИ на конституционные права и свободы человека, равно как и недостаточно авторитетных оценок рисков дискриминации при автоматизированном принятии решений. Поэтому в документе подчеркивается важность повышения компетентности в данных вопросах, специального обучения государственных служащих для смягчения негативных эффектов использования ИИ в публичном секторе [14].

Третья проблема, на которую указывалось еще на ранних стадиях внедрения информационно-коммуникационных технологий в сферу государственного управления – это *защита персональных данных* [2, с. 16]. Такие данные в условиях «электронного», а затем и «цифрового» правительства в постоянно растущих объемах циркулируют в ходе электронного обмена между пользователями и органами публичной власти, а также в рамках межведомственного обмена. Дематериализация такого обмена (поскольку документы носят не бумажный, а цифровой характер) приводит к значительному увеличению рисков для конфиденциальности пользователей.

Разумеется, это не означает, что следует отказаться от удобств, предлагаемых цифровыми технологиями с более надежным учетом данных, адекватной формой их хранения, возможностями обработки больших массивов информации, с большей скоростью обмена и прочими достоинствами [3, с. 12]. Однако граждане вряд ли будут доверять государству и переходить на цифровые форматы взаимодействия, если им не гарантирована конфиденциальность и безопасность коммуникации. Равным образом и государство заинтересовано в том, чтобы все персональные данные собирались, хранились и обрабатывались с помощью надежных механизмов криптографической защиты, поскольку в противном случае велика вероятность утечек таких данных в руки злоумышленников.

На наш взгляд, необходимо усиление действующих административных санкций за нарушение правил оборота персональных данных в цифровом формате. Предусмотренные ст. ст. 13.11, 13.14 КоАП РФ санкции должны быть ужесточены, поскольку в эпоху массовой информатизации общественная опасность утечек персональных данных (вне зависимости от сферы их применения) резко возрастает. Если утечка персональных данных возникает в результате работы алгоритмов ИИ, оператор таких систем должен нести соответствующую ответственность [5, с. 46].

Наконец, четвертый риск носит непосредственно правовой характер. Он связан с тем, что во многих правопорядках (в том числе и в России) использование ИИ и других цифровых технологий в государственном управлении осуществляется на основе ранее существовавшей правовой базы, адаптированной к «классическим», аналоговым процедурам взаимодействия с гражданами, а также межведомственного взаимодействия. Иными словами, законодательные нормы и нормы подзаконных актов сформулированы таким образом, что они применимы в равной степени как к «традиционному», так и к автоматизированному принятию решений. В этой связи возникают определенные риски: некоторые аспекты использования ИИ в государственном управлении остаются за рамками правового поля или регулируются неадекватными существу отношений нормами.

В некоторых странах уже сделаны шаги по исправлению ситуации. Например, согласно законодательству ФРГ, автоматизированное принятие решений может использоваться только тогда, когда у уполномоченного субъекта нет пределов усмотрения, т.е. принятое решение укладывается в бинарную логику: «да» или «нет». При этом во всех случаях лицу, чьи интересы затрагивает такое решение, должна быть предоставлена возможность отказаться от результатов, «переоценить процесс», а также получить объяснение, как и почему было принято именно такое решение [10, с. 119].

Для нейтрализации данного риска, а также минимизации других возможных проблем (далеко не все из которых были рассмотрены в рамках данной статьи) необходима отдельная проработка права на обжалование. Практика развитых правопорядков показывает, что с ростом использования автоматизированных решений в государственном секторе граждане все чаще обжалуют такие решения, причем успешно.

Так, в одном из решений Окружного суда Гааги в Нидерландах было установлено, что система алгоритмической индикации рисков мошенничества в области финансовых выплат и налоговых льгот «SyRI» нарушает статью 8 Европейской конвенции. по правам человека, а именно право на уважение частной и семейной жизни. Суд постановил, что публичный интерес, заключающийся в необходимости противодействовать мошенничеству, не должен достигаться средствами, которые нарушают право на уважение частной жизни. Примечателен и аргумент Суда, что отсутствие информации о том, как именно работает система «SyRI» делает ее использование недостаточно прозрачным и поддающимся проверке, а значит, граждане могут эффективно обжаловать любые нарушения их прав, если государство использует потенциально опасные для этой сферы технологии [15].

Таким образом, цифровые технологии, если они используются надлежащим образом, в адаптированных к общим целям государственной политики рамках, могут улучшить качество и эффективность такой политики. Однако все зависит от существования соответствующих правил, правовых процедур, социальных и технологических условий, которые регулируют и корректируют последствия цифровизации там, где это необходимо, причем как до, так и во время использования тех или иных технологий.

Технология искусственного интеллекта, машинного обучения и «больших данных» сегодня в большей степени, чем другие цифровые технологии, внедряется в различные сферы государственного управления, однако в рамках данного процесса важно давать адекватные ответы на ряд рисков, среди которых были выделены риски «черного ящика» (прозрачность и безопасность принимаемых решений), риски дискриминации и предвзятости, риски безопасности и конфиденциальности персональных данных, а также правовые риски отсутствия адекватной правовой базы для автоматизированного принятия решений.

Литература

1. Академик Анохин: Современный искусственный интеллект - это «черный ящик» [Электронный ресурс]. Российская газета. 20.10.2020. URL: https://rg.ru/2020/10/20/akademik-anohin-sovremennyj-iskusstvennyj-intellekt-eto-chernyj-iashchik.html (дата обращения: 12.11.2023)
2. Афанасьев Е.П. Защита информации в условиях применения документоориентированных технологий (на примере системы «Электронное правительство») // История и архивы. 2012. №14 (94).
3. Двинских Д.Ю., Талапина Э.В. Риски оборота данных в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. №3.
4. Плохой хороший искусственный интеллект [Электронный ресурс]. URL: https://guru.nes.ru/ploxoj-xoroshij-iskusstvennyij-intellekt.html (дата обращения: 12.11.2023)
5. Солдатова В. И. Защита цифровых данных в условиях применения цифровых технологий // Lex Russica. 2020. №2 (159).
6. Сулимин В.В., Шведов В.В. Анализ использования искусственного интеллекта в цифровой экономике для улучшения прозрачности и эффективности государственного управления // Теория и практика общественного развития. 2023. №6 (182).
7. Харитонова Ю.С. Правовые средства обеспечения принципов прозрачности искусственного интеллекта // Журнал Цифровые технологии и право. 2023. №2.
8. Цифровая трансформация в государственном управлении / под ред. Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.
9. Цифровизация публичного управления территорий: теория и практика: монография / Г. А. Банных, С. Н. Костина, Д. Л. Сивоволов [и др.] / под общей редакцией С. Н. Костиной. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022.
10. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, Е. Н. Клочкова, Э. В. Талапина, Я. Ю. Старцев. М.: Дело, 2019.
11. Чернусь Н.Ю. Гарантии обеспечения прав граждан при предоставлении государственных услуг с использованием цифровых технологий // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. №6.
12. Décoder l'intelligence artificielle: 10 mesures pour protéger les droits de l'homme [Electronic source]. URL:

https://www.coe.int/fr/web/commissioner/-/unboxing-artificial-intelligence-10-steps-to-protect-human-rights (дата обращения: 12.11.2023)

13. Etude sur l'impact de la transformation numerique sur la democratie et la bonne gouvernance. Adoptée par le CDDG à l'issu de sa 13e réunion plénière (15-16 Avril 2021). Strasbourg, 2021.

14. Getting the future right – Artificial intelligence and fundamental rights [Electronic source]. URL: https://fra.europa.eu/en/publication/2020/artificial-intelligence-and-fundamental-rights (accessed: 12.11.2023)

15. SyRI legislation in breach of European Convention on Human Rights [Electronic source]. URL: https://www.rechtspraak.nl/SyRI-legislation-in-breach-of-European-Convention-on-Human-Rights.aspx (accessed: 4.12.2023)

Risks and threats of digitalization of the activities of executive authorities

Monko V.S.

Institute of Legislation and Comparative Law

The article is devoted to the analysis of some risks of digitalization of public administration - including through a large-scale transition to algorithmic decision making based on artificial intelligence (AI) systems. The main gaps in the legal regulation of a number of complex aspects of the use of AI in the provision of public services and management decision-making in the public sector are pointed out, examples of negative manifestations of digitalization based on foreign experience are given, and some measures are proposed to mitigate the identified risks.

Keywords: digital technologies, artificial intelligence, blockchain, public administration, e-government, digital government, digitalization, human rights, discrimination, legal risks, personal data

References

1. Academician Anokhin: Modern artificial intelligence is a "black box" [Electronic resource]. Russian newspaper. 20.10.2020. URL: https://rg.ru/2020/10/20/akademik-anohin-sovremennyj-iskusstvennyj-intellekt-eto-chernyj-iashchik.html (access date: 11/12/2023)
2. Afanasyev E.P. Information protection in the context of the use of document-oriented technologies (using the example of the Electronic Government system) // History and Archives. 2012. No. 14 (94).
3. Dvinskikh D.Yu., Talapina E.V. Risks of data circulation in public administration // Issues of state and municipal administration. 2019. No. 3.
4. Bad good artificial intelligence [Electronic resource]. URL: https://guru.nes.ru/ploxoj-xoroshij-iskusstvennyij-intellekt.html (access date: 11/12/2023)
5. Soldatova V.I. Protection of digital data in the context of the use of digital technologies // Lex Russica. 2020. No. 2 (159).
6. Sulimin V.V., Shvedov V.V. Analysis of the use of artificial intelligence in the digital economy to improve transparency and efficiency of public administration // Theory and practice of social development. 2023. No. 6 (182).
7. Kharitonova Yu.S. Legal means of ensuring the principles of transparency of artificial intelligence // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. No. 2.
8. Digital transformation in public administration / ed. E. M. Styrina, N. E. Dmitrieva. M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2023.
9. Digitalization of public management of territories: theory and practice: monograph / G. A. Bannykh, S. N. Kostina, D. L. Sivovolov [etc.] / edited by S. N. Kostina. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2022.
10. Digital future of public administration based on results / E. I. Dobrolyubova, V. N. Yuzhakov, A. A. Efremov, E. N. Klochkova, E. V. Talapina, Ya. Yu. Startsev. M.: Delo, 2019.
11. Chernus N.Yu. Guarantees to ensure the rights of citizens in the provision of public services using digital technologies // State power and local self-government. 2023. No. 6.
12. Décoder l'intelligence artificielle: 10 mesures pour protéger les droits de l'homme [Electronic source]. URL: https://www.coe.int/fr/web/commissioner/-/unboxing-artificial-intelligence-10-steps-to-protect-human-rights (access date: 11/12/2023)
13. Etude sur l'impact de la transformation numerique sur la democratie et la bonne gouvernance. Adoptée par le CDDG à l'issu de sa 13e réunion plénière (15-16 Avril 2021). Strasbourg, 2021.
14. Getting the future right – Artificial intelligence and fundamental rights [Electronic source]. URL: https://fra.europa.eu/en/publication/2020/artificial-intelligence-and-fundamental-rights (accessed: 11/12/2023)
15. SyRI legislation in breach of European Convention on Human Rights [Electronic source]. URL: https://www.rechtspraak.nl/SyRI-legislation-in-breach-of-European-Convention-on-Human-Rights.aspx (accessed: 4.12.2023)

Некоторые аспекты личности преступника и современные возможности профилактического воздействия на лиц, ранее судимых за совершение преступлений, осужденных к лишению свободы, с целью предупреждения «рецидива» преступлений и возможной ресоциализации указанных лиц

Бажанов Роман Игоревич
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета Министерства Внутренних Дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, Romanr7586@yandex.ru

В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты личности преступника, анализируются отдельные социально-демографические и уголовно-правовые характеристики преступников. Выявляются проблемы в изучении личности преступника в криминологических исследованиях, определяются причины неполного изучения личности преступника. Отмечается, что в связи с социально-экономическими, демографическими, миграционными трансформациями в обществе, должны изменяться и методы воздействия на личность преступника, что требует нового подхода к ее изучению и выработке новых методов воздействия. Также, в статье рассматриваются возможности профилактического воздействия на лиц, ранее судимых за совершение преступлений, осужденных к лишению свободы, в том числе, относящихся к категории «рецидивист» с целью преобразования личности преступника, предупреждения совершения преступлений и возможной ресоциализации указанных лиц, через актуализацию проявлений личности в экстремальных условиях в зоне проведения СВО, сопряженное с повышением материального уровня и повышения социальной значимости. Но до настоящего времени, Федеральным законодательством, не определен алгоритм взаимодействия подразделений МВД РФ с УФСИН РФ и Мин.Обороны РФ по ряду вопросов и, что особенно важно, в деятельности направленной на проведение профилактической работы с лицами, имеющими стойкие антиобщественные, криминальные установки, но в ходе участия в СВО, еще и получающими специальные знания и навыки, которые могут способствовать еще большей их склонности к совершению преступлений, совершению рецидивов преступлений. Отсутствуют методические рекомендации в МВД РФ по предупреждению преступлений со стороны указанных категорий граждан, после их возвращения из зоны проведений СВО. В связи с чем, целесообразно обратить внимание специалистов-криминологов и широкой общественности к данной проблематике, обсуждения ее и выработать стратегии решения вышеуказанных вопросов на законодательном уровне РФ.

Ключевые слова: личность преступника; характеристики личности преступника, лица, ранее судимые за совершение преступлений, лица, досрочно освобожденные от уголовного наказания, лица, освобожденные от мер административного надзора, рецидивисты, зона проведения СВО, предупреждение преступлений, профилактическая работа, ресоциализация.

Актуальность рассмотрения аспектов профилактического воздействия на лиц, ранее судимых за совершение преступлений, осужденных к лишению свободы, в том числе, относящихся к категории «рецидивист» обусловлена продолжающимися глубокими общественными, экономическими и даже идеологическими трансформациями в нашей стране. Эти изменения, закономерно затрагивают все слои населения страны и все сферы государственной и общественной деятельности Российского государства, влияют на работу государственных и частных организаций, объединений, на условия жизни наших граждан, оказывается значительное влияние. Одной из негативных сторон общества и государства, которая существенно осложняет протекание указанных изменений, подрывает авторитет государственной власти и ее представителей, вселяет некоторую неуверенность у населения страны, снижает темпы роста их благосостояния, является сохранение динамики совершения преступлений, само наличие лиц, совершающих преступления и\или склонных к их совершению, ведущих антиобщественный образ жизни.

Для обеспечения возможности реализовывать государственным органами власти России законодательно принятую государственную внешнюю и внутреннюю политику, а обществу, гражданам свободно реализовывать свои гражданские права, для обеспечения мер по повышению уровня жизни и роста благосостояния россиян, безопасности государства и населения в целом, разработаны и осуществляются многочисленные меры по борьбе с преступностью, в основном, силами правоохранительных органов РФ. Одним из краеугольных камней в предупреждении преступности и как следствие в улучшении криминогенной обстановки специалистами в области криминологии рассматривается аспект профилактического воздействия на сознание граждан, формирование их правосознания, ведущую роль в котором, как из-

вестно, играют во-первых социальные и общественные структуры общества: семья, детские дошкольные учреждения, школа, спортивные секции, молодежные объединения, а также СМИ и государственные органы власти: представители администрации населенных пунктов, органы опеки, комиссия по делам несовершеннолетних, полиция. Однако, несмотря на проводимую обществом и органами власти работу в направлении профилактики преступлений, ведения антиобщественного образа жизни, статистические данные МВД РФ свидетельствуют о сохранении достаточно высокого уровня преступности, «рецидивности» преступлений, вовлечения молодежи в противоправную или антиобщественную деятельность, что с одной стороны говорит об имеющихся социально-экономических проблемах в стране, которые негативно сказываются на различные сферы общества, а с другой, на недостаточной изученности формирования «личности преступника» у некоторых граждан и определения «момента» преобразования такой личности в конкретное совершенное преступное деяние.

Личность человека, совершившего преступление, является объектом изучения многих наук. Для решения проблемы изучения сущности и понятия личности человека и личности преступника, выработки научно-практических методов и их совершенствования, необходимо всестороннее рассмотрение логически взаимосвязанных между собой аспектов: определить, что такое личность преступника, что за признаки составляют ее внутреннее содержание, установить роль личностных процессов в совершении преступления, как воздействовать на личность и влиять на ее «здоровое» формирование, и в конечном счете, добиться не только предотвращение преступление, но и формирование в людях высоких личностных идеалов, что будет способствовать «иммунитету» от криминальных наклонностей и появления признаков «личности преступника», формированию правосознания. По мнению ведущих отечественных исследователей в области криминологии, при изучении личности преступника необходимо использовать достижения и методики, различных научных дисциплин: Права, Социологии, Психологии, Этики, Экономики, Демографической науки, Психиатрии, Биологии и даже Философии[1]. Личность человека рассматривается специалистами в области криминологической науки, как совокупность социально-биологических свойств и качеств, в которых отражены связи и взаимодействие человека с социальной средой посредством практической деятельности.

Традиционно, в структуре личности выделяют следующие элементы:

1) социальный статус, т.е. совокупность признаков, отражающих место человека в системе общественных отношений (пол, возраст, семейное положение, уровень образования, социальное положение и др.);

2) социальные функции, отражающие реальные проявления личности в основных сферах деятельности (профессионально-трудовой, социокультурной, социально-бытовой);

3) нравственно-психологические установки, отражающие отношение человека к его проявлениям в основных видах деятельности (отношение к государству, закону, правопорядку, социальным ценностям, конституционным обязанностям)[3].

В Криминологии личность определяется как совокупность социально-биологических свойств, определяющих виновное совершение преступления, мера деформации сознания человека в антиобщественную сторону. Важность изучения личности преступника состоит в том, что преступление, будучи актом сознательной волевой человеческой деятельности в значительной мере обусловлено сущностью и особенностями лица, избирающего подобную форму поведения. Личность - основное и важнейшее звено всего механизма преступного поведения. Знание личности преступника, умение выявить основные характеризующие ее признаки и свойства, являются непременным условием организации и осуществления предупреждения преступлений[4].

Криминологическое изучение личности преступника осуществляется главным образом для выявления и оценки тех ее свойств и черт, которые формируют преступное поведение, внутреннюю готовность его совершить. Это одна из основных задач криминологии, поскольку личность является источником, субъективной причиной преступного деяния. Необходимо учитывать, что даже в такой специфической сфере, как преступление, человек действует в качестве общественного существа. Он является носителем различных форм общественной психологии, индивидуально – психологических особенностей, а также правовых, нравственных, этических, и иных взглядов и ценностей общества, в котором формируется и участвует в его жизнедеятельности. Личность человека раскрывается в общественных отношениях, во взаимодействии с индивидуальными особенностями и жизненными факторами, лежащими в основе поведения. А сознание такого лица «включается» на тот или иной алгоритм действий в ответ на условия его

жизни и жизни окружающего его общества, в соответствии с накопленным потенциалом знаний и психологических установок и впоследствии, при формировании у такого человека личности преступника, проявляется его антиобщественная направленность, отражающая, развившиеся у него признаки такой преступной личности[4].

В определении личности преступника рассматривается совокупность отрицательных и даже положительных черт и свойств человека, что позволяет выявить определенные характеристики такой личности. Эта совокупность признаков, их содержание, соотношение положительных и отрицательных элементов позволяют дать представление о лицах, совершающих преступления, а также изучить и оценить, как само деяние, так и лицо его совершившее, и дать ему оценку и в том числе, уголовно-правовую [5].

По степени общественной опасности преступники разделяются на следующие типы:

А) Абсолютно опасный тип. К нему относятся преступники, совершающие серийные убийства, в том числе наемные и сексуальные, а также убийства нескольких человек одновременно, либо общественно опасным способом;

Б) Особо опасный тип. Это преступники, совершающие убийства, как правило, в конфликтной ситуации, а также длительное время корыстные и корыстно – насильственные преступления. К этому же типу относят и руководителей преступных организаций;

В) Опасный тип – совершают преступления против личности, ведет антиобщественный образ жизни, но не посягают на жизнь.

Интересной представляется типология личности преступника, основанная на глубине, стойкости и интенсивности антисоциальной направленности. Выделяют случайный, ситуационный, неустойчивый, злостный и особо злостный типы. Случайными преступниками принято считать лиц, впервые совершивших преступления небольшой тяжести, противоречащие общей социально – положительной направленности их прежнего поведения.

Лиц, впервые совершивших тяжкие преступления под воздействием неблагоприятного стечения обстоятельств и характеризуемых помимо этого в основных сферах жизнедеятельности положительно, принято относить к ситуационному типу преступников. Неустойчивый тип составляют лица, совершившие преступления впервые, но допускавшие и ранее правонарушения и аморальные проступки. Злостный тип представляют лица, неоднократно совершавшие преступления, в том числе ранее судимые. Особо злостные преступники - совершившие опасный и особо опасный рецидив. Таким образом, различные категории личности преступников обладают своими отличительными особенностями, которые поддаются анализу и обобщению, а затем успешно используются в интересах правоохранительной деятельности. Специалистам-криминологам известно, что от того на сколько лицо, склонное к совершению противоправного поступка, преступления, способно нормально адаптироваться в обществе, как оно воспринимает общие культурные, этические, правовые нормы зависит приемлемость для нее криминального, либо социально допустимого способа действий. Если психологические связи личности с социумом сформированы слабо, то преступный способ поведения субъект выбирает довольно легко [2].

В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод, что именно социальная среда, преимущественно, влияет на формирование личности преступника. Но правоприменительная практика правоохранительных структур, показывает, что при своевременном и надлежайшем контроле за лицами склонными к антиобщественному образу жизни, ранее судимыми и в том числе, относящимся к категории «рецидивист», влиянии на их социальную среду и ориентацию в обществе, возможно ресоциализировать данные категории граждан.

Ярким примером оказания профилактического воздействия на лиц, с сформировавшейся личностью преступника и их ресоциализации в современной России, целесообразно указать тот факт, что в связи с решением представителей государственной власти РФ о призыве на военную службу по контракту лиц, ранее судимых за совершение преступлений, лиц, осужденных к лишению свободы и в том числе, за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, лиц, относящихся к категории «рецидивист» для участия в боевых действиях в структуре ВС РФ в зоне проведения СВО на «новых» территориях РФ и в Республике Украина. Специфика указанных категории граждан заключается, как правило, в стойких антиобщественных установках, привязанности к соблюдению традиций криминальной среды («воровские» понятия, специфическая иерархия, блатной жаргон, нанесение татуировок и других атрибутов этой среды), следованием ценностям, сформированным в процессе «приобретения» личности преступника. Так, с начала проведения СВО, с февраля 2022 года, в стране не имелось законодательной базы на Федеральном уровне, о правилах набора осужденных, для участия в

боевых действиях, в связи с чем, в ряды ВС РФ и/или частной военной компании «Вагнер», по сути выполняющей задачи совместно с ВС РФ, отбирались, на контрактной основе, все желающие, из числа отбывающих наказания за различные преступления и в том числе относящиеся к категории тяжких и особо тяжких преступлений (разбой, убийство и многих других), рецидивистов, которые содержались в местах отбытия уголовного наказания (ИК, тюрьмах и т.п. учреждениях Уголовно-исполнительной системы). Взамен на помилование и освобождение от несения дальнейшей уголовной ответственности за ранее совершенные преступления. И только, 24 июня 2023 года, был издан Федеральный закон №270 «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», которым, среди прочего, частично ограничен контингент возможных участников в СВО, в зависимости от тяжести совершенного ими преступления и видов преступного посягательства[6]. В период проведения СВО на указанных территориях, по сведению пресс-службы организации «Конкорд» (являющейся правоприемницей частной военной компании «Вагнер»), более 32 тысяч человек, содержащихся в местах лишения свободы, заключили срочный контракт с представителями ЧВК «Вагнер» при взаимодействии с Мин.обороны РФ об участии в боевых действиях. Немало данных граждан погибло, сведения о которых, не разглашаются. Но многие из числа ранее судимых, те, кто ранее, не мог или не хотел адаптироваться в обычную социальную среду жителей регионов РФ, сумели не только выжить в зоне ведения боевых действий, но и проявить свои силы, способности, которые у них, возможно, были выработаны при ведении ими антиобщественной, преступной жизни, при попытках избежать уголовной ответственности, перехитрить сотрудников полиции: хитрость, ловкость, стойкость при неблагоприятных условиях окружающей среды, обостренного чувства опасности, умения выжить среди врагов и т.п. Не маловажную роль сыграло, при принятии ими такого решения и возможность досрочного освобождения из заключения, ощутимая финансовая поддержка. В результате такого, без преувеличения, смелого эксперимента, многие из данных категорий граждан, после проведения с ними предварительной военной и специальной подготовки, под руководством представителей (командиров) Мин.Обороны, сумели с достоинством служить Родине, выполнить свой гражданский и, и в силу заключенного контракта, и профессиональный «священный» воинский долг, о чем свидетельствуют многочисленные факты, указанные в средствах массовой информации, награждений ведомственными и государственными наградами: орденами и медалями таких лиц, назначениями персональных пенсий и пособий, получившим ранения, в ходе участия в боевых действиях в зоне проведения специальной военной операции.

После возвращения из зоны боевых действий, указанные граждане, попадают в поле зрения представителей местных органов власти, СМИ, широкого круга общественности. Во многих городах России, в образовательных учреждениях, проходят «Уроки мужества», в которых приглашают участвовать, в качестве почетных гостей и лица, еще недавно порицаемые обществом, за асоциальный образ жизни, но доказавшие свое мужество в боевых действиях и освобожденных, в соответствии с указанным законом, от уголовной наказания, каких-либо мер административного надзора со стороны сотрудников ОВД. Такая трансформация указанных категорий лиц, «рецидивистов», некоторые из которых действительно почувствовали «вкус» новой для них жизни: уважения большинства граждан и представителей органов власти, заботу государства, приобретение ряда льгот и получения пособий, адресной помощи, как ветеранам боевых действий, с одной стороны усиливает позиции государства направленных на воспитанию в гражданах нормального, правопослушного образа жизни, а также, учитывая приобретенные указанными лицами специальными знаниями, опытом при участии в боевых действиях по владению различным и в том числе холодным оружием, тактикой ведения боя, разведывательной работы, другими военно-прикладным навыками, боевыми приемами борьбы без оружия, психологической готовности к тяготам и лишениям военной службы, в случае необходимости повторной мобилизации таких граждан, кроме этого становится действенным методом ресоциализации указанных категорий граждан.

А с другой стороны, вызывает озабоченность отсутствие разработанной и законодательно принятой методической базы по профилактической работе с указанными категориями граждан, учитывая их прошлый негативный опыт и возможность их возвращения в криминальную среду, но уже и обладающими специальными познаниями в военном деле, психологическую подготовку; работе по предупреждению совершения преступлений с их стороны, что усложняется и отменой в отношении них административного надзора, который проводится в соответствии с законодательством РФ,

в отношении, например, «рецидивистов», не проходящих службу в зоне СВО.

На основании изложенного целесообразно сделать вывод, что во-первых, необходимо учесть положительный опыт привлечения лиц, ранее судимых за совершение преступлений к исполнению воинского долга, во-вторых необходимо изучить процесс трансформации личности преступника, мотивы участия бывших преступников в СВО, выработать научную методику такого преобразования, преодоления преобладания корыстных побуждений данных граждан, над стремлением влиться в полноценную жизнь человека и гражданина РФ, и ввести в практическое применение; во вторых, принять меры к поиску других сфер деятельности, не связанных с приобретением боевых навыков, куда могли бы направляться указанные категории граждан для ресоциализации, с применением выработанной методики; в третьих, необходимо на законодательном уровне РФ выработать нормы направленных на регулирование участия подразделений МВД, в критериях отбора лиц, из числа изъявивших желание участвовать в СВО и особенно, из числа заключенных к лишению свободы, за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, рецидивистов; закрепить нормы взаимодействия всего правоохранительного блока РФ (МВД, Прокуратура, ФСБ, другие ведомства) с Мин.Обороны РФ, в выработке механизмов реализации набора на службу по контракту в местах проведения боевых действий и в частности СВО, лиц, осужденных к лишению свободы, лиц, относящихся к категории «рецидивист», осуществлению за ними контроля, проведения воспитательной и профилактической работы, как во в период службы по контракту, так и после окончания контракта и возвращения в места проживания, после амнистирования.

От своевременного и «оперативного» решения вопросов связанных с нормативно-правовым и методическим регулированием деятельности ОВД РФ при осуществлении работы с контингентом, из числа участников боевых действий в зоне СВО, ранее судимых, относящихся к категории «рецидивист» и ранее не судимых участников СВО, но получивших навыки военного дела, изучении фактов трансформации личности преступника и его ресоциализации, зависит и эффективность работы подразделений правоохранительных органов в целом, по предупреждению преступлений, будет способствовать развитию Криминологической науки и закономерно способствовать улучшению социально-экономической обстановки в стране, улучшения качества жизни людей и повышения степени их защищенности перед возникающими вызовами времени и международного сообщества, дальнейшему эффективному построению гражданского общества в России.

Литература

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003.

2. Кудрявцев, В.Н., Эминов В.Е. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М.: Норма : Инфра, 2010.

3. Криминология. Общая часть / под ред. В. В. Орехова. – СПб., 1992.

4. Малков, В. Д. Криминология: учебник для вузов / С. И. Курганов. - М.: Изд-во «Юстицинформ», 2011.

5.Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника (Предпосылки, содержание, критерии) / В. Д. Филимонов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970.

6. Федеральный закон РФ № 270 от 24 июня 2023 г. “Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции”

Some aspects of the criminal's personality and modern possibilities of preventive influence on persons previously convicted of crimes, sentenced to imprisonment, in order to prevent the "recurrence" of crimes and the possible re-socialization of these persons

Bazhanov R.I.

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

This article examines some aspects of the criminal's personality, analyzes certain socio-demographic and criminal-legal characteristics of criminals. The problems in the study of the criminal's personality in criminological research are identified, the reasons for incomplete study of the criminal's personality are determined. It is noted that in connection with socio-economic, demographic, and migration transformations in society, methods of influencing the personality of a criminal should also change, which requires a new approach to its study and the development of new methods of influence.

The article also examines the possibilities of preventive action on persons previously convicted of crimes, sentenced to imprisonment, including those belonging to the category of "recidivist" in order to transform the personality of the criminal, prevent the commission of crimes and possible re-socialization of these persons, through the actualization of personality manifestations in extreme conditions in the area of the SVO, associated with by increasing the material level and increasing social significance. But to date, Federal legislation has not defined an algorithm for the interaction of departments of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation with the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation and the Ministry of Finance. The Ministry of Defense of the Russian Federation on a number of issues and, most importantly, in activities aimed at carrying out preventive work with persons who have persistent antisocial, criminal attitudes, but during participation in their own activities, they also receive special knowledge and skills that can contribute to their even

greater propensity to commit crimes, commit recidivism. There are no methodological recommendations in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the prevention of crimes by these categories of citizens after their return from the zone of their detention. In this regard, it is advisable to draw the attention of criminologists and the general public to this issue, discuss it and develop strategies to address the above issues at the legislative level of the Russian Federation.
Keywords: the personality of the criminal; characteristics of the personality of the criminal, persons previously convicted of committing crimes, persons released early from criminal punishment, persons released from administrative supervision measures, repeat offenders, the area of the SVO, crime prevention, preventive work, re-socialization.

References

1. Antonyan Yu.M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. The identity of the criminal. St. Petersburg: Law Center Press, 2003.
2. Kudryavtsev, V.N., Eminov V.E. Criminology : textbook / edited by V. N. Kudryavtsev, V.E. Eminova. – M.: Norm : Infra, 2010.
3. Criminology. The general part / edited by V. V. Orekhov. – St. Petersburg, 1992.
4. Malkov, V. D. Criminology: textbook for universities / S. I. Kurganov. - M.: Publishing house "Justicinform", 2011.
5.Filimonov V.D. Public danger of the criminal's personality (Prerequisites, content, criteria) / V. D. Filimonov. Tomsk: Publishing House Vol. Unita, 1970.
6. Federal Law of the Russian Federation No. 270 dated June 24, 2023 “On the specifics of criminal liability of persons involved in a special military operation”

Миграционная преступность: пути противодействия в разрезе современной миграционной политики

Котяжов Андрей Валерьевич
к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ), a.kotyazhov@mgutm.ru

Зылева Галина Викторовна
к.э.н., Ростовский институт (филиал) «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», n_g12@mail.ru

Абрамов Юрий Викторович
к.ф.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ), u.abramov@mgutm.ru

Фисунов Сергей Алексеевич
к.э.н., доцент базовой кафедры торговой политики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Fisunov.SA@rea.ru

Терехова Анна Александровна
к. пед. наук, директор филиала Поволжского казачьего института управления и пищевых технологий, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», ylyanovsk@mgutm.ru

В статье рассматриваются аспекты реализации миграционной политики в современной России. Авторами проанализированы основные проблемы, создаваемые в обществе неконтролируемым внешним миграционным потоком: деформации на рынке труда, вызываемые ими риски социальной напряженности и межнациональной конфронтации, роста теневого сектора экономики и пр. Прослежены связи незаконной миграции и этнической преступности, практически всегда имеющей организованный характер. Выявлены основные типы правонарушений, совершаемых мигрантами. На основе международного опыта работы правоохранительных структур показана большая эффективность методов противодействия миграционной преступности по сравнению с методами борьбы. Сформулированы рекомендации относительно важнейших мер противодействия в ходе реализации миграционной политики.
Ключевые слова: внешняя миграция, противодействие, этническая преступность, незаконное предпринимательство, деформация рынка труда, риски, угрозы, национальная безопасность, историко-культурные традиции, национальная идентичность.

В современном мире отмечается устойчивый рост международной миграции: согласно оценкам ООН, численность мигрантов составляла по годам: 1965 г. – 75 млн. чел., 1975 г. – 85 млн. чел., 1985 г. – 110 млн., 1990 г. – 150 млн., 2010 – 215 млн., 2017 – 258 млн. чел. За 52 года показатель вырос в 3,4 раза при среднегодовом приросте 4,7%, при этом численность международных мигрантов росла опережающими темпами по отношению к населению Земли (1965 г. – 3,5 млрд. чел., 2017 г. – 7,6 млрд. чел., среднегодовой прирост – 2,3%). Как следствие, к 2017 г. 3,4% человечества составляли мигранты (в 1965 г. – 2,1%). Масштабы явления сопоставимы с Великим переселением народов: общая численность германских племен оценивается историками примерно в 3 млн. чел., а Римской Империи – в 90 млн., т.е. доля мигрантов-германцев составляет около 3%. Более половины современного миграционного потока направлена в 10 стран, в 2013 г. картина была следующей: США – 45,8 млн., РФ – 11,0 млн., Германия – 9,8 млн., Саудовская Аравия – 9,1 млн., Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) – 7,8 млн., Великобритания – 7,8 млн., Франция – 7,4 млн., Канада – 7,3 млн., Австралия – 6,5 млн., Испания – 6,5 млн. [1]. Известна пословица: «рыба ищет где глубже, а человек – где лучше», однако вопреки ей 2-е место по привлекательности для мигрантов занимает Россия, по уровню жизни значительно уступающая всем остальным странам десятки. Так, согласно данным информационного портала «Basetop.ru» в топ-3 рейтинга стран по уровню жизни 2023 г. вошли Нидерланды, Дания и Швейцария, Австралия занимала в нем 9-е место, Германия – 11-е, ОАЭ – 15-е, Испания – 16-е, США – 17-е, Великобритания – 21-е, Канада – 25-е, Франция – 30-е, Саудовская Аравия – 32-е, РФ – 66-е [2]. Ситуация объясняется тем, что подавляющее большинство мигрантов направляются в РФ из республик бывшего СССР, в которых условия жизни существенно хуже российских. Согласно данным Федеральной миграционной службы (ФМС), на территории РФ ежегодно присутствует 10-12 млн. мигрантов из стран-участниц Содружества Независимых Государств (СНГ), однако по оценке

Министерства внутренних дел (МВД) реальная цифра больше примерно на 20% - за счет нелегалов, пользующихся правом безвизового въезда. При этом следует учитывать, что на правительственном уровне миграция рассматривается как один из инструментов коррекции неблагоприятной демографической ситуации – так, в Концепции демографической политики РФ прописано, что численность населения страны необходимо стабилизировать на уровне 145 млн. чел. в т.ч. – за счет внешнего миграционного притока объемом не менее 300 тыс. чел. в год [3]. Демографические проблемы современной России исследовалась в ряде работ, при этом было установлено, что показатели естественного движения населения имеют выраженную отрицательную динамику - в 2018-2021 г.г. отношение числа родившихся к числу умерших уменьшилось с 0,88 до 0,57, следствием чего является нарастающая депопуляция [4]. Среди причин низкой рождаемости – деградация семьи как социального института [5], а также увеличение возраста вступления в брак, негативно отражающееся на репродуктивных способностях супругов [6]. В сложившихся обстоятельствах внешняя миграция призвана частично компенсировать естественную убыль населения. Согласно расчетам, проведенным на материалах Росстата, накопленный миграционный прирост населения за 2000-2021 г.г. составил 8,2 млн. чел., с поправкой на население присоединенного в 2014 г. Крыма (2,3 млн. чел) показатель уменьшается до 5,9 млн. чел., или 5,6% численности населения РФ в 2021 г. [7]. Как отмечалось выше, этот контингент образован лицами из республик бывшего СССР, преимущественно среднеазиатских. Результаты социологических опросов свидетельствуют, что большинство коренного населения РФ проявляет недовольство объемами внешней миграции: в 2019 г. 72% респондентов высказывались за максимально жесткие ее ограничения, 15% выразили безразличие, и лишь 9% считают трудовую миграцию необходимой для поддержания национальной экономики. В 2017 г. соответствующие цифры составляли 58%, 30% и 6% [1]. Рассмотрим более подробно миграционные показатели последних лет (2019-2022 г.г.), отраженные на официальном сайте Росстата [8].

Причинами популярности миграции в Россию являются:

1) Поддержка миграционных потоков из стран СНГ на государственном уровне. Данная поддержка обусловлена не только попыткой решения внутренних демографических проблем, но также внешнеполитическими интересами. Население среднеазиатских республик бывшего СССР после его распада бурно росло – так, в 1991-2021 г.г. по Киргизии отмечен рост в 1,5 раза, по Узбекистану и Туркменистану – в 1,6 раза, по Таджикистану – в 1,8 раза. Правительства этих стран не в состоянии обеспечить выросшему населению достаточное количество рабочих мет с достойной зарплатой, что создает риски роста социальной напряженности. В сложившихся условиях велика вероятность распространения в обществе идей религиозного фундаментализма и экстремизма, проповедуемых зарубежными исламскими радикалами. Такой сценарий невыгоден России, и на миграцию возлагается миссия «аварийного клапана» для сброса избыточного давления внутри среднеазиатского котла. Молодым пассионариям, работающим в РФ, некогда поддерживать протестные акции на родине, напротив – денежными переводами они удерживают членов своих семей от участия в них. Кроме того, добрые партнерские отношения с РФ уменьшают шансы блока НАТО на втягивание стран региона в свою сферу влияния.

2) Безвизовый режим со странами СНГ, дающий их гражданам возможность пребывания на территории РФ в течение 90 дней в каждом полугодии – при условии постановки на миграционный учет в течение 7 дней после пересечения границы. После регистрации мигранты могут свободно выезжать из РФ и возвращаться в течение всего срока пребывания. Условия очень привлекательные, однако их выгодами пользуются не только законопослушные граждане.

3) Формирование в условиях сравнительно молодого и от этого не вполне цивилизованного российского рынка предпринимательского лобби, привыкшего обеспечивать рентабельность своих бизнес-проектов за счет использования дешевой рабочей силы из стран СНГ – установлено, что рабочие из Узбекистана обходятся работодателю в среднем на 30% дешевле российских, при использовании же гастарбайтеров-нелегалов, которых зачастую держат в условиях «работы за еду», разница гораздо выше [1].

4) Наличие в обществе устойчивого спроса на труд мигрантов не только со стороны субъектов бизнеса, но и рядовых граждан: среднеазиатские няни и сиделки, домработницы и помощники по хозяйству и ремонту, сезонные рабочие на дачных участках – типичное явление в современной России.

5) Малый практический опыт правоохранительных органов и несовершенство используемых ими инструментов борьбы с теневой экономикой, этнической преступностью и нелегальной миграцией. Это служит побудительным мотивом для представителей зарубежного криминалитета, рассматривающих территорию РФ как площадку для расширения своей преступной деятельности.

Основные показатели внешней миграции в РФ

На материалах Росстата рассмотрим основные количественные показатели, характеризующие миграционные процессы в современной России. Проанализируем данные начиная от 2019 г., предшествовавшего массовым карантинным ограничениям, связанным с пандемией covid-19, и до 2022 г., по которому на момент написания статьи имеется полная статистическая отчетность [8]. В отчетном периоде на страны СНГ приходилось 75-80% объема внешней миграции, далее будем рассматривать только эту составляющую миграционного потока.

Таблица 1
Миграционный поток из стран СНГ в РФ в 2019-2022 г.г. - цели прибытия

№ п/п	Год / Цель поездки	2019		2020		2021		2022	
		Прибыло, чел.	Доля от целого, %	Прибыло, чел.	Доля от целого, %	Прибыло, чел.	Доля от целого, %	Прибыло, чел.	Доля от целого, %
1	Служебная, деловая	763577	3,6	347645	4,7	340420	3,5	148934	1,4
2	**Работа**	3801983	**17,9**	1022920	**14,0**	2534961	**25,7**	3394625	**32,1**
3	Туризм	189098	0,9	28203	0,4	30899	0,3	46106	0,4
4	**Частная**	14313051	**67,4**	4396895	**60,0**	5186808	**52,7**	5280390	**49,9**
5	Учеба	310737	1,5	83571	1,1	207539	2,1	276443	2,6
6	ПМЖ	596	0,003	15715	0,2	24966	0,3	4081	0,04
7	Транзит	607670	2,9	99284	1,4	24544	0,2	109688	1,0
8	Обслуж. персонал трансп. ср-в	1248235	5,9	1335672	18,2	1500562	15,2	1325082	12,5
9	Всего прибыло	21234947	100,0	7329905	100,0	9850699	100,0	10585349	100,0

В таблице 1 представлены сведения о величине входящего миграционного потока и его распределении по целям прибытия на территорию РФ. Табличные материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. Пандемия covid-19 резко ограничила возможности пересечения границ, в связи с чем миграционный поток 2020 г. в РФ уменьшился по сравнению с прошлогодним почти втрое - с 21,2 млн. чел. до 7,3 млн. чел., с 2021 г. в связи со снятием карантинных ограничений показатель стал расти, однако и в 2022 г. его величина (10,6 млн. чел.) оставалась вдвое меньшей, чем в 2019 г. – строка 9.

2. Доля лиц, прибывающих в РФ с целью поиска работы, выросла с 17,9% до 32,3% при одновременном снижении доли прибывших с частным визитом с 67,4% до 49,9% - строки 2, 4, жирный шрифт. Сумма долей при этом изменялась незначительно – от 85% до 82%. Это может означать, что миграционная служба стала более тщательно относиться к выдаче разрешений на въезд – очевидно, что главной целью приезда граждан СНГ в Россию является заработок, а указываемый частный характер поездки служит лишь ширмой.

3. Стабильно росла доля молодежи, прибывающей из стран СНГ для получения высшего образования (строка 5), что может свидетельствовать о хорошей международной репутации российских университетов [9]. Тем не менее, численность студентов-иностранцев пока составляет порядка 300 тыс. чел., т.е. около 7% общей численности контингента обучающихся в отечественных вузах, в то время как целевой показатель их международной конкурентоспособности - 10%, для его достижения необходимо увеличить численность студентов-иностранцев хотя бы еще на 100 тыс. [10]. Данная категория мигрантов является наиболее дисциплинированной и склонной соблюдать нормы правопорядка в стране пребывания.

4. Высокая доля обслуживающего персонала транспортных средств (строка 8) в общем числе въезжающих в РФ свидетельствует о значительных объемах автоперевозок, обеспечивающих внешнеторговые операции со странами СНГ. Однако при этом следует иметь в виду потенциальную возможность использования грузового автотранспорта в целях контрабанды.

5. Крайне малы доли въезжающих в РФ в качестве туристов (менее одного процента – строка 3) и на постоянное место жительства - ПМЖ (десятые доли процента – строка 6). Последнее вызывает определенные вопросы, поскольку российское гражданство ежегодно получают сотни тысяч выходцев из стран СНГ. Общемировая практика предполагает первичное оформление вида на жительство с дальнейшим получением гражданства в случае успешного прохождения процедуры натурализации (сдача экзамена по языку, получение специальности, работа на государство в течение определенного срока и пр.).

В таблице 2 представлены сведения о составляющих входящего миграционного потока по странам СНГ. Можно видеть, что наиболее крупными источниками мигрантов являются

Украина, Казахстан, Узбекистан и Таджикистан. При этом доля граждан Украины в потоке сильно падает (от 40,7% до 22,2%), Казахстана – остается относительно стабильной (20,4% - 23,6%), а Узбекистана и Таджикистана – выраженно растет (с 12,2% до 19,4% и с 7,4% до 14,9% соответственно) – строки 10, 4, 9 и 7, жирный шрифт. Также отмечается рост доли граждан Киргизии (с 4,5% до 8,2% - строка 5), однако показатель мал в сравнении с Узбекистаном и Таджикистаном. Тем не менее, в 2022 г. более половины мигрантов (52,5%) прибыли в РФ из этих 3 стран.

Таблица 2
Миграционный поток из стран СНГ в РФ в 2019-2022 г.г. - количество прибывших по странам

№ п/п	Год Страна	2019		2020		2021		2022	
		Прибыло, чел.	Доля от целого, %	Прибыло, чел.	Доля от целого, %	Прибыло, чел.	Доля от целого, %	Прибыло, чел.	Доля от целого, %
1	Азербайджан	1175045	5,5	269807	3,7	268525	2,7	327867	3,1
2	Армения	816454	3,8	209812	2,9	416926	4,2	491583	4,6
3	Беларусь	440438	2,1	176601	2,4	190701	1,9	289291	2,7
4	Казахстан	4324856	**20,4**	1426727	**19,5**	1429403	**14,5**	2496256	**23,6**
5	Киргизия	959130	4,5	299611	4,1	711240	7,2	866165	8,2
6	Молдова	614043	2,9	154766	2,1	135466	1,4	109646	1,0
7	Таджикистан	1577148	**7,4**	401888	**5,5**	986341	**10,0**	1582149	**14,9**
8	Туркмения	92616	0,4	21680	0,3	7686	0,1	25850	0,2
9	Узбекистан	2588922	**12,2**	720041	**9,8**	1453415	**14,8**	2048730	**19,4**
10	Украина	8646295	**40,7**	3648972	**49,8**	4250996	43,2	2347812	**22,2**
11	Всего прибыло	21234947	100,0	7329905	100,0	9850699	100,0	10585349	100,0

Таблица 3 содержит данные о целях приезда в РФ в 2022 г. граждан различных стран СНГ. Материалы таблицы свидетельствуют о следующем:

1. Наиболее адекватно отражают цели своего приезда (а именно - работа) граждане Узбекистана, Таджикистана и Киргизии – строки 5, 7, 9, жирный шрифт. В среднем работу в качестве цели приезда заявляет лишь треть мигрантов, а по трем названным странам значение показателя превышает 60% (по Узбекистану – даже 70,9%). На уровне среднего значения по странам СНГ находятся Азербайджан и Армения (23,0% и 33,3% соответственно – строки 1, 2). Напротив, лишь 0,3% подданных Украины заявляют, что приехали на заработки, а 91,7% - с частными визитами. Показатели вызывают серьезные сомнения с учетом числа украинцев, занятых в дачном строительстве и ремонте квартир.

2. Туркмению характеризуют наибольшие доли студентов (28,9%), туристов (14,1%), а также прибывших с деловыми целями (18,1%) – строка 8, жирный шрифт. Также высок процент деловых визитеров из Молдовы, кроме того, ее жители наиболее интенсивно прибывают на ПМЖ (строка 6, жирный шрифт).

3. Среди граждан Беларуси очень высока доля водителей транспорта (55,8%) и проезжающих РФ транзитом (5,2%) – строка 3, жирный шрифт. Данные цифры наглядно иллюстрируют интенсивность товарообмена с союзным государством. Два наиболее загруженных направления автоперевозок из Беларуси – Россия и Казахстан, в 2022 г. после введения очередных санкций в стране оборудованы дополнительные площадки по перегрузке товаров с фур из стран ЕС на белорусские [11].

Таблица 3
Миграционный поток из стран СНГ в РФ 2022 г.г. – цели прибытия по странам

№ п/п	Цель прибытия Страна	Доля прибывших с определенной целью, %								
		Деловая	Работа	Туризм	Частная	Учеба	Транзит	ПМЖ	ОПТС*	Всего
1	Азербайджан	2,9	29,0	1,3	46,0	2,4	0,3	0,006	18,2	100,0
2	Армения	1,8	33,3	1,1	51,9	1,9	0,5	0,005	9,5	100,0
3	Беларусь	0,9	0,5	0,6	37,0	0,1	**5,2**	0,000	**55,8**	100,0
4	Казахстан	1,4	4,6	0,5	62,8	3,5	1,3	0,102	25,7	100,0
5	Киргизия	1,7	**64,9**	0,8	19,6	4,1	0,6	0,027	8,3	100,0
6	Молдова	**12,9**	8,0	0,7	61,7	1,7	0,4	**0,415**	14,3	100,0
7	Таджикистан	1,1	**62,4**	0,1	30,4	4,5	0,3	0,031	1,2	100,0
8	Туркмения	**18,1**	6,4	**14,1**	25,4	**28,9**	1,8	0,015	5,3	100,0
9	Узбекистан	1,4	**70,9**	0,4	15,7	2,6	0,3	0,009	8,6	100,0
10	Украина	0,5	0,3	0,0	91,7	0,1	1,8	0,005	5,6	100,0
11	**Всего по странам СНГ**	**1,4**	**32,1**	**0,4**	**49,9**	**2,6**	**1,0**	**0,039**	**12,5**	**100,0**

Таким образом, основной целью мигрантов из стран СНГ является работа на территории РФ. При этом далеко не все прибывающие в Россию декларируют свои истинные намерения – наиболее распространенной версией приезда является частный визит. Однако проблема вовсе не в том, что кто-то из мигрантов планирует работать нелегально и не платить налоги, а в том, чтобы миграционные процессы не ухудшали ситуации на российском рынке труда и не создавали угроз национальной безопасности.

Опасные иллюзии относительно миграции

Внешняя миграция помогает решению демографических проблем. Согласно данным Росстата, в 2020 г. наибольший миграционный отток был зафиксирован в Чукотском автономном округе (177,4 тыс. чел. на 10 тыс. населения), а также в Магаданской, Мурманской, Томской и Омской областях, Республиках Коми и

Северной Осетии, Еврейской автономной области и Хабаровском крае (значения показателя в этих регионах составили от 67,4 до 38,5 чел. на 10 тыс. населения). Основные причины внутренней миграции – неблагоприятные климатические условия, отсутствие привлекательных предложений на рынке труда. Депопуляция создает риски коллапса проблемных регионов, именно в них целесообразно в первоочередном порядке направлять поток внешней миграции. Однако согласно данным МВД, более половины мигрантов официально трудоустроены в Москве и Санкт-Петербурге с прилегающими областями (в 2023 г. – 53%), реальный же показатель существенно выше – за счет многочисленных гастарбайтеров-нелегалов. Очевидно, исправлению демографической ситуации в депрессивных регионах это никак не способствует.

Что же касается пополнения населения страны в целом, то согласно сводкам МВД РФ, в 2016-2022 г.г. российское гражданство получили 3,373 млн. чел., в т.ч. 1,658 млн. чел. (49,1%) – граждане Украины, 473,2 тыс. чел. (14,0%) – Таджикистана, 309,7 тыс. чел. (9,2%) – Казахстана, 221,1 тыс. чел. (6,6%) – Армении, 169,2 тыс. чел. (5,0%) – Узбекистана. В среднем ежегодно удовлетворялось около 481 тыс. заявлений о приятии в российское гражданство, однако в последнее время отмечался заметный рост показателя – так, в 2020 г. гражданами РФ стали 656,3 тыс. чел., в 2021 – 735,4 тыс. чел., в 2022 г. – 691,0 тыс. чел. Вторая тенденция – уменьшение заявлений от подданных Украины и рост – от Таджикистана: так, в 1-м квартале 2023 г. из 106 тыс. лиц, оформивших российское гражданство, свыше 50% - жители Таджикистана [12]. При намечающемся смещении входящего вектора миграции в сторону Средней Азии особую актуальность приобретает проблема культурной ассимиляции новых граждан России, в противном случае рост межнациональной напряженности неизбежен. Пример – события мая 2023 г. в подмосковных Котельниках, превратившихся в среднеазиатский анклав. В видеообращении к Президенту РФ В.В. Путину жители города приводят следующие факты: в школах до 80% учеников – дети мигрантов, плохо говорящие по-русски, имеющие низкие показатели успеваемости и открыто терроризирующие русское меньшинство. Улицы города усеяны торговыми точками, замусорены, девушки, (в т.ч. – и несовершеннолетние, а также мальчики) подвергаются постоянным сексуальным домогательствам. В местной мечети обучение исламу ведется исключительно на арабском языке, что исключает возможность проверки на наличие идей религиозного экстремизма в учебной программе. Местным активистам, добивающимся наведения элементарного порядка в родном городе, угрожают физической расправой. Такая цена решения демографических проблем неприемлема.

Рабочие руки мигрантов необходимы национальной экономике. Согласно оценкам экспертов, к 2025 г. обусловленное негативной демографической динамикой процессы старения населения РФ приведут к уменьшению численности лиц трудоспособного возраста примерно на 12%, вследствие чего дефицит рабочей силы достигнет 10 млн. чел. Проблему предлагается решать за счет привлечения трудовых мигрантов из «братских» республик бывшего СССР - кавычки поставлены авторами, поскольку выросшему после распада СССР поколению идеи национализма ближе, чем формула советского времени «человек человеку друг, товарищ и брат» [13]. Похоже, эксперты слабо осведомлены о реалиях жизни в современной России, где достижение возраста нетрудоспособности далеко не всегда является условием прекращения работы – большинство россиян малый размер пенсии вынуждает работать пожизненно. Кроме того, проводники идеи миграционной панацеи от всех социальных проблем, вероятно, принадлежат к поколению «молодых эффективных менеджеров» и не знают, что схожая ситуация уже имела место в последней четверти XX в. в Москве. В те годы столичная молодежь стремилась получить высшее образование, и промышленные предприятия испытывали проблемы с заполнением рабочих вакансий. В сложившихся обстоятельствах автогигант ЗИЛ стал привлекать на работу на сборочном конвейере граждан дружественного Вьетнама, трудовые контракты с ними заключались на 4-6 лет без права расторжения в одностороннем порядке со стороны работника. Ставка делалась на трудолюбие и дисциплинированность вьетнамцев, не подверженных в массе роковой страсти к «зеленому змию». Однако такой «производственный аутсорсинг» не дал ожидаемых результатов - конвейер ЗИЛа остановился в 2001 г., в 2010 г. завершилась процедура банкротства, а Москва в 90-е г.г. получила вьетнамскую диаспору численностью свыше 90 тыс. чел., активно развернувшую в городе предпринимательскую деятельность, далеко не всегда законную («вьетнамские рынки» с контрафактным товаром, вьетнамские кафе, ночью переквалифицировавшиеся в бордели и пр.).

Теоретически иностранная рабочая сила привлекается ради заполнения проблемных ниш на рынке труда – тяжелых низкооплачиваемых работ, не требующих высокой квалификации, на которые не удается набрать исполнителей из граждан РФ. Однако по факту 40% мигрантов трудятся в торговле - консультантами, продавцами, кассирами и др., они освоили сферу услуг в качестве официантов, парикмахеров, специалистов по ремонту и пр. В городских службах такси ими занято до 50% мест, на стройках жилья и дорог – до 80%. Коммунальные службы Москвы практически полностью укомплектованы выходцами из Средней Азии - уборщиками, дворниками, сантехниками, электриками и пр. По тротуарам города, шокируя пешеходов, массово разъезжают смуглые доставщики пиццы от «Яндекс Еды», «Delivery Club» и пр. При этом зарплатные ожидания у мигрантов выше, чем у коренного населения: если россияне согласны работать охранниками в среднем за 22,3 тыс. руб./мес., а водителями – за 47,0 тыс. руб., то мигранты – за 23,3 тыс. руб. и 54,5 тыс. руб. соответственно [1]. Возникает законный вопрос – почему на эти вакансии не принимаются жители депрессивных регионов? Ответ очевиден, и он лежит в правовой плоскости.

Связанная с миграцией этническая преступность имеет незначительные масштабы. Первая и главная иллюзия состоит в якобы незначительности этнической составляющей в общем числе правонарушений. Так, в работе [14] утверждается, что доля преступлений, совершенных иностранцами на территории РФ в 2010-2016 г.г., не превышает 2,1%, в т.ч. совершенных гражданами СНГ – не более 1,8%. В 2020-2021 г.г., значения показателя находились в пределах 3,3-3,5% [15]. Мигранты составляют не менее 10% в структуре населения РФ, ими совершается около 3% преступлений, на основании этого делается вывод о существенно меньшей вовлеченности мигрантов в криминальную деятельность по сравнению с коренным населением. Но данное утверждение не учитывает выраженный латентный характер этнической преступности, из-за которого большая часть преступлений не регистрируется. В странах Западной Европы и Северной Америки, имеющих богатый опыт выявления подобных преступлений, их доля составляет 20% (что кратно превышает долю иностранцев в структуре населения) и стабильно растет. Схожесть сценариев развития этнической преступности в эпоху глобализации дает повод сомневаться в адекватности российских количественных оценок. Также следует учитывать, что более 50% преступлений, совершаемых мигрантами, относится к категории тяжких и особо тяжких – так, 80% преступлений против половой неприкосновенности совершается выходцами из Средней Азии. Отмечается высокая активность мигрантов в наркоторговле, мошенничествах с применением IT-технологий, отмывании преступных доходов – в т.ч. и через биржи криптовалют, что существенно снижает возможности правоохранителей на привлечение их к уголовной ответственности. Подобная недооценка существующих реалий имела место в 2000-х г.г., когда Президент РФ Д.А. Медведев высказал мнение о том, что организованной преступности в России не существует, есть только профессиональная преступность. Следствием этого стало расформирование в 2008 г. структуры в составе МВД, с 1993 г. занимавшейся противодействием организованной преступности – УБОП [15]. Опыт прошедших лет показал, что организованная преступность в РФ существует (в т.ч. – этническая) и она проявляет высокую способность к самосохранению и саморазвитию.

Этническая преступность мигрантов имеет преимущественно экономический характер и не создает угроз национальной безопасности. Данная иллюзия связана со склонностью рассматривать деятельность этнических преступных групп преимущественно в экономическом аспекте. Действительно, современная организованная преступность (и этническая в т.ч.) постепенно отходит от канонов «жизни по воровским понятиям» в стремлении к извлечению максимальной прибыли. Для этого криминалитет предпринимает попытки сращивания с властными и силовыми структурами через коррупционные схемы, что позволяет инвестировать извлеченные преступным методом доходы в легальный бизнес. На основании предположения о том, что в условиях рыночной модели организованные преступные группировки (ОПГ) ориентированы на достижение в первую очередь экономических результатов, делается вывод об их незаинтересованности в изменении существующего политического строя. В отношении представителей власти их интерес ограничивается гарантиями лояльного отношения, достигаемыми различными путями – подкуп, оказание услуг, шантаж и пр. [16]. Такая позиция глубоко ошибочна, поскольку исследованиями установлено, что практически во всех странах Запада этнический бизнес выступает источником финансирования террористической деятельности. Анклавы мигрантов явля-

ются не только точками роста теневого бизнеса, но также питательной средой для уличной преступности, политического экстремизма на почве религиозного фундаментализма (преимущественно исламского толка). При этом мигрантская среда выступает как хорошо организованная мобильная сила, направляемая из координационных центров, которые могут располагаться как в стране пребывания, так и за ее пределами. В качестве примера можно привести события в ТЦ «Москва» в Люблино в 2017 г. – в массовой драке и последующих беспорядках участвовало более тысячи мигрантов, а число задержанных превысило 200 человек [17]. Совсем недавний пример - шествие в центре Москвы в июле 2023 г. как ответ на проверки законности деятельности мусульманского молельного дома в подмосковных Котельниках. Следует иметь в виду, что выкрикивавшийся участниками акции лозунг «Такбир, Аллаху акбар!» является боевым кличем радикальных исламистов. Силовыми ведомствами установлено, что акция координировалась из Украины офицерами ЦИПсО (центр информационно-психологических спецопераций) через Telegram-канал «Утро Дагестан» – как и антиизраильские протесты в аэропорту Махачкалы в ноябре 2023 г. Нельзя недооценивать риски использования мигрантов, сосредоточенных преимущественно в Москве, Санкт-Петербурге и Московской области, в качестве протестной силы в ходе предстоящих президентских выборов 2024 г. – технологии «цветных революций» достаточно хорошо отработаны западными спецслужбами.

Миграционная преступность и пути противодействия ей в рамках реализации государственной миграционной политики

Правоохранительными органами проводится систематизация правонарушений, совершаемых на территории РФ. Согласно данным оперативных сводок, этнические ОПГ совершают преступления экономической (фальшивомонетничество, контрабанда, производство контрафактной алкогольной и табачной продукции и др.), общеуголовной (незаконный оборот наркотиков, оружия, похищения людей с целью получения выкупа, грабежи, кражи, разбои, мошенничество, вымогательство, незаконный автобизнес и др.) и экстремистской направленности - экстремизм, терроризм [13]. Рассмотрим некоторые направления преступной деятельности, в которых мигранты участвуют наиболее активно.

Работа в теневом секторе экономики. В наследие от «лихих 90-х» национальная экономика России получила богатейший теневой сектор. Его объем по состоянию на 2018 г. оценивался специалистами Рофинмониторинга в 20% от ВВП, Росстата – в 15-16%, а Международного валютного фонда – более чем в 30%. Для справки: в 2019 г. объем теневых финансовых операций оценивался в 20,7 трлн. руб., в то время как расходная часть федерального бюджета составляла 18 млрд. руб., а совокупные доходы граждан РФ – 57,5 трлн. руб. [17]. Активно действуют в данном секторе мигранты – так, гражданами Таджикистана в 2012-2019 г. г. переведено на родину 22 млрд. долл. США, средний годовой объем переводов составил 2,75 млрд. долл., что превышает годовой бюджет этой страны (около 2,5 млрд. долл.). В первом полугодии 2019 г. мигрантами переведено в Узбекистан 1,8 млрд. долл., в Таджикистан – 1,1 млрд. долл., в Киргизию – 0,7 млрд. долл. и т.д. Согласно оценкам Всемирного банка, РФ занимает 3-е место в мире по объемам денежных переводов мигрантов в родные страны. Заметим, что это – данные официальной статистики, в реальности масштаб финансовых операций крупнее на порядок, поскольку налоги со своей трудовой деятельности платят не более 10% мигрантов. В качестве примера можно привести 3 крупнейших торговых площадки столицы – рынки «Москва», «Фуд Сити» и «Садовод», на каждом из них трудится до 10 тыс. гастарбайтеров. Согласно наблюдениям специалистов департамента финансового мониторинга и валютного контроля Центробанка РФ, в 2018 г. месячный оборот этих рынков составлял около 600 млрд. руб., при этом зачисления на банковские счета практически отсутствовали. Очевидно, при таком положении дел бюджет страны не получает ни социальных отчислений, ни НДФЛ, рынок труда деформируется – вплоть до угрозы обрушения, среди населения растут ксенофобские настроения [1].

Подделка документов. Высокая доля нелегалов в миграционном потоке (20-30%) определяет спрос на фальшивые документы, особо высок он в Москве. Этнические ОПГ активно действуют на этом поле, создав целую полиграфическую индустрию по изготовлению свидетельств о регистрации, лицензий на ведение трудовой деятельности, водительских удостоверений, медицинских справок и книжек, полисов ОСАГО и пр. Масштабы их деятельности очень значительны: услуги предлагаются через многочисленные интернет-сообщества, общающиеся на тюркских языках. Как следствие,

практически все нелегалы, подвергаемые депортации, имеют на руках фальшивые документы, сработанные предприимчивыми земляками, и до выдворения на родину пребывали в полной уверенности, что законно находятся и работают на территории РФ. Киргизская диаспора предлагает своим соотечественникам, получившим российское гражданство, посредничество в обналичивании материнского капитала – даже в отношении детей, рожденных ранее на территории Киргизии. При этом сертификат оформляется «задним числом» и клиент получает на руки примерно треть от полагающейся выплаты (по состоянию на 2019 г. – 150 тыс. наличными) [ччч]. Статистика свидетельствует, что подделка документов является наиболее массовым видом преступлений в сфере миграции – так, в 1-м квартале 2022 г. в данной сфере зафиксировано 1492 преступления, из них 945 (или 63%) связаны с фальсификацией, чаще всего – документов о постановке на миграционный учет – 704 случая (47% от общего числа и 75% фальсификаций). Также массовыми являются случаи использования поддельных водительских удостоверений, при этом 48% из них связаны с гражданами Узбекистана, 20% - Киргизии и 17% - Таджикистана [17]. Массово занятые в службе городских такси гастарбайтеры с купленными водительскими правами часто создают аварийные ситуации, характерно, что данная проблема интернациональна - в США существует выражение «chinese driver», означающее недисциплинированного водителя, прибывшего на заработки из Китая.

Рэкет. Этнические бизнес-структуры, (в большинстве - теневые) являются привлекательным объектом для рэкета, прежде всего – со стороны соплеменников. Ряды рэкетиров пополняют члены многочисленных клубов смешанных боевых искусств (ММА), активно организуемых в Москве в последнем десятилетии. Характерно, что в подавляющем большинстве эти клубы имеют выраженную этническую принадлежность – таджикские «Колизей», «Pamir Fighters», киргизские «Айкол Манас», «Жаш куч» и пр. ОПГ предлагают предпринимателям услуги «крыши», разрешения конфликтов с конкурентами-соотечественниками, защиты их интересов перед местным криминалитетом и силовыми структурами, помощь в отмывании денежных средств, обеспечение безопасности каналов поставки контрабанды – не только товаров повседневного спроса, но также алкоголя, оружия, наркотиков и пр. Этнические ОПГ делают ставку на то, что предприниматели-мигранты, не склонные афишировать свою деятельность, предпочитают не обращаться в правоохранительные органы, а решать возникающие проблемы внутри изолированного сообщества диаспоры [18].

Относительно прочих типов правонарушений, совершенных мигрантами, в работе [17] отмечается, что в 1-м квартале 2022 г. существенно выросло число преступлений, связанных с оборотом наркотиков (на 58%), а также с незаконным пересечением границы (в 2 раза). Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений увеличился на 3,5%, при этом большинство убийств, изнасилований и насильственных действий сексуального характера совершено в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Характерно, что на территории Москвы наблюдается рост регистрации преступлений, совершенных гражданами Узбекистана, Киргизии и Таджикистана [17]. В сводках МВД первенство по количеству правонарушений удерживают выходцы из Узбекистана, однако это не означает, что узбекская диаспора самая криминализированная – она самая многочисленная. Так, в Москве официально зарегистрировано 378 тыс. граждан Узбекистана, в Московской области – 288 тыс.. в Санкт-Петербурге – 224 тыс. В рамках данной работы невозможно провести обстоятельное исследование связи количественных показателей этнической преступности с численностью мигрантских диаспор (это достаточно просто сделать на основе корреляционного анализа), однако на наличие такой связи указывают данные отчетности МВД: в периоде 2017-2021 г.г. число преступлений, совершенных иностранными гражданами в Москве, сократилось в 1,3 раза (с 6873 до 5322), в значительной степени – благодаря ужесточению проводимой миграционной политики.

Концепция государственной миграционной политики на период до 2025 г. была принята в 2012 г., основной объем работы по ее подготовке выполнен специалистами НИУ ВШЭ. Однако вскоре стала очевидной необходимость доработки документа, что и было проделано в 2018 г. В обновленном варианте Концепции повышенное внимание уделяется вопросам обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в обществе, а также защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России. Основным фактором улучшения демографической обстановки признается увеличение рож-

даемости, внешней миграции отводится вспомогательная роль – при условии, что она не создает предпосылок к снижению качества жизни населения [19]. Достижение поставленной цели невозможно без ликвидации теневого сектора экономики, занимаемого гастарбайтерами. Серьезным упущением первых лет реализации политики стало отсутствие информационной платформы, содержащей подробные сведения о миграционных потоках: из какой страны в какой субъект федерации в каком количестве прибыли, в каком секторе экономики заняты, каков статус пребывания на территории РФ и др. Следствием этого стало неконтролируемое движение мигрантов и их избыточное накопление в Москве, Санкт-Петербурге и прилегающих областях, о чем говорилось выше. Отсутствие контроля провоцирует формирование этнических ОПГ, мировой опыт свидетельствует, что миграционная преступность – практически всегда организованная. Ее особенностью является устойчивость к традиционно используемому структурами уголовного розыска подходу «борьба с преступностью», предполагающему движение «от преступления к преступнику» (регистрация преступления, следственно-розыскные мероприятия, поимка и наказание преступника). Большую эффективность проявляет подход «противодействие преступности», основанный на движении «от преступника к преступлению» - имея полный набор сведений о составе, технической оснащенности, криминальной специализации той или иной ОПГ, правоохранители с высокой вероятностью могут прогнозировать характер планируемых ей преступлений, и своевременно предотвращать их [20]. Именно такой подход использовали в работе РУБОП, в «лихие 90-е» успешно противостоявшие многочисленным ОПГ, в те времена в Москве была популярна поговорка «круче Солнцевских - только Шаболовские» (Солнцевская ОПГ была одной из самых мощных, а на Шаболовке располагался центральный офис УБОП). По мнению авторов, необходимыми условиями эффективного противодействия миграционной преступности являются: а) создание информационной системы мониторинга миграционной ситуации и подготовка IT-специалистов, способных анализировать и прогнозировать ее динамику; б) внедрение системы электронного документооборота на предприятиях, использующих труд мигрантов – для вывода из тени всех финансовых операций; в) совершенствование правового механизма, регулирующего действия в сфере нелегальной миграции (выдворение из страны, запрет на въезд и пр.); г) создание базы биометрических данных всех лиц, получающих разрешение на въезд в РФ; д) формирование в структуре МВД подразделений по противодействию организованной этнической преступности, укомплектованных кадрами, способными работать с массивами данных формата Big Data, вплоть до ведения персональной аналитики по отдельным фигурантам, е) использование международного опыта [16], [21]. Кроме того, необходимо использование международного опыта борьбы с организованной преступностью, значительные наработки в этой области сделаны правоохранителями США, Японии и Китая.

Литература

1. Муштук О.З. Угрозы и риски избыточной инокультурной миграции в России. Обозреватель. 2020. № 2 (361). С. 85-101.
2. Рейтинг стран по уровню жизни 2023. Размещено на портале «Basetop.ru» - официальные рейтинги по странам мира [электронный ресурс]. Режим доступа: https://basetop.ru/rejting-stran-po-urovnyu-zhizni/?ysclid=lp9qznpon0411537781
3. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (В редакции Указа Президента РФ от 01.07.2014 № 483)
4. Орлов В.В., Тараканов А.В., Таточенко А.Л. Государственная семейная политика и направления преодоления демографического кризиса в Российской Федерации (2000-2021). Современная научная мысль. 2023. № 4. С. 129-137.
5. Скрынченко Б.Л., Тараканов А.В., Орлов В.В., Таточенко А.Л. Институт брака и демографические проблемы России XXI века в зеркале статистического анализа. Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 374-380
6. Сурай Н.М., Таточенко И.М., Таточенко А.Л., Никитская Е.Ф., Баскаков В.А. Причинно-следственные связи динамики брачного возраста и демографических показателей в свете корреляционного анализа. Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 3. № 10 (139). С. 50-62.
7. Кураев А.Н., Теплая Н.А., Баскаков В.А., Ишмаева О.В., Таточенко А.Л. Анализ показателей естественного движения населения и внешней миграции в аспекте демографических проблем Российской Федерации. Инновации и инвестиции. 2023. № 3. С. 116-122.
8. Численность и миграция населения Российской Федерации. Размещено на официаль-

ном сайте Росстата [электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283

9. Tatochenko A., Tatochenko I., Chernegov N., Poletaeva L. Analysis of the potential of russian universities due the project 5-100 implementation. В сборнике: E3S Web of Conferences. 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021. Rostov-on-Don, 2021.

10. Орлов В.В., Скрынченко Б.Л., Таточенко А.Л. Российская система высшего образования: основные количественные характеристики современного состояния. Образование и право. 2023. № 3. С. 137-148.

11. Белорусские автоперевозчики начали наращивать объемы грузоперевозок. Размещено 31.10.2022 на официальном сайте Биржи грузоперевозок «ATI.SU» [электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.ati.su/news/2022/10/31/belorusskie-avtoperevozchiki-nachali-naraschivat-obemy-gruzoperevozok-470928/

12. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - ноябрь 2022 года. Размещено на официальном сайте МВД РФ [электронный ресурс]. Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/34428645/?ysclid=lpdyeagh1q676247017

13. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Миграционные процессы и их влияние на организованную преступность. Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 3. С. 67-72.

14. Анкоси М.М. К вопросу о структуре, динамике и тенденциях этнической преступности в Российской Федерации. Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 126-127.

15. Фойгель Е.И., Гилевич Б.А. Некоторые проблемы борьбы с преступностью организованных преступных групп, сформированных по этническому признаку, и преступлений, связанных с иностранными гражданами. Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 3 (23). С. 159-169.

16. Поздняков А.Н. О зарубежном опыте борьбы с этнической преступностью и возможности его использования в практической деятельности российских правоохранительных органов. Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3 (59). С. 158-164.

17. Муштук О.З. Этническое предпринимательство, теневая экономика и криминалитет. Обозреватель. 2021. № 1 (372). С. 102-114.

18. Гаджимурадов Ш.А. Современная оценка состояния миграционной преступности. Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 73-79.

19. Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы»

20. Эриашвили Н.Д., Анкоси М.М. Этническая преступность в Российской Федерации: проблемы противодействия. Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2019.№ 4. С.46-49.

21. Силантьева В.А. Концепция государственной миграционной политики РФ: содержание и реализация. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2020, № 4, с. 146–151

Migration crime: ways to counteract it in the context of modern migration policy

Kotyazhov A.V., Zyleva G.V., Abramov Yu.V., Fisunov S.A., Terekhova A.A.

Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (PKU), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

The article discusses aspects of the implementation of migration policy in modern Russia. The authors analyzed the main problems created in society by the uncontrolled external migration flow: deformations in the labor market, the risks of social tension and interethnic confrontation caused by them, the growth of the shadow sector of the economy, etc. The links between illegal migration and ethnic crime, which is almost always organized, have been traced. The main types of offenses committed by migrants have been identified. Based on the international experience of law enforcement agencies, the greater effectiveness of methods of countering migration crime in comparison with methods of combating it is shown. Recommendations on the most important counteraction measures in the implementation of migration policy are formulated.

Keywords: external migration, counteraction, ethnic crime, illegal entrepreneurship, labor market deformation, risks, threats, national security, historical and cultural traditions, national identity.

References

1. Mushtuk O.Z. Threats and risks of excessive foreign cultural migration in Russia. Reviewer. 2020. No. 2 (361). pp. 85-101.

2. Rating of countries by standard of living 2023. Posted on the portal “Basetop.ru” - official ratings for countries of the world [electronic resource]. Access mode: https://basetop.ru/rejting-stran-po-urovnyu-zhizni/?ysclid=lp9qznpon0411537781

3. Decree of the President of the Russian Federation dated October 9, 2007 No. 1351 “On approval of the Concept of demographic policy of the Russian Federation for the period until 2025” (As amended by Decree of the President of the Russian Federation dated July 1, 2014 No. 483)

4. Orlov V.V., Tarakanov A.V., Tatochenko A.L. State family policy and directions for overcoming the demographic crisis in the Russian Federation (2000-2021). Modern scientific thought. 2023. No. 4. pp. 129-137.
5. Skrynchenko B.L., Tarakanov A.V., Orlov V.V., Tatochenko A.L. The institution of marriage and demographic problems of Russia in the 21st century in the mirror of statistical analysis. Innovation and investment. 2023. No. 10. P. 374-380
6. Surai N.M., Tatochenko I.M., Tatochenko A.L., Nikitskaya E.F., Baskakov V.A. Cause-and-effect relationships between the dynamics of marriageable age and demographic indicators in the light of correlation analysis. Economics and management: problems, solutions. 2023. T. 3. No. 10 (139). pp. 50-62.
7. Kuraev A.N., Teplaya N.A., Baskakov V.A., Ishmaeva O.V., Tatochenko A.L. Analysis of vital statistics and external migration in terms of demographic problems of the Russian Federation. Innovation and investment. 2023. No. 3. P. 116-122.
8. Number and migration of the population of the Russian Federation. Posted on the official website of Rosstat [electronic resource]. Access mode: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283
9. Tatochenko A., Tatochenko I., Chernegov N., Poletaeva L. Analysis of the potential of Russian universities due to the project 5-100 implementation. In the collection: E3S Web of Conferences. 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021. Rostov-on-Don, 2021.
10. Orlov V.V., Skrynchenko B.L., Tatochenko A.L. Russian higher education system: main quantitative characteristics of the current state. Education and law. 2023. No. 3. P. 137-148.
11. Belarusian road carriers began to increase cargo transportation volumes. Posted on 10/31/2022 on the official website of the Freight Exchange "ATI.SU" [electronic resource]. Access mode: https://news.ati.su/news/2022/10/31/belorusskie-avtoperevozchiki-nachali-naraschivat-obemy-gruzoperevozok-470928/
12. Summary of key performance indicators on the migration situation in the Russian Federation for January - November 2022. Posted on the official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [electronic resource]. Access mode: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/34428645/?ysclid=lpdyeagh1q676247017
13. Bogdanov A.V., Ilyinsky I.I., Khazov E.N. Migration processes and their impact on organized crime. International Journal of Constitutional and State Law. 2019. No. 3. P. 67-72.
14. Ankosi M.M. On the question of the structure, dynamics and trends of ethnic crime in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. P. 126-127.
15. Foigel E.I., Gilevich B.A. Some problems of combating crime of organized criminal groups formed along ethnic lines and crimes related to foreign citizens. Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2022. No. 3 (23). pp. 159-169.
16. Pozdnyakov A.N. About foreign experience in the fight against ethnic crime and the possibility of using it in the practical activities of Russian law enforcement agencies. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (59). pp. 158-164.
17. Mushtuk O.Z. Ethnic entrepreneurship, shadow economy and crime. Reviewer. 2021. No. 1 (372). pp. 102-114.
18. Gadzhimuradov Sh.A. Modern assessment of the state of migration crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1. P. 73-79.
19. Decree of the President of the Russian Federation dated October 31, 2018 No. 622 “On the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025”
20. Eriashvili N.D., Ankosi M.M. Ethnic crime in the Russian Federation: problems of counteraction. Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2019.№ 4. P.46-49.
21. Silantyeva V.A. The concept of state migration policy of the Russian Federation: content and implementation. Bulletin of Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky, 2020, No. 4, p. 146–151

Криминологический портрет преступника-браконьера

Игликова Сауле Дакеновна
магистр юридических наук, Костанайская академия МВД РК имени Ш. Кабылбаева, iglikovasaule@mail.ru

Сегодня, несмотря на повсеместное развитие общества, передовые высокие технологии, возможности использования науки и техники, экологические проблемы для всего мира остаются нерешенными, сохраняя свою актуальность, требуя поиска путей их решения. Немалую роль в создавшейся ситуации сыграло повсеместное распространение браконьерства и неадекватность мер, принимаемых государственными органами по выявлению и предотвращению этих правонарушений. Для результатов раскрытия и расследования фактов браконьерства важной составляющей является возможность сопоставления имеющихся данных о правонарушителе с данными криминологического профиля браконьера с целью установления личности преступника. При изучении личности браконьера следует обратить внимание на то, что личность преступника находится в поле зрения не только юридических наук (криминологии, криминалистики и др.), но и психологических наук. Проблемы исследования личности браконьера сегодня заключаются в небольшом количестве исследований казахстанских ученых и в особенностях экологической среды Республики Казахстан.
Анализ, проведенный зарубежными исследователями во многих странах, показывает относительные различия в криминологическом портрете браконьера не только в зависимости от места его преступных действий, но и от экологической ситуации в каждой отдельной стране. По этой причине представляется актуальным изучение личности браконьера, действующего на территории Республики Казахстан. В связи с этим, в настоящем научном исследовании представлен подробный анализ статистической информации и собранных эмпирических данных о личности преступников-браконьеров, совершивших свои противоправные действия в период с 2018 по 2022 годы на территории Республики Казахстан. Установлены основные психологические и криминологические особенности рассматриваемого круга лиц.
Ключевые слова: браконьерство, экологические правонарушения, криминологический портрет правонарушителя, психологический портрет правонарушителя, преступник-браконьер, личность правонарушителя, уголовные правонарушения.

Introduction

In recent years, the poaching problem has been a factor that has a negative impact on the environment and environmental safety on the whole throughout the world [1; 2]. In order to successfully counteract the commission of said acts, the law enforcement agencies need to pay attention to the personality characteristics of a poaching offender. It is noted in the works of Kazakhstani experts in the field of ecological law that nowadays there is an urgent need of conducting scientific research in the field of environmental protection [3] and the prevention of ecological offences [4]; therewith, one of the problem in the context of studying the causes of criminality is the issue of an offender personality.

In this research article, some features of the criminological and psychological characteristics of the personality of a poacher are studied. The chosen subject area is relevant for the Republic of Kazakhstan due to the relatively low clearance rate of criminal cases under consideration (Table 1) and the paucity of scientific papers on this issue [5; 6; 7; 8]. According to statistics, in the period from 2018 to 2022, in total in the Republic pre-trial investigations were launched: 971 under Article 335 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan (illegal extraction of fish resources, other aquatic animals or plants); 653 under Article 337 of the CC of the RK (illegal hunting); 1201 under Article 339 of the CC of the RK (illegal handling of rare, endangered and prohibited to be used species of plants or animals and parts or derivatives thereof).

Table 1

Number of criminal cases - inquired and solved.

	2018		2019		2020		2021		2022	
Article of the CC of the RK	Total in-quired	solved	Total in-quired	solved	Total in-quired	solved	Total in-quired	solved	Total in-quired	solved
Article 335	**275**	55	**285**	70	**257**	100	**221**	116	**187**	88
Article 337	**157**	77	**166**	63	**145**	52	**184**	78	**152**	79
Article 339	**318**	199	**258**	187	**227**	154	**263**	155	**258**	173

Thus, in the period from 2018 to 2022: under Article 335 of the CC of the RK, 1,225 criminal cases were inquired, of which only 429 (35%) were solved; under Article 337 of the CC of the RK, 804 criminal cases were inquired, 349 (43%) were

solved; under Article 339 of the CC of the RK, 1,324 criminal cases were inquired, 868 (65,5%) were solved [9; 10]. Based on the above data, the highest crime solvency rate is observed for criminal offences in violation of Article 339 of the CC of the RK.

The body of paper

The purpose of this research is to establish the features of the criminological and psychological profile of the personality of a poacher who carries out illegal activities on the territory of the Republic of Kazakhstan. The personality characteristics of a criminal who has committed an act prohibited by criminal law is an object under study in various disciplines.

In criminological science, there are many approaches to the contents of a criminal's personality, and the study and consideration of all criminological features of a personality enables to distinguish offenders from law-abiding citizens, identify factors influencing the commission of crimes [11, p. 156]. The review of a certain number of research papers has shown that criminological profile consists of the following elements: biophysiological (gender, age, etc.); social (educational background, marital status, etc.); criminal justice (criminal record); moral and psychological (presence of moral principles, character traits) [12].

The analysis of statistics for 2018-2022 on persons who committed this type of criminal offence indicates that poaching is predominantly male crime (Table 2). It is fair to say that this indicator is attributable to the specificity of the act being committed: the illegal activity carried out requires significant physical strength, often special training, the availability of certain skills and abilities inherent exclusively in males [13].

Table 2
Number of males and females who have committed poaching on the territory of the Republic of Kazakhstan.

	2018		2019		2020		2021		2022	
Article of the CC of the RK	M	F	M	F	M	F	M	F	M	F
Article 335 of the CC of the RK	127	1	166	0	139	0	141	4	134	1
Article 337 of the CC of the RK	133	0	125	0	93	0	92	0	97	0
Article 339 of the CC of the RK	192	26	195	17	140	19	170	13	291	22

As for age, poachers are statistically divided into seven age groups: the smallest group is minors (2 persons for the entire period under review). The next group includes people aged 18 to 20 years (41 people for the entire period under review). The third group consists of people aged 21 to 29 years (514 during the period under review). The most numerous fourth group consists of people between the ages of 30 to 39 (790). The fifth group consists of persons between the ages of 40 to 49 years (522). The sixth age group consists of people between the ages of 50 to 59 (248). The seventh group includes persons over 60 years old (58 people) (Tables 3-7).

Table 3
Quantitative metrics of age groups of poachers in 2018

Criminal offense	Ages 16 to 17	Ages 18 to 20	Ages 21 to 29	Ages 30 to 39	Ages 40 to 49	Ages 50 to 59	Aged 60 and older
Article 335 of the CC of the RK	0	2	28	46	33	17	2
Article 337 of the CC of the RK	0	2	30	41	43	13	4
Article 339 of the CC of the RK	1	2	65	60	50	30	10

Table 4
Quantitative metrics of age groups of poachers in 2019

Criminal offense	Ages 16 to 17	Ages 18 to 20	Ages 21 to 29	Ages 30 to 39	Ages 40 to 49	Ages 50 to 59	Aged 60 and older
Article 335 of the CC of the RK	0	5	26	39	30	14	2
Article 337 of the CC of the RK	0	2	30	48	34	11	0
Article 339 of the CC of the RK	0	3	46	87	43	27	6

Table 5
Quantitative metrics of age groups of poachers in 2020

Criminal offense	Ages 16 to 17	Ages 18 to 20	Ages 21 to 29	Ages 30 to 39	Ages 40 to 49	Ages 50 to 59	Aged 60 and older
Article 335 of the CC of the RK	0	1	34	56	32	11	5
Article 337 of the CC of the RK	0	2	19	49	10	12	1
Article 339 of the CC of the RK	0	5	41	59	36	15	3

Table 6
Quantitative metrics of age groups of poachers in 2021

Criminal offense	Ages 16 to 17	Ages 18 to 20	Ages 21 to 29	Ages 30 to 39	Ages 40 to 49	Ages 50 to 59	Aged 60 and older
Article 335 of the CC of the RK	1	6	34	54	36	13	1
Article 337 of the CC of the RK	0	1	26	32	21	6	6
Article 339 of the CC of the RK	0	4	43	55	40	21	7

Table 7
Quantitative metrics of age groups of poachers in 2022

Criminal offense	Ages 16 to 17	Ages 18 to 20	Ages 21 to 29	Ages 30 to 39	Ages 40 to 49	Ages 50 to 59	Aged 60 and older
Article 335 of the CC of the RK	0	1	31	57	34	12	0
Article 337 of the CC of the RK	0	1	19	39	21	13	4
Article 339 of the CC of the RK	0	4	42	68	59	33	7

The number of minors being held as suspects in criminal cases of this category is not numerous – only 2 people, - and represents only their complicity, but not the independent perpetration.

Among the age groups, the group aged 30 to 39 years prevails. In our opinion, the revealed singularity of the age group is not incidental, since it is at this age that a high degree of physical and social activity occurs; it is for this age group that the extraction of animals, birds and fish out of profit-seeking or in the form of cropping is most characteristic.

The next significant feature characterizing the personality of a poacher is the level of education, which is not only important in the formation of human values and priorities, but also affects the further development of intellectual abilities. The analysis of statistical data shows that, by and large, poaching is carried out by persons without higher education (Table 8).

Table 8
Information on the educational background of persons who committed poaching in the period from 2018 to 2022.

Article	Education									
	2018		2019		2020		2021		2022	
	higher	Secondary and vocational secondary	higher	Secondary and vocational secondary	higher	Secondary and vocational secondary	higher	Secondary and vocational secondary	higher	Secondary and vocational secondary
335	6	122	3	12	6	130	6	136	6	127
337	16	114	20	101	13	79	12	73	10	81
339	37	179	24	185	21	138	32	137	19	194

Investigating the criminological characteristics of poacher's personality, one must not miss information about the earlier commission of criminal offenses. Statistics show that out of all poaching criminal offences in the period from 2018 to 2022, percentage committed by previously convicted persons was: in 2018 – 13% (63 people out of 479; in 2019 - 13% (65 people out of 503); in 2020 – 17% (66 people out of 391); in 2021 – 15% (61 people out of 416); in 2022 - 13% (73 people out of 544).

Even though many authors recognize moral and psychological qualities as an element of the criminological characteristics of a criminal, there are also separate works of the authors devoted to the study of the psychological characteristics of the poacher. [14; 15].

Thus, the criminological and psychological characteristics of a criminal's personality are interrelated and should be considered together. Quite important elements of the study of the psychological characteristics of a poacher's personality are his/her behavior and role in community. So, to begin with, let us look into the marital status of these persons. It ought to be remarked that many criminologists note that criminals are persons who do not have family relations [16, p. 208]; however, this feature is not inherent for poachers. Research shows that about 60% of the surveyed poachers have a family [4, p. 273], and for 75% of them poaching is the primary source of income. The revealed feature is quite rightly explained by the fact that poaching is often a family trade – a family business.

Another criterion of the social status is an individual's position and role in society: occupation, the availability or absence of a permanent employment. Data on the employment of the subject category of persons show that the unemployed predominate among poachers (Table 9).

Table 9
Information on employment/unemployment of persons who committed poaching in the period from 2018 to 2022.

Article	Employment									
	2018		2019		2020		2021		2022	
	Empld.	Unempld.	Empld.	Unempld.	Empld.	Unempld.	Empld.	Unempld.	Empld.	Unempld.
335	44	84	2	104	5	126	16	115	9	117
337	16	92	20	91	10	68	23	48	14	65
339	8	173	20	164	11	123	21	121	30	137

In this regard, it is fair to note the cause-effect relation between the social status of poachers and the motivational component of their criminal acts. Considering the motives for committing poaching, it should be noted that they are formed against the background of the offender's personal qualities under the influence of various reasons. Basically, the motive for committing the crimes in question is gain (indicated by 80% of respondents). This circumstance is quite consistent with the statistics and surveys, since most of the poachers are unemployed and poaching is the only source of income for these individuals.

It should be noted that the moral and psychological component of the poacher's personality structure is characterized by a manifestation of egocentrism, which consists in a consumer attitude

to the riches of nature. According to data from foreign studies, most poachers are indifferent to the consequences of the committed act [17]. Indifference in this case is a reflection of a low level of ecological awareness.

Conclusion

Concluding what has been said above, it follows that the criminal and psychological profile of a poacher carrying out his illegal activities on the territory of the Republic of Kazakhstan looks as follows: it is a male 30-39 years old, without higher education, unemployed, previously convicted, married, indifferent to the consequences of his criminal acts, seeking gain.

It should be mentioned that the personality of a criminal is in sight not only of juridical sciences (criminology, forensic science, etc.), but also of psychological sciences, since in the process of solving and preventing crimes, the law enforcement agencies must consider both the peculiarities of individual and personal behavioral manifestations and social, biological aspects. The study of the criminal and psychological profile of a poacher may have an important role in the effectiveness of detecting, solving such crimes, as well as preventing the commission of poaching crimes.

Criminological profile of personality of a poaching offender

Iglikova S.D.

Kostanai academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan by Sh. Kabylbayev

Today, despite the widespread development of society, the advanced high technologies, the possibilities of science and technology usage, environmental problems for the whole world remain unresolved, retaining their relevance, requiring the search for ways to resolve them. A significant role in the created situation was played by the ubiquitous spread of poaching and the inadequacy of the measures taken to detect and prevent these offenses by state agencies. For the results of solving and investigation of the facts of poaching, an important component is the ability to compare the available data about the offender with the data of the criminological profile of the poacher in order to identify the perpetrator. During studying the personality of a poacher, one should pay attention to the fact that the personality of a criminal is in the field of view not only of legal sciences (criminology, forensic science, etc.), but also of psychological sciences. The problems of researching the personality of a poacher today are in a small number of the research by Kazakh scientists and in the features of the ecological environment in the Republic of Kazakhstan.

An analysis carried out by foreign researchers in many countries shows relative differences in the criminological and psychological profile of a poacher, not only depending on the location of his criminal acts, but also on the environmental situation in each individual country. For this reason, it seems relevant to study the personality of a poacher operating on the territory of the Republic of Kazakhstan. In this regard, this scientific research presents a detailed analysis of statistical information and collected empirical data on the identity of criminals - poachers who committed their illegal acts in the period from 2018 to 2022 on the territory of the Republic of Kazakhstan. The main psychological and criminological peculiarities of the considered circle of persons are established.

Keywords: poaching, environmental offences, criminological offender's profile, psychological offender's profile, offender personality, criminal offences.

References

1. Muth R. M., Bowe Jr. Illegal harvest of renewable natural resources in North America: Toward a typology of the motivations for poaching (angl.) // Society & Natural Resources: journal. - 1998. - Vol. 11. - No. 1. - P. 9-24 // https://agris.fao.org/agris-search/search.do?recordID=US1997061948.
2. Guseinova E.D. The concept and legal signs of poaching // Young science: current issues of economics and management, law, psychology and education: a collection of scientific articles of the annual All-Russian scientific and practical conference of young scientists with international participation. Baltic Humanitarian Institute. - St. Petersburg, 2021. – P. 106-109.
3. Bekisheva S.D., Rakhmetov K.K. On the issue of the need to conduct scientific research in the field of environmental protection of the Republic of Kazakhstan // Journal "Құқық қорғау organdary akademiyasynyn Zharshysy" - 2018. - No. 11. // http://212.154.162.235:8080/handle/7171/167.
4. Bijanova A.R., Zhunisova G.A., Bimoldanov E.M. Organizational and legal issues in restoration of environmental damage in Kazakhstan // Gylym - Science: international scientific journal. – 2021. - No. 1 (68). - P. 11-17.
5. Nurushev A.Zh., Daribay T.O., Adelbaeva L.E., Temirkhan L.P. On the problems and methods of saving the saiga (saiga tatarica L.) in Kazakhstan // Problems of ecology of the Southern Urals: collection of materials of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation / ch. ed. G.V. Karpova. – M., 2019. - P. 32-38.
6. Svetlichnaya K.A., Belikova V.S. Criminological characteristics of the personality of a poacher // Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations: collection of articles of the IV International Scientific and Practical Conference. In 2 hours - Penza, 2017. - P. 270-274.
7. Ishigeev V.S., Bondar A.Ya. Features of the personality of a criminal in the field of illegal hunting and extraction of aquatic biological resources // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. – 2013. - No. 2. - P. 88-93.
8. Lindsey P. et al. Illegal hunting and the bush-meat trade in savanna Africa: drivers, impacts and solutions to address the problem. — Panthera Corporation[en] /Zoological Society of London/Wildlife Conservation Society[en] report. — New York: Panthera Corporation[en], 2012. — 74 p. // https://www.traffic.org/site/assets/files/7312/illegal-hunting-and-bushmeat-savannah-africa.pdf.
9. Information on registered criminal and administrative offenses for 2018-2022 // https://qamqor.gov.kz.
10. Iglikova S.D. Criminalization and decriminalization of environmental criminal offenses (using the example of Article 337 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan and Article 340 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan // Journal "Khabarshy - Bulletin" - Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov. - No. 1 (75) - Karaganda, 2022 - P.174.
11. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Criminology: textbook. – 4th ed., revised. and additional – M.: Norma: Infra-M, 2010.
12. Dubovik O.L. Environmental crime in the Russian Federation: status, trends and connections with transnational, corruption and organized crime // Criminological Journal of

the Baikal State University of Economics and Law. – 2010. – No. 1. – P. 18–29.
13. Netsvetova E.V. Forensic characteristics of the personality of a poacher (using the example of illegal hunting) // Bulletin of the State Law Academy. - 2013. - No. 1 (90) // https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-lichnosti-brakoniera-na-primere-nezakonnoy-ohoty.
14. Nadtochaeva S.A. Psychological profile of a poacher // Issues of improving law enforcement activities: interaction of science, rule-making and practice: collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists. – M., 2020. - P. 700-702.
15. Omarova Kh.M. Socio-psychological characteristics of the subject of environmental crime // Humanitarian, socio-economic and social sciences. - 2015. - No. 2 // https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-harakteristika-subekta-ekologicheskogo-prestupleniya.
16. Olkhovik N.V. Recidivism of convicts and its prevention: monograph. – Tomsk: Publishing house Tom. University, 2009. – 160 p.17 Erica von Essen & A. Nurse Illegal hunting special issue// Crime, Law and Social Change volume 67, pages 377–382 (2017) // https://link.springer.com/article/10.1007/s10611-016-9676-9.
17. Erica von Essen & A. Nurse Illegal hunting special issue// Crime, Law and Social Change volume 67, pages 377–382 (2017) // https://link.springer.com/article/10.1007/s10611-016-9676-9

О перспективах анализа места ДТП при помощи беспилотных летательных аппаратов: технические достоинства и проблемы практической реализации

Кучерков Иван Александрович
к.ю.н., доцент, ФГАОУ «Российский университет транспорта», 19kucherkov77@mail.ru

В статье рассмотрены перспективы использования беспилотных летательных аппаратов при осмотре мест дорожно-транспортных происшествий (ДТП), а также нормативный порядок получения разрешения на использование беспилотных летательных аппаратов в Российской Федерации. Констатируется, что технически беспилотные летательные аппараты являются эффективными средствами осмотра места дорожно-транспортного происшествия и анализа его обстановки. В то же время эффективное использования беспилотных летательных аппаратов в настоящее время ограничено климатическими условиями их использования, и нормативным порядком правового регулирования их использования в российском законодательстве, что обуславливает невозможность их легального использования для решения данных задач.

Ключевые слова: уголовный процесс, дорожно-транспортное происшествие, дрон, беспилотный летательный аппарат, предварительное расследование, следственный осмотр, правовое регулирование, условия использования, Воздушный кодекс, разрешение на использование беспилотных летательных аппаратов.

В XXI веке беспилотные летательные аппараты (далее БПЛА) применяются полицейскими подразделениями десятков стран мира. Данные технические комплексы дают правоохранительным органам новые возможности для наблюдения, координации оперативных действий, анализа ситуации, поиска нарушителей и потерпевших. На службе сотрудников полиции различных государств находятся как компактные квадрокоптеры, так и сложные многофункциональные полётные платформы и беспилотные комплексы. Подвесное оборудование обеспечивает выполнение независимо от времени суток и метеоусловий следующих задач.

В качестве ключевых преимуществ использования БПЛА в работе правоохранительных органов эксперты указывают:

1. Оперативность и быстроту развёртывания БПЛА. Время развёртывания квадрокоптера составляет несколько минут, он помещается в багажнике автомобиля и всегда готов к применению в интересах полиции.

2. Отсутствие необходимости в специалистах узкого профиля. БПЛА просты в освоении и требуют минимум специальных знаний, возможно переучивание и повышение квалификации сотрудников без отрыва от службы на длительное время.

3. Многофункциональность и модульность БПЛА. Элементы полезной нагрузки, такие как камеры, тепловизоры, прожектора устанавливаются за несколько минут, за счёт чего подбирается конфигурация беспилотного комплекса для конкретной задачи.

4. Возможность применения в городских условиях. Высота полёта и манёвры БПЛА не ограничены в условиях плотной высотной городской застройки. Аппарат не только свободно летает между зданиями, но и способен взлетать непосредственно с площадок внутри населённого пункта.

5. Простота и низкая стоимость эксплуатации. Современные БПЛА массовой производ-

ства фактически не нуждаются в периодическом обслуживании, запасные части устанавливаются своими силами, обновление программного обеспечения доступно любому уверенному пользователю ПК.

Одним из важнейших направлений использования БПЛА является осмотр и реконструкция дорожно-транспортных происшествий. Так, правоохранительными органами США при работе на месте ДТП используются дроны DJI Phantom 4 RTK и DJI Matrice 300 RTK+[8]. Дрон DJI Phantom 4 RTK используется с 2020 года. Он представляет собой платформу с подвесами с максимальной грузоподъёмностью 2,7 кг, временем полёта до 49 минут и максимальной дальностью передачи данных: до 4,34 мили (7 км). На подвесе находится: камера с широкоугольным объективом для оценки общей обстановки; камера с 23-кратным зумом для изучения мелких деталей с большого расстояния; лазерный дальномер с диапазоном измерений от 3 до 1200 м. Также на дроне могут быть установлены тепловизор и прожектор, необходимые для поиска живых лиц и работы в тёмное время суток[9].

Кроме того, используемое в указанных дронах программное обеспечение DJI Flighthub позволяет использовать одновременно несколько дронов, объединенных в локальную сеть, что позволяет получить одновременное изображение с нескольких камер в реальном времени и таким образом успешно координировать действия сотрудников полиции на месте ДТП[10].

В результате использование БПЛА позволяет зафиксировать место ДТП для понимания общей его обстановки и расположения транспортных средств, а также с сантиметровой точностью учитывать следы заносов, поля обломков транспортных средств и другую ценную информацию, которая помогает в реконструкции дорожной аварии. Использование съемки с БПЛА позволяет обеспечить:

- полноту и объективность фиксации, основанную на фотограмметрическом методе получения информации, необходимой для дальнейших измерений;
- скорость (фиксация обстановки места ДТП может быть окончена сразу же после фотографирования);
- минимизацию времени пребывания сотрудников полиции на проезжей части, что снижает риск заторов на дорожной сети.

Альтернативным способом фиксации обстоятельств ДТП является лазерное сканирование, но оно требует больших финансовых затрат и временных ресурсов на обучение сотрудников ГИБДД работе в специализированном программном обеспечении. К тому же, преимущество в получении детальной цифровой модели в данном случае нерелевантно, так как ДТП редко происходят под кронами деревьев или иных местах с ограниченным обзором сверху.

Рис. 1. Съемка ДТП с дрона в районе города Маршфилд (Канзас, США).Фотография из открытых источников

Каковы же реальные перспективы использования БПЛА при работе на месте ДТП в российских условиях. Бесспорно, они имеются, однако их использование наталкивается на ряд препятствий технического и правового характера.

К техническим препятствиям относится наличие у БПЛА технических ограничений, ограничивающих их применения при наличии неблагоприятных факторов окружающей среды. Так, на съемку с БПЛА непосредственно влияют погодные условия – температура, наличие осадков, скорость ветра и т. д). При полетах в условиях низких температур, аккумулятор БПЛА будет разряжаться заметно быстрее, нежели при положительных температурах. В холодное время года литиевые батареи БПЛА имеют склонность быстрее разряжаться.

Осадки также ограничивают использование современных БПЛА. Так, их использование в условиях дождя или снега исключается в силу из неприспособленности к осадкам. Капли дождя или тающего снега могут легко вывести его из строя, попав на материнскую плату или блок питания через вентиляционные отверстия. Поэтому идеальными для полета беспилотных летательных аппаратов погодными условиями является светлое время суток, при ясной по-

годе без осадков. Данный фактор позволяет получить наиболее четкие и информативные снимки.

Другим препятствием в использовании БПЛА при работе на месте ДТП является нормативный порядок правового регулирования использования БПЛА в российском законодательстве.

На данный момент, правовое регулирование БПЛА реализуется в Воздушном кодексе Российской Федерации 1997 года, ч. 5 ст. 32 которого определяет статус БПЛА, как «воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна»[1] и определяет статус командира БПЛА как лица «руководящего работой экипажа беспилотного воздушного судна и отвечающего за безопасное выполнение полета» (ч.2 ст. 57 ВК РФ), и обладающего, в частности, правом «принимать окончательные решения о взлете, полете и посадке беспилотного воздушного судна, а также о прекращении полета и возвращении на аэродром или о вынужденной посадке в случае явной угрозы безопасности полета беспилотного воздушного судна… с обязательным уведомлением соответствующего органа обслуживания воздушного движения (управления полетами) и по возможности в соответствии с установленными правилами полетов» (ст. 58.1 ВК РФ).

Непосредственно правила использования БПЛА закреплены в Федеральных правилах использования воздушного пространства, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 11.03.2010 № 1382 (в ред. от 02.12.2020)[3]. Данное положение содержит ряд правовых норм и ограничений, связанных с запуском и полетом БПЛА.

Так, согласно п. 52 Правил: «использование воздушного пространства беспилотным воздушным судном в воздушном пространстве классов A, C и G осуществляется на основании плана полета воздушного судна и разрешения на использование воздушного пространства» посредством установления временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений полётов.

При этом допускается использование БПЛА без плана полётов вне диспетчерских зон аэродромов гражданской авиации, районов аэродромов (вертодромов) государственной и экспериментальной авиации, запретных зон, зон ограничения полетов, специальных зон, воздушного пространства над местами проведения публичных мероприятий, официальных спортивных соревнований, а также охранных мероприятий, проводимых в соответствии с Федеральным законом «О государственной охране» и на удалении не менее 5 км от контрольных точек неконтролируемых аэродромов и посадочных площадок.

Для выполнения полётов Правилами установлен разрешительный порядок использования воздушного пространства, независимо от класса воздушного пространства, в котором выполняется полёт. Для использования БПЛА необходимо получить ряд разрешений и выполнить ряд действий:

1. Не менее чем за 10 дней до предполагаемого полета необходимо обратиться в территориальный орган ФСБ для получения разрешения о соответствии требованиям дополнений (ПАРО-90) «Об особенностях производства аэросъемочных работ в районах особо важных или особорежимных промышленных и режимных военных объектов»(введена в действие с 1 января 1991 года (приказ ГУГК СССР от 13 июля 1990 г. № 11с). Официально не публиковалась.) к «Инструкции по определению и обеспечению секретности топографо-геодезических, картографических, гравиметрических, аэросъемочных материалов и материалов космических съемок на территории СССР» (СТГМ-90)(введена в действие с 1 января 1991 года (приказ ГУГК СССР от 13 июля 1990 г. № 11с). Официально не публиковалась.).

2. При использовании БПЛА над территорией населённого пункта – не менее чем за 5 дней до предполагаемого полёта необходимо получить разрешение соответствующего органа местного самоуправления, а в городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе - разрешения соответствующих органов исполнительной власти указанных городов (п. 49 Правил). Так, в г. Москве такое разрешение можно получить у Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы в порядке, предусмотренном постановлением Правительства Москвы от 09.07.2014 № 391-ПП «Об использовании воздушного пространства над Москвой».

3. Оформить представление на установление «Временного режима» и согласовать необходимо согласовать полетный маршрут. Согласование производится в местном аэропорту в диспетчерской службе на основании предъявленных разрешений и копии представления.

4. Отправить по телефонной сети связи общего пользования или сети Интернет, на бумажном носителе, включая факсимильное сообщение в Главный центр Единой системы организации воздушного движения (ГЦ ЕС ОрВД)

заполненное представление. Одобрение и номер временного режима от Центра будет получен на следующий день[4].

5. За сутки до запуска БПЛА необходимо обратиться (по электронной почте или факсу) с планом полета в Зональный центр Единой системы Организации воздушного движения (ЗЦ ЕС ОрВД)[4].

6. В день запуска не мене чем за 3 часа надо запросить разрешение на полет в Районном центре Единой системы Организации воздушного движения. (РЦ ЕС ОрВД). На этот момент диспетчеры уже будут обладать информацией из Главного и Зонального центров. Диспетчеру Районного центра нужно будет назвать свой позывной и номер временного режима[4].

В течении 5 минут после запланированного взлёта БПЛА следует сообщить диспетчеру Районного центра о фактическом времени взлёта; о задержке, переносе или отмене взлета, маршруте движения. Также диспетчеру в течение 10 минут следует сообщать о каждой посадке БПЛА или перерыве в его полетах на срок более 1 часа. После окончания полетов необходимо уведомить в течении 10 минут диспетчеров Районного центра, и сообщить в течение 1 часа в ГЦ ЕС ОрВД о снятии временного режима.

Указанные требования к использованию БПЛа делает практически невозможным их легальное использование на местах ДТП, так как данные происшествия относятся к числу неотложных и непрогнозируемых, в связи с чем вышеуказанная многоступенчатая и многодневная процедура согласования использования БПЛа оказывается неприменимой для этих целей.

Таким образом можно сделать вывод о том, что, современные перспективы использования в Российской Федерации БПЛа при осмотре и исследовании места ДТП существенно ограничены как климатическими условиями их использования, так и нормативным порядком правового регулирования использования БПЛА в российском транспортном законодательстве, что обуславливает невозможность их легального использования для решения данных задач.

Литература

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 марта 1997 г. № 12 ст. 1383

2. Федеральный закон «О государственной охране» от 27.05.1996 № 57-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 27 мая 1996 г., N 22, ст. 2594.

3. Федеральные правила использования воздушного пространства (утв. Постановлением Правительства РФ от 11.03.2010 № 1382 (в ред. от 02.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 апреля 2010 г. № 14 ст. 1649

4. Табель сообщений о движении воздушных судов в Российской Федерации. (Утв. приказом Минтранса России от 24 января 2013 г. № 13). Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 5 августа 2013 г. № 31

5. Постановление Правительства Москвы от 09.07.2014 № 391-ПП «Об использовании воздушного пространства над Москвой» https://www.mos.ru/authority/documents/doc/3347220/

6. Приказ ГУГК СССР от 13 июля 1990 г. № 11с «Об особенностях производства аэросъемочных работ в районах особо важных или особорежимных промышленных и режимных военных объектов» (ПАРО-90). Введен в действие с 1 января 1991 года. Официально не публиковался.

7. Инструкция по определению и обеспечению секретности топографо-геодезических, картографических, гравиметрических, аэросъемочных материалов и материалов космических съемок на территории СССР» (СТГМ-90) (утв. Приказом ГУГК СССР от 13 июля 1990 г. № 11с). Введена в действие с 1 января 1991 года. Официально не публиковалась.

8. https://aeromotus.ru/dji-drone-for-law-enforcement/

9. https://www.dji.com/ru/phantom-4-rtk/info

10. https://enterprise.dji.com/ru/flighthub-2

On the prospects for analyzing the scene of an accident using unmanned aerial vehicles: technical advantages and problems of practical implementation.

Kucherkov I.A.
Russian University of Transport

The article considers the prospects for the use of unmanned aerial vehicles when inspecting places of road accidents, as well as the regulatory procedure for obtaining permission to use unmanned aerial vehicles in the Russian Federation. It is stated that technically unmanned aerial vehicles are effective means of inspecting the scene of a traffic accident and analyzing its situation. At the same time, the effective use of unmanned aerial vehicles is currently limited by the climatic conditions of their use, and the regulatory procedure for the legal regulation of their use in Russian legislation, which makes it impossible to legally use them to solve these problems.

Keywords: criminal procedure, road accidents, drone, unmanned aerial vehicle, preliminary investigation, investigative inspection, legal regulation, conditions of use, Air Code, permission to use unmanned aerial vehicles.

References

1. Air Code of the Russian Federation dated March 19, 1997 No. 60-FZ (as amended on August 4, 2023) // Collection

of Legislation of the Russian Federation dated March 24, 1997 No. 12 Art. 1383
2. Federal Law “On State Security” dated May 27, 1996 No. 57-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, May 27, 1996, No. 22, Art. 2594.
3. Federal rules for the use of airspace (approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated March 11, 2010 No. 1382 (as amended on December 2, 2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation dated April 5, 2010 No. 14 Article 1649
4. Report sheet on the movement of aircraft in the Russian Federation. (Approved by order of the Ministry of Transport of Russia dated January 24, 2013 No. 13). Bulletin of regulatory acts of federal executive authorities dated August 5, 2013 No. 31
5. Decree of the Moscow Government dated July 9, 2014 No. 391-PP “On the use of airspace over Moscow” https://www.mos.ru/authority/documents/doc/3347220/
6. Order of the GUGK of the USSR dated July 13, 1990 No. 11c “On the peculiarities of aerial photography in areas of particularly important or special security industrial and security military facilities” (PARO-90). Entered into force on January 1, 1991. Not officially published.
7. Instructions for determining and ensuring the secrecy of topographic-geodetic, cartographic, gravimetric, aerial and space survey materials on the territory of the USSR" (STGM-90) (approved by Order of the GUGK of the USSR dated July 13, 1990 No. 11c). Entered into force on January 1, 1991. Not officially published.
8. https://aeromotus.ru/dji-drone-for-law-enforcement/
9. https://www.dji.com/ru/phantom-4-rtk/info
10. https://enterprise.dji.com/ru/flighthub-2

Признание недееспособным: некоторые процессуальные аспекты и проблемы

Банный Денис Сергеевич
магистрант, МГЮА им. О. Е. Кутафина, dejkal909@gmail.com

Статья освещает важнейшие процессуальные аспекты признания лица недееспособным, а также существующие на сегодняшний день спорные и дискуссионные вопросы данного института. Автором изучено и описано историческое развитие процедуры лишения дееспособности. Также автор предлагает изменения в законодательство, которые, по его мнению, смогут увеличить процессуальные гарантии лиц, в отношении которых рассматривается дело о лишении дееспособности. В частности, предлагается: уточнить перечень заявителей по рассматриваемой категории дел, ввести при этом коллегиальное рассмотрение при обязательном участии представителя на стороне заинтересованного лица. При написании статьи активно изучался международный и зарубежный опыт регулирования данного вопроса.
Ключевые слова: недееспособность, признание недееспособным, представительство по назначению суда, судебно-психиатрическая экспертиза, прокурор, орган опеки и попечительства.

Несмотря на то, что институт признание недееспособным направлен на защиту прав недееспособного и его имущества[1], существующие законодательные пробелы и недостатки зачастую приводят к нарушению прав лиц, в отношении которых ведутся дела о признании недееспособным.

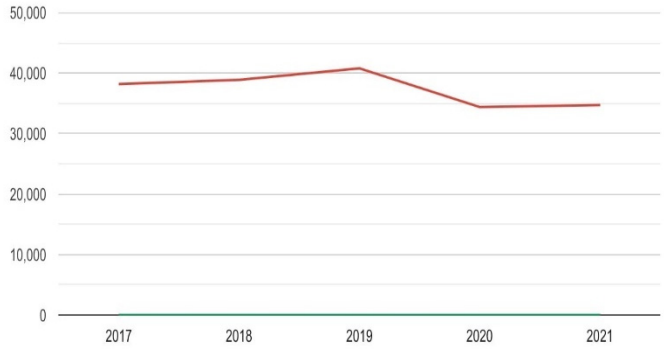

Рис. 1. Количество дел о лишении дееспособности (2017-2021) Источник: Сайт Судебного Департамента Верховного Суда РФ URL: http://www.cdep.ru/?id=80 (дата обращения: 15.10.2022).

Лишить лицо дееспособности можно лишь в том случае, если оно имеет психическое расстройство (медицинский критерий) и не может вследствие него понимать значения своих действий или руководить ими (юридический критерий)[2]. Юридический критерий появился не сразу, а заслуга его выделения принадлежит известному российскому психиатру В. П. Сербскому[3].

Согласно российскому законодательству для признания человека недееспособным требуется наличие обоих критериев. Этот подход соответствует требованиям международных актов, устанавливающих правовые гарантии душевнобольных[4] и правовому опыту многих

[1] Магазинер А.М. Избранные труды по общей теории права. М.: Издательство Р. Асланова, 2006. С. 330.
[2] Ст. 29 Гражданского Кодекса РФ: первая часть от 30 ноября 1994 года // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
[3] Христофорова, М. А. Экспертная оценка способности присутствовать в судебном заседании лиц, в отношении которых решается вопрос о признании их недееспособными: дис. ... канд. мед. наук: 14.01.06. М., 2017. С. 15.
[4] Например, ст. 4 Рекомендации № REC (2004)10 Комитета министров государствам-членам в отношении защиты прав и достоинства лиц, страдающих психическими расстройствами, и пояснительный доклад // Сайт Совета Европы URL: https://rm.coe.int/rec-2004-10-psy-ru/168066caa8#_ftn1 (дата обращения: 05.10.2022).

зарубежных государства (например, Молдова[5], Беларусь[6], Кубинская Республика[7]).

Признание недееспособным начинается с заявления члена семьи, близкого родственника, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, а также стационарной организации социального обслуживания, предназначенной для лиц, страдающих психическими расстройствами. Многие страны, например, Беларусь[8], Таджикистан[9], Кыргызская Республика[10], Литва[11] предоставляют право заявителя ещё и прокурору, что тем не менее запрещено российским законодательством, согласно которому он в деле о признании недееспособным вправе лишь давать заключение по данному делу[12].

Между тем КАС РФ в 2018 году предусмотрел право прокурора подать заявление о госпитализации лица в недобровольном порядке в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь[13]. При этом может возникнуть ситуация, при которой прокурор обращается с требованием о принудительной госпитализации, а эта медицинская организация в свою очередь обращается с заявлением о признании лица недееспособным. То есть по сути в данной ситуации прокурор является косвенным заявителем по делам о признании недееспособным.

По нашему мнению, есть два варианта решения данной проблемы: 1) лишение прокурора права обращаться в суд с заявлением о принудительной госпитализации; 2) предоставление прокурору права обращаться в суд с заявлением о признании лица недееспособным. Таким образом, два вышеперечисленные решения по сути сводятся к унификации двух кодексов по данному вопросу.

Зачастую принудительная госпитализация предшествует признанию лица недееспособным, и получается, что дело о принудительной госпитализации и дело о признании недееспособным потенциально может рассматриваться в отношении одного и того же лица, что подтверждает взаимосвязанность данных категорий дел. При такой ситуации прокурор сможет косвенно участвовать в процессе лишения дееспособности лица, не обладая при этом таким правом. Надо заметить, что до 2015 года, ГПК РФ не включал прокурора в перечень заявителей как по делам о принудительной госпитализации, так и по делам о признании гражданина недееспособным[14]. И это более логичный подход, который также соответствует логике зарубежных правопорядков. Например, согласно законодательству Республики Армения прокурор не может являться заявителем как по делам о принудительной госпитализации лица, так и по делам о признании недееспособным[15].

---

[5] П. 114 Постановления об исключительном случае неконституционности некоторых положений Гражданского кодекса и Гражданского процессуального кодекса Республики Молдова от 17.11.2016 (обращения No 49a/56a/63g/90g/2016) // Сайт Конституционного Суда Республики Молдова URL: https://www.constcourt.md/public/ccdoc/hotariri/h_33_49a_2016_rus.pdf (дата обращения: 05.10.2023).

[6] П. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 16 декабря 2004 г. № 13 «О практике рассмотрения судами дел о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным, а также о признании гражданина дееспособным либо об отмене ограничения дееспособности» // Сайт Верховного Суда Республики Беларусь URL:https://www.court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/civ_proc/spec/eacacedf72eb818e.html (дата обращения: 05.10.2023).

[7] Положение №3 Инструкции Верховного Народного Суда Кубы №244 от 01.04.2019 // Сайт Верховного Народного Суда Кубы URL: https://www.tsp.gob.cu/en/node/5226 (дата обращения: 14.10.2023).

[8] Ст. 373 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь от 11 января 1999 года № 238-З // СПС «Параграф-Юрист» URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415065 (дата обращения: 04.10.2023).

[9] Ст. 286 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан от 5 января 2008 года // СПС «Параграф-Юрист» URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30410757 (дата обращения: 04.10.2023).

[10] Ст. 290 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики от 25 января 2017 года № 14 // Сайт Минюста Кыргызской Республики URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111521?cl=ru-ru (дата обращения: 04.10.2023).

[11] Ст. 463 Гражданского процессуального кодекса Литвы от 28.02.2002 // Сайт Сейма Литвы URL: https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.162435 (дата обращения: 04.10.2023).

[12] Вопрос №2 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ от 06.10.2004 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2004 года» // "Бюллетень Верховного Суда РФ", 2005, N 1.

[13] Федеральный закон от 19 июля 2018 г. N 213-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // "Российская газета", N 160, 25.07.2018.

[14] Ст. 302 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 02.11.2013) // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 16.10.2023).

[15] Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 09.02.2018 // Сайт Парламента Армении URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6196&lang=rus#32a (дата обращения: 16.10.2023).

По нашему мнению, в целях устранения вышеуказанного законодательного пробела следует лишить прокурора права заявителя по делам о принудительной госпитализации в медицинскую организацию.

Предусмотренный законодателем круг заявителей весьма точен и конкретизирован, однако все равно не перестаёт вызывать вопросы и споры у множества авторов, которые предлагают своё видение решения поставленных ими проблем[16]. На наш взгляд, такой широкий перечень лиц, способных заявить о недееспособности другого человека может приводить к существенному нарушению прав заинтересованного лица. Потенциально возможна ситуация, при которой даже дальний родственник, проживающий отдельно от заинтересованного лица, в своих корыстных интересах сможет обратиться в суд и заявить о недееспособности своего родственника. Для решения данной проблемы следует изменить перечень заявителей, убрав из него членов семьи и оставив возможность заявления о недееспособности лишь за близкими родственниками. К близким по ГПК РФ относятся родители, дети, братья, сестры (ст. 281 ГПК РФ). Более верным для ГПК РФ представляется использование понятия близких родственников, данное УПК РФ (ст. 5 УПК РФ), который относит к таковым помимо вышеперечисленных еще и супругов, дедушек, бабушек, внуков, усыновителей и усыновленных. Таким образом, лица, являющиеся дальними родственниками заинтересованного лица, утратят право заявителя по данной категории дел. Предлагаемые изменения получили отражение в Польском ГПК (545 статья ГПК ПР[17]), который ограничивает круг заявителей по рассматриваемой категории дел близкими родственниками[18].

Дела о лишении гражданина дееспособности рассматриваются судом по месту нахождения гражданина, в том числе в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, или стационарной организации социального обслуживания, предназначенной для лиц, страдающих психическими расстройствами (ст. 281 ГПК РФ). Само дело рассматривается в единоличном порядке (ст. 7 ГПК РФ).

Единоличный процесс по делам о признании лица недееспособным, на наш взгляд, не позволяет эффективно обеспечить права заинтересованного лица. Если в советское время коллегиальность процесса была правилом, то сейчас это исключение из правила. Лишь незначительное количество дел рассматривается согласно современному ГПК в коллегиальном порядке. Очевидно, что указанное решение обусловлено во многом экономическими причинами и принципом процессуальной экономии.

Однако по таким сложным делам, как лишение дееспособности, которое затрагивает основы правового статуса личности, его важнейшие конституционные права, постановка вопроса об экономии неуместна. Коллегиальность процесса в свою очередь обеспечивает наиболее полное и всестороннее рассмотрение дела, эффективную защиту прав участников судебного процесса. Единоличное же рассмотрение зачастую превращается в легализацию результатов судебной-психиатрической экспертизы.

Коллегиальность принятия решения показала свою эффективность во многих других отраслях права, например, в административном праве (поскольку многие органы государственной власти принимают сложные решения именно коллегиально[19]), в арбитражном процессуальном праве (где участие коллегии в составе судьи и двух арбитражных заседателей, обладающих специальными знаниями в финансовой, экономической и иных сферах обеспечивает более качественное и квалифицированное рассмотрение дела[20]), в уголовном процессуальном праве (где коллегиально рассматриваются самые сложные дела о наиболее общественно опасных преступлениях[21]) и во многих других отраслях. Верно однажды отметил дореволюционный юрист Е.В. Васьковский: «три плохих судьи в состоянии составить хорошую

[16] Вопрос перечня заявителей затрагивается в работах Тарасова, Е. Н. Процессуальное положение прокурора по делам о признании гражданина недееспособным // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. №4. С. 37; Кукреш Я.О. Актуальные проблемы признания гражданина недееспособным // Вестник научной мысли. 2021. №5. С. 119.

[17] Ст. 545 Гражданского процессуального кодекса Польши от 17 ноября 1964 года // Сайт Польского Сейма URL: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19640430296 (дата обращения: 05.10.2023).

[18] Manowska, M. and P. Gałecki, 2019. Procedural and material aspects of the protection of the rights of a person subject to proceedings for legal incapacitation. Psychiatr. Pol., 53(2): P. 187.

[19] Агапов, А. Б. Административное право в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник для вузов . 12-е изд. М.: Юрайт, 2022. С. 82.

[20] Ст. 2 Федерального закона "Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации" от 30.05.2001 N 70-ФЗ // "Российская газета", N 105, 02.06.2001.

[21] Ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // "Парламентская газета", N 241-242, 22.12.2001.

судебную коллегию»[22]. И это правильное высказывание, ведь при единоличном рассмотрении дела существует большая вероятность произвольного усмотрения, ошибок и преступных злоупотреблений.

При коллегиальном рассмотрении судьи взаимно дополняют друг друга, осуществляя при этом определенный контроль за своими коллегами с целью предотвращения ошибок и злоупотреблений. Некоторые страны, например, Польша (ст. 544 ГПК ПР[23]), КНР (ст. 40, 170 ГПК КНР[24]) предусматривают коллегиальное рассмотрение в анализируемой категории дел. К тому же, как видно из вышеуказанного графика, количество дел о признании недееспособным невелико и поэтому коллегиальное рассмотрение данной категории дел не будет ложиться тяжким бременем на бюджет нашей страны.

Судебный процесс проходит при обязательном присутствии самого гражданина, заявителя, прокурора, представителя органа опеки и попечительства. Особую значимость имеет правило об обязательном участии самого гражданина. Данная гарантия закреплена во многих международных актах, посвящённых правовым гарантиям психически больных (например, принцип №18 «Принципов защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи» от 17.12.1990 года; принцип №13 Рекомендации No R(99)4 Совета Европы «О принципах правовой защиты совершеннолетних недееспособных лиц» и другие акты). Международные[25], зарубежные[26] судебные органы и Конституционный Суд РФ[27] также признают необходимость присутствия лица, в отношении которого решается вопрос о признании недееспособным. В случае, если участие лица в процессе создает опасность для жизни или здоровья его самого или здоровья окружающих, данное дело рассматривается по месту нахождения гражданина. Критерий опасности появился в нашем законодательстве сравнительно недавно (в 2011 году)[28] и поэтому вызывает множество вопросов у практических работников и учёных[29]. Закон напрямую не говорит нам о способах оценки опасности присутствия лица на судебном процессе, поэтому исходя из толкования закона можно сделать вывод о том, что факт опасности может подтверждаться любыми перечисленными в 55 статье ГПК РФ доказательствами. Однако чаще всего на подготовительной стадии процесса при назначении экспертизы судья ставит перед экспертом вопрос о возможности участия лица на судебном процессе[30].

Заинтересованному лицу даётся право участвовать в процессе не только лично, но и посредством выбранных им представителей. Однако участие представителя на стороне заинтересованного лица в целом необязательно

---

[22] Иващенко, А. П. К вопросу о целесообразности коллегиального рассмотрения дел в арбитражном суде апелляционной инстанции // Вестник Томского Государственного Университета. 2011. С. 131; Васьковский, Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 170.

[23] Гражданский процессуальный кодекс Польши от 17 ноября 1964 года // Сайт Польского Сейма URL: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19640430296 (дата обращения: 05.10.2023).

[24] Гражданский процессуальный кодекс Китайской Народной Республики от 9 апреля 1991 года // Сайт Всекитайского собрания народных представителей URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/12/content_1383880.htm (дата обращения: 06.10.2023).

[25] Постановление Европейского Суда по правам человека от 27.03.2008 г. Дело «Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации» (жалоба N 44009/05); Постановление Европейского Суда по правам человека от 10.05.2007 «Дело «Ковалев (Kovalev) против Российской Федерации» (жалоба N 78145/01; Постановление ЕСПЧ от 24.10.1979 Винтерверп против Нидерландов (Жалоба N 6301/73)1991 года // База Решений ЕСПЧ URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"documentcollectionid2":["GRANDCHAMBER","CHAMBER"]} (дата обращения: 04.10.2023).

[26] Например, Постановления об исключительном случае неконституционности некоторых положений Гражданского кодекса и Гражданского процессуального кодекса Республики Молдова от 17.11.2016 (обращения No 49a/56a/63g/90g/2016) // Сайт Конституционного Суда Республики Молдова URL: https://www.constcourt.md/public/ccdoc/hotariri/h_33_49a_2016_rus.pdf (дата обращения: 05.10.2023).

[27] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2009 N 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 16.10.2023)

[28] Была введена Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. N 67-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // "Собрание законодательства РФ", 11.04.2011, N 15, ст. 2040.

[29]Христофорова, М. А. Экспертная оценка способности присутствовать в судебном заседании лиц, в отношении которых решается вопрос о признании их недееспособными: дис. ... канд. мед. наук: 14.01.06. М., 2017. С. 15; Харитонова, Н. К., Яковлева Е. А, Васянина В.И. Экспертные подходы к оценке возможности присутствия больных шизофренией в зале судебного заседания при признании их недееспособными // Российский психиатрический журнал. 2014. №5. С. 48-49.

[30] Ткаченко, А. А. Руководство по судебной психиатрии. В 2 Томах. Том 2: практическое пособие. - 3-е изд. - М.: Юрайт, 2017. С. 36

(ст. 50 ГПК РФ; ст. 284 ГПК РФ). Между тем в некоторых зарубежных странах суд по данной категории дел назначает представителя заинтересованному лицу в случае его отсутствия (например, Казахстан[31], Великобритания[32]). Зарубежные нормы о назначении судом представителя по делам о недееспособности заслуживают внимания российского законодателя. Применение данного опыта в России позволит обеспечить соблюдение принципа равноправия и состязательности сторон судебного процесса. Ведь мы должны понимать, что заявитель будет психически здоровым, а в некоторых случаях ещё и профессиональным (например, от имени медицинской организации может выступать профессиональный юрист) участником процесса. Заинтересованное же лицо – потенциально психически нездоровый участник, который может и не иметь возможность эффективно свою позицию до суда. Следует отметить, что предложения о назначении представителя судом по делам о лишении дееспособности нашли свое отражение на страницах диссертационных исследований С.С. Казихановой[33], И.А. Табак[34], Н.А. Бортниковой[35] и других учёных.

По вопросу лишения дееспособности требуется проведение судебно-психиатрической экспертизы, порядок осуществления которой урегулирован Минздравом РФ[36]. Однако одного лишь заключения судебно-психиатрической экспертизы недостаточно для признания лица недееспособным. Суд должен предоставить заинтересованному лицу право изложить свою позицию по вопросу признания его недееспособным[37].

В заключение следует заметить, что в современном мире получил развитие принцип сохранения дееспособности. Лишение дееспособности согласно данному принципу рассматривается как исключительный правовой инструмент, применяемый лишь в крайних случаях. Широкое распространение данный принцип получил в зарубежных странах. Например, с принятием в 2006 году нового ГПК Эстония полностью отказалась от института лишения дееспособности в пользу её ограничения[38]. Примерно также поступила и Грузия в 2015 году[39]. Россия (см. ст. 29, ст. 30 ГК РФ) в развитие данного принципа, руководствуясь опытом зарубежных стран, предусмотрела институт восстановления дееспособности (такой институт, в частности, предусмотрен в Мальтийской Республике[40]), а также закрепила возможность признания недееспособного гражданина ограниченно дееспособным в случае, если вследствие психического расстройства лицо может понимать значение своих действий или руководить ими, но лишь при помощи других лиц.

Литература

1. Агапов, А. Б. Административное право в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник для вузов . 12-е изд. М.: Юрайт, 2022. 492 с.

2. Бортникова, Н. А Представительство по назначению суда в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2011. 23 с.

3. Васьковский, Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.

[31] Ст. 325 Кодекса Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» // СПС "Параграф-Юрист" URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053 (дата обращения: 10.10.2023).

[32] Правило №17.2 The Court of protection Rules 2017 и ст. 39C Mental Capacity Act 2005 // Сайт Законодательства Великобритании URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2017/1035/article/17.2/made ; https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/9/section/39C (дата обращения: 11.10.2023).

[33] Казиханова, С. С. Представительство по назначению суда в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. М., 2015. С. 9

[34] Табак, И. А. Новые положения судебного представительства в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. М., 2006. С. 28

[35] Бортникова, Н. А Представительство по назначению суда в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2011. С.12

[36] Приказ Министерства здравоохранения РФ от 12 января 2017 г. N 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы»

[37] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2009 N 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 16.10.2023)

[38] Раздел №5 Гражданского процессуального кодекса Эстонской Республики от 01.01.2006 // Сайт Государственной газеты Эстонской Республики URL: https://www.riigiteataja.ee/akt/13261659 (дата обращения: 12.10.2023).

[39] Раздел №7 Гражданского процессуального кодекса Грузии от 14.11.1997 // Сайт Минюста Грузии URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/29962?publication=148 (дата обращения: 12.10.2023).

[40] Ст. 526 Гражданского Процессуального Кодекса Мальты от 1 августа 1855 года // Сайт Мальтийского законодательства URL: https://legislation.mt/eli/cap/12/eng/pdf (дата обращения: 12.10.2023).

4. Галаган И.А. Проблемы совершенствования правового регулирования общественных отношений в советском социалистическом обществе . - Воронеж: Изд-во Воронежского Университета, 1977. 78 с.

5. Грацианский, Н. П. Салическая правда. М.: Образц. тип. им. Жданова, 1950. 168 с.

6. Иващенко, А. П. К вопросу о целесообразности коллегиального рассмотрения дел в арбитражном суде апелляционной инстанции // Вестник Томского Государственного Университета. 2011. С. 131-133.

7. Казиханова, С. С. Представительство по назначению суда в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. М., 2015. 30 с.

8. Корецкий, В. М. Саксонское зерцало . М.: Наука, 1985. 272 с.

9. Кукреш Я.О. Актуальные проблемы признания гражданина недееспособным // Вестник научной мысли. 2021. №5. С. 118-121.

10. Магазинер А.М. Избранные труды по общей теории права. М.: Издательство Р. Асланова, 2006. 352 с.

11. Мохов, А. А. Медицинское право России. Учебник . М.: Проспект, 2021. 498 с.

12. Новицкий, И. Б., Орловский П.Е. Советское гражданское право . М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1959. 494 с.

13. Оруджев, А. Я. Поплавская О. В. Развитие института недееспособности: исторический аспект // Вестник ВолгГМУ. 2014. №3. С. 9-12.

14. Остапенко А.В. Дееспособность граждан как гражданско-правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград, 2011. 31 с.

15. Пашаева О.М. Римское право. Учебное пособие для СПО и прикладного бакалавриата. 2-е изд. М.: Юрайт, 2022. 157 с.

16. Прудников, М. Н. История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров. 6-е изд. М.: Юрайт, 2013. 811 с.

17. Радченко, С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М.: Волтерс Клувер, 2010. 216 с.

18. Серегин, А. В. Сравнительное правоведение (мир правовых семей). Учебник для вузов.. М.: Юрайт, 2020. 363 с.

19. Скрипелев, Е. А. Дигесты Юстиниана. М.: Изд-во Наука, 1984. 457 с.

20. Суровень, Д. А. История государства и права зарубежных стран. Древний мир. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019. 709 с.

21. Табак, И. А. Новые положения судебного представительства в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. М., 2006. 30 с.

22. Тарасова, Е. Н. Процессуальное положение прокурора по делам о признании гражданина недееспособным // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. №4. С. 153-157.

23. Ткаченко, А. А. Руководство по судебной психиатрии. В 2 Томах. Том 2: практическое пособие. - 3-е изд. - М.: Юрайт, 2017. 379 с.

24. Флейшиц, Е. А., Иоффе О.С. Комментарий к ГК РСФСР. - 2-е изд. М.: Юрид. лит., 1970. 823 с.

25. Фомичева, Н. В. Ограничение гражданина в дееспособности: сравнительно-правовой анализ // Вестник СГЮА. 2014. №5. С. 57-63.

26. Харитонова, Н. К., Яковлева Е. А, Васянина В.И. Экспертные подходы к оценке возможности присутствия больных шизофренией в зале судебного заседания при признании их недееспособными // Российский психиатрический журнал. 2014. №5. С. 47-53.

27. Хватова, М. А. Проблемы совершенствования законодательства об ограничении дееспособности граждан // Фундаментальные и прикладные исследования.. 2006. №6. С. 42-43.

28. Христофорова, М. А. Экспертная оценка способности присутствовать в судебном заседании лиц, в отношении которых решается вопрос о признании их недееспособными: дис. ... канд. мед. наук: 14.01.06. М., 2017. 206 с.

29. Шершеневич, Г. Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. (Юристы, изменившие право, государство и общество.). 2-е изд. М.: Статут, 2017. 832 с.

30. Clark, T., 1836. The Students' Cabinet Library of Useful Tracts. Edinburgh: T. Clark,: 362.

31. Manowska, M. and P. Gałecki, 2019. Procedural and material aspects of the protection of the rights of a person subject to proceedings for legal incapacitation. Psychiatr. Pol., 53(2): 177-189.

Recognition as legally incompetent: some procedural aspects and problems

Banny D.S.

MSAL of O.E. Kutafin

The article highlights the most important procedural aspects of declaring a person incompetent, as well as the current controversial and debatable issues of this institution.The author studied and described the historical development of the incapacitation procedure. The author also proposes changes to the legislation, which, in his opinion, will be able to increase the procedural guarantees of persons in respect of whom the case of deprivation of legal capacity is being

considered. In particular, it is proposed: to clarify the list of applicants for the category of cases under consideration, while introducing collegial consideration with the mandatory participation of a representative on the side of the person concerned. When writing the article, international and foreign experience in regulating this issue was actively studied.
Keywords: incapacity, recognition as incapacitated, representation by appointment of a court, forensic psychiatric examination, prosecutor, guardianship and guardianship department.

References

1. Agapov, A. B. Administrative law in 2 volumes. Volume 1. General part: a textbook for universities. 12th ed. Moscow: Yurayt, 2022. 492 p.
2. Bortnikova, N. A. Representation by appointment of a court in civil proceedings: author. dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.15. Saratov, 2011. 23 p.
3. Vaskovsky, E. V. The course of the civil process: Subjects and objects of the process, procedural relations and actions. M.: Statut, 2016. 624 p.
4. Galagan I.A. Problems of improving the legal regulation of social relations in the Soviet socialist society. - Voronezh: Voronezh University Press, 1977. 78 p.
5. Gratsiansky, N. P. Salic truth. M.: Sample. type of. them. Zhdanova, 1950. 168 p.
6. Ivashchenko, A.P. To the question of the expediency of collegial consideration of cases in the arbitration court of appeal // Bulletin of the Tomsk State University. 2011, pp. 131-133.
7. Kazikhanova, S. S. Representation by appointment of a court in civil proceedings: author. dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.15. M., 2015. 30 p.
8. Koretsky, V. M. Saxon mirror. M.: Nauka, 1985. 272 p.
9. Kukresh Ya.O. Actual problems of recognizing a citizen as incompetent // Bulletin of Scientific Thought. 2021. №5. pp. 118-121.
10. Magaziner A.M. Selected works on the general theory of law. Moscow: R. Aslanov Publishing House, 2006. 352 p.
11. Mokhov, A. A. Medical law in Russia. Textbook . M.: Prospekt, 2021. 498 p.
12. Novitsky, I. B., Orlovsky P.E. Soviet civil law. M.: State publishing house of legal literature, 1959. 494 p.
13. Orudzhev, A. Ya. Poplavskaya O. V. Development of the institution of incapacity: a historical aspect // Bulletin of VolgGMU. 2014. №3. pp. 9-12.
14. Ostapenko A.V. Legal capacity of citizens as a civil law category: author. dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.03. Volgograd, 2011. 31 p.
15. Pashaeva O.M. Roman law. Textbook for SPO and applied bachelor's degree. 2nd ed. M.: Yurayt, 2022. 157 p.
16. Prudnikov, MN History of state and law of foreign countries: a textbook for bachelors. 6th ed. Moscow: Yurayt, 2013. 811 p.
17. Radchenko, S. D. Abuse of the right in the civil law of Russia. M.: Wolters Kluver, 2010. 216 p.
18. Seregin, A. V. Comparative law (the world of legal families). Textbook for universities. M.: Yurayt, 2020. 363 p.
19. Skripelev, E. A. Digests of Justinian. Moscow: Nauka Publishing House, 1984. 457 p.
20. Suroven, D. A. History of state and law of foreign countries. Ancient world. Textbook and workshop for undergraduate and graduate students. Moscow: Yurayt, 2019. 709 p.
21. Tabak, I. A. New provisions of judicial representation in civil proceedings: author. dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.15. M., 2006. 30 p.
22. Tarasova, E. N. The procedural position of the prosecutor in cases of recognizing a citizen as incompetent // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2012. No. 4. pp. 153-157.
23. Tkachenko, A. A. Guide to forensic psychiatry. In 2 volumes. Volume 2: practical guide. - 3rd ed. - M.: Yurayt, 2017. 379 p.
24. Fleishitz, E. A., Ioffe, O.S. Commentary on the Civil Code of the RSFSR. - 2nd ed. M.: Yurid. lit., 1970. 823 p.
25. Fomicheva, N. V. Restriction of a citizen in legal capacity: a comparative legal analysis // Vestnik SGUA. 2014. No. 5. pp. 57-63.
26. Kharitonova N.K., Yakovleva E.A., Vasyanina V.I. Expert approaches to assessing the possibility of the presence of patients with schizophrenia in the courtroom when they are recognized as incapacitated // Russian Psychiatric Journal. 2014. No. 5. pp. 47-53.
27. Khvatova, M. A. Problems of improving the legislation on limiting the legal capacity of citizens // Fundamental and applied research.. 2006. No. 6. pp. 42-43.
28. Khristoforova, M. A. Expert assessment of the ability to be present at the hearing of persons in respect of which the issue of declaring them incompetent is being decided: dis. ... cand. Legal sciences. Sciences: 14.01.06. M., 2017. 206 p.
29. Shershenevich, G. F. Favorites. T. 5: Textbook of Russian civil law / Entry. word, comp.: P.V. Krasheninnikov. (Lawyers who changed the law, state and society.). 2nd ed. M.: Statut, 2017. 832 p.
30. Clark, T., 1836. The Students' Cabinet Library of Useful Tracts. Edinburgh: T. Clark: 362.
31. Manowska, M. and P. Gałecki, 2019. Procedural and material aspects of the protection of the rights of a person subject to proceedings for legal incapacitation. Psychiatr. Pol., 53(2): 177-189.

Основные геополитические модели и концепции

Литвиненко Даниил Валерьевич
студент, кафедра политология Дальневосточный федеральный университет, ontonss@mail.ru

Терешина Арина Николаевна
студент, кафедра политология Дальневосточный федеральный университет,

Файзулина Адель Андреевна
студент, кафедра политология Дальневосточный федеральный университет,

Статья рассматривает основные геополитические модели и концепции, предложенные различными исследователями в области геополитики. Введение в область геополитики и ее цель, выделение роли географического положения, политической силы и влияния на мировые процессы и отношения является отправной точкой. Автор подробно рассматривает теорию Гальфорда Макиндера, включая концепции "глобальной оси", "мирового острова" и конфликта между "господством морем" и "господством сушей". Статья также оценивает влияние этих концепций на стратегические интересы государств, формирование блоков влияния, а также прогнозирование возможных конфликтов и сотрудничества.
Ключевые слова: геополитика, геополитические модели, концепции, глобальная ось, мировой остров, господство морем, господство сушей, мировые процессы, международные отношения, стратегические интересы, Центральная Евразия, Центральная Азия.

Введение

Геополитика представляет собой область научных исследований, ориентированных на изучение взаимосвязей между географическим положением стран и регионов, политической силой, их влиянием на мировые процессы и международные отношения. В рамках этой дисциплины выделяются различные модели и концепции, которые помогают понять динамику современного мира и предсказать возможные сценарии развития событий. Геополитические модели и концепции являются инструментами для анализа влияния географических, экономических, культурных и политических факторов на мировую политику. Они обеспечивают основу для понимания стратегических интересов государств, формирования блоков влияния, а также прогнозирования возможных конфликтов и сотрудничества. В данном контексте, ключевые геополитические модели и концепции включают в себя теории классической геополитики, различные школы мышления в области международных отношений, а также современные подходы к анализу глобальных динамик. От классических трудов Гальфорда Макиндера и Николая Спека до современных исследований в области глобальной безопасности, эти концепции обогащают наше понимание того, как география формирует политическую карту мира.

В этом контексте данное исследование позволяет рассмотреть основные теоретические и практические аспекты геополитических моделей и концепций, их роль в современном мире, а также вызовы, стоящие перед аналитиками и политиками при использовании этих подходов для анализа и прогнозирования событий на глобальной арене.

Теория Гальфорда Макиндера

1. **Глобальная ось и Сердце Земли:** Гальфорд Макиндер внес вклад в геополитическую мысль, предложив концепцию "глобальной оси", в основе которой лежит идея стратегического значения определенных географических регионов. Он выделил "сердце Земли" – Центральную Евразию – как ключевой узел на глобальной карте. Его убеждение заключалось в том, что контроль над этим регионом обеспечивает стратегическое преимущество в мировых отношениях. Евразия, как центральный узел

геополитической структуры, представляла собой основу для воздействия на всю планету.

2. **Теория обеспечения и Мировой остров:** Макиндер разработал теорию обеспечения, где он придавал ключевое значение "мировому острову" – Евразии. Он утверждал, что контроль над этим регионом имеет важное геополитическое значение и является необходимым условием для обеспечения мирового лидерства. Особое внимание уделялось Центральной Азии, которую Макиндер считал стратегическим "сердцем" мирового острова.

3. **Господство морем и господство сушей:** В своей теории о господстве морем и господстве сушей, Макиндер выдвинул идею о конфликте между морскими и сухопутными державами. Он считал, что господство в мировых отношениях зависит от контроля над морскими путями и сушей. Его теории вдохновили стратегов и политиков, оказав влияние на формирование военных стратегий и геополитических концепций.

Почему Евразия играла ключевое геополитическое значение? Евразия считалась ключевым регионом в геополитике Макиндера из-за своего центрального расположения, контроль над которым обеспечивал стратегическую преемственность и влияние на все стороны света. Большая часть мировых ресурсов, торговых путей и населения сосредоточена в этом регионе, что делает его эпицентром глобальной власти и влияния.

Недостатками теории можно выделить: во-первых, слишком детерминистский подход – теория не учитывает изменчивость политических, экономических и социальных условий, во-вторых, в послевоенные годы изменись геополитические приоритеты, тем самым теория стала менее применима, в-третьих, развитие процессов интеграции и глобализации привело к тому, что государства стали более взаимозависимыми, что не всегда согласуется с идеей геополитического доминирования определенных регионов.

В результате эти и другие факторы привели к постепенному отходу от классической геополитики Макиндера в современной научной и политической мысли.

Теория "Мировая система" Иммануила Валлерштейна

Теория "Мировая система" Иммануила Валлерштейна, выдвинутая в рамках мировой системной теории (World-System Theory), представляет собой интегративный подход к изучению мировой политики и экономики. Валлерштейн разработал свою теорию в середине XX века, стремясь предложить более комплексный взгляд на мировые отношения, основанный на идее, что мировая система формируется в результате взаимодействия государств и экономических структур. Согласно Валлерштейну, мировая система представляет собой единую структуру, включающую группы государств, которые функционируют как единое целое. Эти группы государств делятся на центр, полупериферию и периферию, каждая из которых играет свою роль в формировании мирового порядка. Центральные государства обладают экономической мощью и контролируют ключевые ресурсы, полупериферийные страны выполняют функции посредников, а периферийные страны часто подвергаются эксплуатации и зависимости.

Ключевым аспектом теории Валлерштейна является уделяемое внимание экономическим взаимосвязям и зависимостям. Валлерштейн анализирует развитие капитализма, выделяя его циклические тенденции и структурные особенности. Он подчеркивает, что стратегии государств в системе направлены на максимизацию своей экономической выгоды, что приводит к постоянной борьбе за ресурсы и влияние.

Для Валлерштейна характерен интерес к историческому изучению мировых систем и их эволюции. Он рассматривает изменения в структуре мировой системы, выявляя цикличность подъемов и падений различных государств и регионов. Также в его работах выделяется акцент на геополитических аспектах и воздействии структурной зависимости на динамику конфликтов и взаимоотношений между государствами.

Теория Иммануила Валлерштейна предоставляет глубокий анализ мировой политики и экономики, стремясь объяснить системные взаимосвязи и долгосрочные тенденции развития. Её влияние простирается на обширный спектр дисциплин, включая международные отношения, историю, социологию и экономику.

Концепция "Гипергегемонии" Роберта Гилпина

Концепция "Гипергегемонии", предложенная американским политологом Робертом Гилпином, представляет собой важный аспект в рамках исследований гегемонии и глобального порядка. Суть этой концепции заключается в исследовании явления, когда одно государство обладает абсолютным, несопоставимым преимуществом в экономике, военной мощи и влиянии в мировых отношениях. Автор внес значительный вклад в изучение гегемонии, развивая идеи, выдвинутые предшественниками, такими

как Карл Шмитт и Ганс Моргентау. В его работах, особенно в книге "Гегемония и стратегия" (1981), он анализирует эволюцию глобального порядка и роли гегемона в его формировании. Гипергегемония – это более высокий уровень гегемонии, который предполагает не только доминирование в одной области (например, экономика или военная мощь) над другими государствами, но и обладание абсолютным преимуществом во всех сферах. Гипергегемония означает, что нет других акторов, способных соперничать с доминирующей страной в любом измерении мировой власти. Гилпин утверждает, что гипергегемония, если она достигнута, часто вызывает сопротивление со стороны других государств и может привести к долгосрочным геополитическим последствиям. Он обращает внимание на роль экономической мощи и технологического превосходства в формировании гипергегемонии, а также подчеркивает, что поддержание такой позиции требует не только военной силы, но и умения воздействовать на мировые институты и нормы. Примечательно, что Гилпин также рассматривает исторические случаи гипергегемонии, включая Британскую эпоху в XIX веке и период после Первой мировой войны, когда Соединенные Штаты стали явным гегемоном.

Таким образом, концепция "Гипергегемонии" Роберта Гилпина предоставляет важный аналитический инструмент для понимания структуры и динамики мировой системы, акцентируя внимание на роли главенства в формировании глобального порядка и вызывая вопросы о долгосрочной устойчивости таких систем.

Заключение

В заключение данной статьи, касающейся различных геополитических моделей и концепций, можно отметить, что изучение этих теорий предоставляет ценный инструментарий для понимания сложных взаимосвязей в мировой политике. Классические теории, такие как концепции Гальфорда Макиндера и Николая Спека, предоставляют основополагающие принципы, объясняющие геополитическое значение регионов и роли морской и сухопутной власти. Авторские модели, такие как теория Иммануила Валлерштейна о "Мировой системе", подчеркивают важность экономических отношений и зависимости в формировании мирового порядка. Эта концепция дает понимание долгосрочных циклов развития и взаимосвязи между центром, полупериферией и периферией. Концепция "Гипергегемонии" Роберта Гилпина расширяет наше понимание гегемонии, подчеркивая возможность абсолютного доминирования в нескольких аспектах мировой власти. Этот взгляд важен для анализа стремлений стран к глобальному лидерству и их влиянию на мировую политику. Обширные теоретические рамки, предложенные выдающимися учеными, обеспечивают глубокий анализ геополитических процессов, позволяя предсказывать и объяснять долгосрочные тенденции. Вместе эти концепции формируют базу для понимания мировых отношений и предоставляют ценную информацию для прогнозирования и разработки стратегий в современном мире, где геополитические факторы играют важную роль в формировании наций и регионов.

Литература

1. Макиндер, Г. Дж. "Географический Ось Истории"/Г. Дж. Макиндер // Географический Журнал. – 1904. - № 23(4). – с. 421–437
2. Макиндер, Г. Дж. "Демократические Идеалы и Реальность/ Г. Дж. Макиндер // Исследование Политики Реконструкции. – 1992. – М.
3. Спайкман, Н. Дж. "Стратегия Америки в Мировой Политике/ Н. Дж. Спайкман // Соединенные Штаты и Баланс Сил. – 2004. - М.
4. Мэн, А. Т. "Влияние Морской Силы на Историю / А. Т. Мэн // Эксмо. – 2007. – М.
5. Бжезинский, З. «Гранд Шахматная Доска: Американская Приматство и Ее Геостратегические Императивы.» / З. Бжезинский // Эксмо. – 2005. – М.
6. Каплан, Р. Д. "Муссон: Индийский Океан и Будущее Американской Мощи."/ Р. Д. Каплан // ИД Весь мир – 2011. – М.
7. Хаасс, Р. Н. "Возраст Неполярности: Что Последует за Доминированием США." / Р. Н. Хаасс // Foreign Affairs – 2008. - №87(3). - с. 44–56.
8. Коэн, С. Б. "Рост и Падение Величайшей Военной Базы В Мире." / С. Б. Коэн // Foreign Affairs. – 2008. - № 87(6). - с. 117–130.
9. Хантингтон, С. П. "Столкновение Цивилизаций" / С. П. Хантингтон // Foreign Affairs. - 1993. - №72(3) - с. 22–49.

Basic geopolitical models and concepts

Litvinenko D.V., Tereshina A.N,, Fayzulina A.A.

Far Eastern Federal University

The article examines the main geopolitical models and concepts proposed by various researchers in the field of geopolitics. An introduction to the field of geopolitics and its purpose, highlighting the role of geographical location, political power and influence on world processes and relations is the starting point. The author examines in detail the theory of Galford Mackinder, including the concepts of the "global axis", the "world island" and the conflict between "mastery of the sea" and "dominance of the land". The article also assesses the impact of these concepts on the strategic interests of states, the formation of blocks of

influence, as well as forecasting possible conflicts and cooperation.

Keywords: geopolitics, geopolitical models, concepts, global axis, world island, dominance of the sea, dominance of the land, world processes, international relations, strategic interests, Central Eurasia, Central Asia.

References

1. Mackinder, G. J. “The Geographical Axis of History”/G. J. Mackinder // Geographical Journal. – 1904. - No. 23(4). - With. 421–437
2. Mackinder, G. J. “Democratic Ideals and Reality / G. J. Mackinder // Study of the Politics of Reconstruction. – 1992. – M.
3. Spykman, N. J. "America's Strategy in World Politics / N. J. Spykman // United States and the Balance of Power. - 2004. - M.
4. Man, A. T. “The Influence of Sea Power on History / A. T. Man // Eksmo. – 2007. – M.
5. Brzezinski, Z. "The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives." / Z. Brzezinski // Eksmo. – 2005. – M.
6. Kaplan, R. D. “Monsoon: the Indian Ocean and the Future of American Power.” / R. D. Kaplan // Publishing House Whole World - 2011. - M.
7. Haass, R. N. "The Age of Non-Polarity: What Follows US Dominance." / R. N. Haass // Foreign Affairs – 2008. - No. 87(3). - With. 44–56.
8. Cohen, S. B. "The Rise and Fall of the World's Greatest Military Base." / S. B. Cohen // Foreign Affairs. – 2008. - No. 87(6). - With. 117–130.
9. Huntington, S.P. “Clash of Civilizations” / S.P. Huntington // Foreign Affairs. - 1993. - No. 72(3) - p. 22–49.